А2 8/32
т.3
Кн 8-10

А.2
3/32
Т.3. Кн 8

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія.

Новый исправленный переводъ
Московской Духовной Академіи.

Т.3

Книга 8.

Безплатное приложеніе къ журналу
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ за 1911 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

А2 8/32

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія.

Новый исправленный переводъ Московской Духовной Академіи.

Томъ III.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.
1911.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ ____ г.
ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 1540
3/IV 193 г.
БИБЛИОТЕКА.

ПИСЬМА.

ОТДѢЛЪ I.

Письма, писанныя святымъ Василіемъ прежде епископства его (357—370 г.).

1. Къ Евстаѳію Философу.

Св. Василій, множествомъ препятствій къ свиданію съ Евстаѳіемъ доведенный до мысли приписывать сіе судьбѣ или счастію, по полученіи письма отъ Евстафія перемѣняетъ сію мысль и видитъ въ томъ же самомъ дѣло Промысла. (Писано въ 357 г.).

Удивительно, какъ ободрилъ и утѣшилъ ты меня своими письмами, когда терялъ уже я бодрость отъ немилостей, такъ называемаго, счастія, которымъ всегда полагались мнѣ какія-нибудь препятствія къ свиданію съ тобою. Иногда спрашивалъ я даже самъ себя: не справедливо ли повторяемое многими, что есть какая-то необходимость и судьба, управляющая и маловажными и важнѣйшими изъ нашихъ дѣлъ, и что мы—люди ни въ чемъ сами не властны; или, если не это, безъ сомнѣнія, какое-то счастіе преслѣдуетъ жизнь человѣческую? и такія мысли найдешь весьма извинительными, когда узнаешь причины, которыми доведенъ я до нихъ.

По молвѣ о твоей философіи оставилъ я Аѳины, презрѣвъ все тамошнее. Съ такою поспѣшностію проѣхалъ городъ на Геллеспонтѣ [1]), съ какою ни одинъ Улиссъ не бѣжалъ отъ пѣнія Сиренъ. Съ удивленіемъ, правда, взиралъ на Азію, но поспѣшалъ къ митрополіи [2]) всѣхъ красотъ. Когда же прибылъ на родину, и поискавъ, не нашелъ тамъ тебя великое кое для меня пріобрѣтеніе; съ этого самаго времени было у меня уже много разныхъ причинъ, служившихъ неожиданнымъ препятствіемъ. Непремѣнно надобно было или сдѣлаться мнѣ больнымъ, и потому не видаться съ тобою, или не имѣть возможности ѣхать вмѣстѣ, когда отправлялся ты на востокъ, а, наконецъ, когда, перенеся тысячи пудовъ, достигъ я Сиріи,

---

[1]) Константинополь.

[2]) Къ Кесаріи.

и тамъ не свидѣться съ философомъ, который отбылъ къ Египтянамъ. Опять надобно было отправляться въ Египетъ, совершить путь дальній и трудный, но и здѣсь не получить, чего домогался. И столько былъ я несчастливъ въ любви къ тебѣ, что надобно мнѣ стало или идти къ Персамъ, слѣдовать за тобою къ самымъ отдаленнымъ варварамъ (ты, конечно, поѣхалъ бы и туда; такъ противоборствовалъ мнѣ демонъ!), или сидѣть здѣсь въ Александровомъ городѣ, какъ это и случилось. И мнѣ кажется, если бы не отказался я идти за тобою, подобно овцѣ, которую манятъ, показывая ей вѣтвь, тебѣ довелось бы идти далѣе индійскаго Нисса, и скитаться въ странѣ, ежели только есть какая на краю обитаемой нами вселенной. Но къ чему говорить много? И теперь, напослѣдокъ, когда проживаешь ты на родинѣ, не удалось мнѣ видѣться съ тобою, потому что удерживаютъ меня отъ этого продолжительные недуги. А если и впереди они не облегчатся; то и зимою не свижусь съ твоею ученостію. Не дѣло ли это судьбы, какъ самъ бы ты сказалъ? Не дѣло ли необходимости? Почти не превосходитъ ли это и выдуманныя стихотворцами басни о Танталѣ?

Но, какъ сказано, обрадованъ я твоими письмами, и не удержусь больше прежней мысли. Напротивъ того утверждаю, что надобно благодарить Бога, когда подаетъ Онъ блага, и не выходить изъ терпѣнія, когда не ущедряетъ ими. Поэтому, если дастъ мнѣ возможность видѣться съ тобою, то, конечно, признаю это для себя и самымъ лучшимъ и вмѣстѣ самымъ пріятнымъ дѣломъ. А если замедлится наше свиданіе, перенесу эту потерю благодушно; потому что Богъ, безъ всякаго сомнѣнія, распоряжаетъ нашими дѣлами лучше, нежели какъ предначертали бы мы сами.

2. Къ Григорію Богослову.

Св. Григорію, который желалъ знать образъ жизни и препровожденіе времени въ Василіевой пустынѣ, по скромномъ отзывѣ о себѣ самомъ, излагаетъ правила подвижнической жизни, показываетъ пользу уединенія, чтенія Писаній и молитвы, также описываетъ внѣшнюю жизнь подвижника. (Писано въ началѣ уединенія).

Узналъ я письмо твое, какъ узнаютъ дѣтей друга, по примѣчаемому сходству съ родителями. Положеніе мѣста, говоришь ты, не много значитъ и не можетъ въ душѣ твоей произвести сколько-нибудь влеченія къ тому, чтобъ жить съ нами вмѣстѣ, пока не узнаешь чего-нибудь о нашемъ образѣ жизни и о препровожденіи у насъ времени. Подлинно, это—твое разсужденіе, достойное твоей души, которая все здѣшнее ставитъ ни во что въ сравненіи съ блаженствомъ, какое уготовано намъ по обѣтованіямъ.

Но я стыжусь и писать о томъ, что самъ дѣлаю ночь и день въ этой пустынѣ. Ибо, хотя и оставилъ я городскую жизнь, какъ поводъ къ тысячамъ золъ, однако же никакъ не могъ оставить самого себя. Но похожу на

людей, которые, по непривычкѣ къ плаванію на морѣ, приходятъ въ изнеможеніе и чувствуютъ тошноту, жалуются на величину корабля, какъ на причину сильной качки, а перейдя съ него въ лодку или малое судно, и тамъ страждутъ тошнотой и головокруженіемъ; потому что съ ними вмѣстѣ переходятъ тоска и желчь. Подобно сему въ нѣкоторомъ отношеніи и мое положеніе: потому что, нося съ собою живущія въ насъ страсти, вездѣ мы съ одинаковыми мятежами; а потому немного извлекаемъ пользы изъ этого одиночества.

Что же надлежало намъ сдѣлать и съ чего начать, чтобы идти по слѣдамъ Вождя нашего спасенія? ибо Онъ говоритъ: „аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ“ (Матѳ. 16, 24).—Вотъ что:

Надобно стараться имѣть умъ въ безмолвіи. Какъ глазъ, который въ непрестанномъ движеніи, то вертится въ стороны, то обращается часто вверхъ и внизъ, не можетъ ясно видѣть того, что передъ нимъ, а напротивъ того, если хочешь сдѣлать, чтобы зрѣніе его было ясно, надобно устремить взоръ на одинъ видимый предметъ: такъ и умъ человѣческій, если развлеченъ тысячами мірскихъ заботъ, не можетъ ясно усматривать истину. Какъ не связаннаго еще узами брака приводятъ въ смятеніе неистовыя пожеланія, неудержимыя влеченія и какія-то мученія любви; такъ вступившаго уже въ супружество встрѣчаетъ новое волненіе заботъ; когда нѣтъ дѣтей, желаніе имѣть ихъ, а когда есть дѣти, попеченіе объ ихъ воспитаніи, охраненіе супруги, раченіе о домѣ, надзоръ за служителями, утраты по договорамъ, споры съ сосѣдями, тяжбы въ судахъ, опасности въ торговлѣ, труды въ земледѣліи. Каждый день приноситъ съ собою свое омраченіе душѣ, и ночи, получая въ наслѣдство дневныя работы, обольщаютъ тѣми же представленіями. Одинъ только способъ избѣжать сего; это—удаленіе отъ сего міра. А удаленіе отъ міра состоитъ не въ томъ, чтобъ тѣломъ быть внѣ міра, но чтобы душею оторваться отъ пристрастія къ тѣлу, не имѣть у себя ни города, ни дома, ни собственности, ни товарищества, быть нестяжательнымъ, не безпокоющимся о средствахъ жизни, беззаботнымъ, избѣгающимъ всякаго сношенія съ людьми, не знающимъ человѣческихъ правилъ, готовымъ принимать напечатлѣваемое въ сердцѣ божественнымъ ученіемъ. Пріуготовленіе же сердца состоитъ въ отученіи его отъ тѣхъ правилъ, какія заняты имъ изъ лукаваго обычая, потому что и на воску нельзя писать, не изгладивъ положенныхъ на немъ начертаній; и душѣ невозможно ввѣрить божественныхъ догматовъ, не истребивъ въ ней укорененныхъ навыкомъ мнѣній. Для сего, конечно, весьма великую пользу доставляетъ намъ уединеніе, которое усыпляетъ въ насъ страсти, и даетъ разуму досугъ совершенно отсѣчь ихъ отъ души. Какъ не трудно одолѣ-

вать укрощенныхъ звѣрей; такъ пожеланія, гнѣвъ, страхъ, скорби, эти злые ядовитые звѣри въ душѣ, если усыплены они безмолвіемъ, а не приводимъ ихъ въ разсвирѣпѣніе постояннымъ раздраженіемъ, удобнѣе преодолѣваются силою разума.

Поэтому пусть будетъ избрано такое мѣсто, каково, напримѣръ, наше, свободное отъ общенія съ людьми, чтобы ничто постороннее не прерывало непрестаннаго упражненія. Упражненіе же въ благочестіи питаетъ душу божественными размышленіями. Поэтому что блаженнѣе сего—на землѣ подражать лику Ангеловъ: при самомъ началѣ дня поспѣшать на молитву, чествовать Создателя пѣснями и пѣніями; потомъ, когда возсіяетъ совершенно солнце, принявшись за дѣла, и вездѣ имѣя при себѣ молитву, приправлять свои работы пѣснопѣніями, какъ солію; потому что пѣсненныя утѣшенія приносятъ душѣ безпечальное и радостное успокоеніе?

Итакъ безмолвіе служитъ для души началомъ очищенія, когда ни языкъ не произноситъ чего либо человѣческаго, ни глаза не заняты разсматриваніемъ доброцвѣтности и соразмѣрности въ тѣлахъ, ни слухъ не разслабляетъ душевнаго напряженія слушаніемъ пѣсней, сложенныхъ для удовольствія, или разговорами людей шутливыхъ и смѣхотворныхъ, что, обыкновенно, всего болѣе ослабляетъ душевныя силы. Умъ, не разсѣиваясь по внѣшнимъ предметамъ, и не развлекаясь міромъ подъ вліяніемъ чувствъ, входитъ въ самого себя, а отъ себя восходитъ къ мысли о Богѣ; озаряемый же этою Добротою приходитъ въ забвеніе о самой природѣ; душа не увлекается ни попеченіемъ о пропитаніи, ни безпокойствомъ объ одеждахъ, но, на свободѣ отъ земныхъ заботъ, всю свою ревность обращаетъ на пріобрѣтеніе вѣчныхъ благъ, на то, чтобы возрастали въ ней цѣломудріе и мужество, справедливость и благоразуміе, а равно и прочія добродѣтели, которыя, состоя подъ сими родовыми добродѣтелями, обязываютъ ревнителя всякое дѣло въ жизни исполнять должнымъ образомъ.

А самый главный путь, которымъ отыскиваемъ то, къ чему обязываетъ насъ долгъ, есть изученіе богодухновенныхъ Писаній; потому что въ нихъ находимъ мы правила дѣятельности, и въ нихъ житія блаженныхъ мужей, представленныя въ письменахъ, подобно какимъ-то одушевленнымъ картинамъ жизни по Богу, предлагаются намъ для подражанія добрымъ дѣламъ. Поэтому, въ чемъ бы кто ни сознавалъ себя недостаточнымъ, занимаясь Писаніемъ, въ немъ, какъ въ общей какой врачебницѣ, находитъ врачевство, пригодное своему недугу. И любитель цѣломудрія часто перечитываетъ исторію объ Іосифѣ, у него учится цѣломудреннымъ поступкамъ, находя его не только воздерживающимся отъ удовольствій, но по навыку расположеннымъ къ добродѣтели. А мужеству обучается у Іова который, при несчастномъ переворотѣ его жизни, въ одно мгновеніе сдѣ-

лавшись изъ богатаго бѣднымъ и изъ благочаднаго безчаднымъ, не только самъ въ себѣ не перемѣнился, сохраняя во всемъ возвышенный образъ мыслей, но даже безъ огорченія перенесъ и то, что друзья, пришедши для утѣшенія, ругались надъ нимъ и усугубляли скорбь его. Опять, кто имѣетъ въ виду, какъ въ то же время быть и кроткимъ и великодушнымъ, чтобы противъ грѣха дѣйствовать гнѣвомъ, а на людей—кротостію, тотъ найдетъ Давида мужественнымъ въ военныхъ подвигахъ, но кроткимъ и непоколебимымъ при воздаяніи врагамъ. Таковъ и Моисей, который съ великимъ гнѣвомъ возстаетъ на согрѣшавшихъ предъ Богомъ, но съ кроткимъ сердцемъ переноситъ клеветы на него самого. И какъ живописцы, когда пишутъ картину съ картины, часто всматриваясь въ подлинникъ, стараются черты его перенести въ свое произведеніе: такъ и возревновавшій о томъ, чтобы содѣлаться совершеннымъ во всѣхъ частяхъ добродѣтели, долженъ при всякомъ случаѣ всматриваться въ житія святыхъ, какъ бы въ движущіяся и дѣйствующія какія изваянія, и что въ нихъ добраго, то чрезъ подражаніе дѣлать своимъ.

Опять, если за чтеніями слѣдуютъ молитвы, то душа, движимая любовію къ Богу, приступаетъ къ нимъ бодрѣе и зрѣлѣе. Прекрасна же молитва, уясняющая въ душѣ мысль о Богѣ. А посредствомъ памятованія водруженная въ насъ мысль о Богѣ есть вселеніе въ насъ самого Бога. Такимъ образомъ дѣлаемся мы храмомъ Божіимъ, когда непрестанное памятованіе не прерывается земными заботами, и умъ не возмущается внезапными страстными движеніями, но избѣгающій всего боголюбецъ уединяется въ Богѣ, отражая отъ себя страсти, приманивающія его къ воздержанію, и проводитъ время въ занятіяхъ, ведущихъ къ добродѣтели.

И прежде всего надобно стараться не быть невѣждою въ употребленіи дара слова, но спрашивать безъ любопрительности, а отвѣчать безъ надменности, не прерывая собесѣдующаго, когда говоритъ что полезное, безъ желанія бросить отъ себя на показъ слово, назначая мѣру и слово слуху; надобно учиться не стыдясь, учить не скупясь, и если что узналъ отъ другаго, не скрывать сего, уподобляясь негоднымъ женщинамъ, которыя подкидываютъ незаконнорожденныхъ дѣтей, но съ признательностію объявлять, кто отецъ слова. Въ напряженіи голоса должна быть предпочитаема середина, чтобы при маломъ напряженіи не оставался онъ несмысленнымъ, и при большемъ усиленіи не дѣлался несноснымъ. Надобно самому съ собою обдумывать, что будешь говорить, и потомъ уже пускать слово въ народъ. При встрѣчахъ должно быть привѣтливымъ, въ разговорахъ пріятнымъ не шутливостію подслащая рѣчь, но сообщая ей усладительность радушіемъ совѣта. Во всякомъ случаѣ, хотя бы надлежало сдѣлать и выговоръ, надобно избѣгать жестокости; ибо, если самъ себя унизишь по смиренномуд-

рію, то найдешь удобный доступъ къ имѣющему нужду въ уврачеваніи. А часто полезенъ намъ и тотъ способъ выговора, какой употребленъ Пророкомъ, который согрѣшившему Давиду не отъ себя произнесъ опредѣленіе осужденія, но употребивъ вводное лице, сдѣлавъ самого Давида судіею собственнаго своего грѣха; такъ что, самъ на себя произнесши осужденіе, не жаловался онъ уже на обличителя.

Смиренному и сокрушенному образу мыслей приличны взоръ печальный и потупленный въ землю, небрежность о наружности, волосы непричесанные, одежда немытая. Что плачущіе дѣлаютъ съ намѣреніемъ, то у насъ должно выказываться не намѣренно. Надобно, чтобы хитонъ былъ собранъ на тѣлѣ поясомъ, впрочемъ подпояска лежала не выше чреслъ (это было бы женоподобно), и не такъ слабо стягивалась, чтобы хитонъ могъ развѣваться (это было бы изнѣженно). Походка должна быть не медленная, которая бы изобличала душевное разслабленіе, и опять не скорая и торопливая, которая бы обнаруживала иступленныя движенія души. Цѣль одежды одна—служить для плоти покровомъ, достаточнымъ зимою и лѣтомъ. Но не гоняйся за пріятностію въ цвѣтѣ, за тонкостію и мягкостію въ отдѣлкѣ. Ибо разбирать доброцвѣтность одежды есть то же щегольство, какимъ заняты женщины, которыя и щеки и волосы у себя окрашиваютъ въ чужой цвѣтъ. Напротивъ того полезно, если хитонъ имѣетъ столько толщины, что надѣвшій его можетъ согрѣться, не имѣя нужды въ другомъ. Обувь должна быть по цѣнѣ дешевая, но достаточно удовлетворяющая потребности. Однимъ словомъ, какъ въ одеждѣ надобно предпочитать необходимое; такъ въ пищѣ удовлетворить нуждѣ хлѣбъ, жажду утолить у здороваго вода, и еще варенія изъ сѣменъ могутъ поддерживать въ тѣлѣ крѣпость для необходимыхъ потребностей. А пищу вкушать должно, не выказывая бѣшеной жадности, но во всемъ соблюдая твердость, кротость, и воздержность отъ удовольствій, даже въ это самое время имѣя умъ непраздный отъ мысли о Богѣ; напротивъ же того самое свойство снѣдей и устройство пріемлющаго ихъ тѣла надобно обращать въ предлогъ къ славословію Домостроителя вселенной, Которымъ промышлены различные роды снѣдей, приспособленные къ свойству тѣлъ. Молитвы предъ вкушеніемъ пищи должно совершать достойно даровъ Божіихъ, какіе и теперь подаются, и сберегаются на будущее время. Молитвы по вкушеніи пищи пусть содержатъ въ себѣ и благодареніе за дарованное, и прошеніе обѣтованнаго. На принятіе пищи долженъ быть назначаемъ одинъ опредѣленный часъ, и притомъ одинъ и тотъ же въ продолженіе извѣстнаго срока, такъ чтобы изъ двадцати четырехъ часовъ въ суткахъ онъ только одинъ употребляемъ былъ для тѣла, всѣ же прочіе часы проводилъ подвижникъ въ умномъ дѣланіи.

Сонъ долженъ быть легкій, отъ котораго безъ труда можно пробудиться, и какой естественнымъ образомъ слѣдуетъ послѣ малаго вкушенія пищи, его съ намѣреніемъ надобно прерывать попеченіями о дѣлахъ важныхъ. А погруженіе въ глубокое усыпленіе до разслабленія членовъ, чѣмъ дается время неразумнымъ мечтаніямъ, предаетъ спящаго такимъ образомъ ежедневной смерти. Напротивъ того, на что другими употребляется утро, на то подвижникамъ благочестія служитъ полночь; потому что ночное безмолвіе всего болѣе даетъ свободу душѣ, когда ни глаза, ни уши не передаютъ сердцу вредныхъ зрѣлищъ или слуховъ, но умъ наединѣ пребываетъ съ Богомъ, и какъ исправляетъ себя припоминаніемъ содѣланныхъ грѣховъ, такъ предписываетъ себѣ правила къ уклоненію отъ зла, и къ совершенію преднамѣреннаго испрашиваетъ содѣйствія у Бога.

Таково [1]) мое тебѣ сказаніе братской любви, о любезная глава! А ты соблаговоли вознаградить меня святыми своими молитвами, чтобы спастись мнѣ отъ настоящаго лукаваго вѣка, и отъ безразсудныхъ людей, освободившись же отъ всякаго грѣха, а лучше сказать, отдѣлившись отъ самаго врага, и навѣтника нашей жизни, чистымъ сердцемъ узрѣть въ познаніи Бога всяческихъ, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

3. Къ Кандидіану.

Хвалитъ Кандидіана за то, что среди почестей не гордится и сохраняетъ любовь къ наукамъ, а вмѣстѣ проситъ защиты отъ насилій одного человѣка, ограбившаго домъ Василіевъ въ Аннисахъ. (Писано изъ уединенія).

Когда взялъ я въ руки письмо твое; было со мною нѣчто достойное того, чтобы выслушать. Брался я за него съ уваженіемъ, какъ за извѣстіе о какомъ государственномъ дѣлѣ, и пока разламывалъ восковую печать, смотрѣлъ со страхомъ, какъ ни одинъ обвиненный Спартанецъ не смотритъ на лакедемонскій свитокъ. Когда же развернулъ и прочелъ до конца; стало мнѣ смѣшно, частію отъ удовольствія, что не узналъ ничего новаго, а частію отъ того, что сравнилъ тебя съ Демосѳеномъ.—Когда случилось ему содержать на своемъ иждивеніи нѣсколькихъ плясуновъ и свирѣльщиковъ; тогда захотѣлъ онъ называться уже не Демосѳеномъ, а начальникомъ хора. А ты всегда одинаковъ, содержишь ли кого, или не содержишь. И хотя на твоемъ содержаніи больше тысячи воиновъ, нежели сколько человѣкъ получали необходимое отъ Демосѳена; однако же ко мнѣ пишешь не по чину своему, но обычнымъ тебѣ образомъ, и не съ мень-

[1]) Сіе заключеніе письма читается въ рукописи Вѣнской библіотеки подъ № 86 См. Lambecii Commentaria de Bibl. Cols. Vindobonensi L. III p. 373.

нимъ противъ прежняго стараніемъ о слогѣ, но, по выраженію Платона, среди зимы и бури дѣлъ, какъ бы стоя за твердою какою стѣною, не принимаешь въ душу никакой тревоги, лучше же сказать, сколько можешь, и другихъ не допускаешь до безпокойства.

Таково твое дѣло! Оно велико и весьма чудно для тѣхъ, кто способенъ понимать, и опять не очень чудно для того, кто сравниваетъ сіе съ цѣлымъ предначертаніемъ жизни. Выслушай же, каково и мое положеніе; подлинно, оно странно, и справедливо постигло меня.

Одинъ грубый человѣкъ изъ живущихъ съ нами въ Аннисахъ, по смерти моего служителя, не сказавъ, что имѣлъ съ нимъ какое-то условіе, не явившись ко мнѣ, не принеся жалобы, не захотѣвъ получить отъ меня по доброй волѣ, не сдѣлавъ угрозы, что, если не получитъ, то вынудитъ силою, вдругъ, съ нѣсколькими подобными ему по безправсудству, ворвался ко мнѣ въ домъ, прибилъ охранявшихъ его женщинъ, и разломавъ двери, вынесъ изъ него все, иное забралъ самъ, а другое предоставилъ на расхищеніе всякому, кто хотѣлъ.

Поэтому, чтобы не быть мнѣ послѣднимъ изъ немощныхъ, и не подать о себѣ мысли, что всякой можетъ нападать на меня, позволь попросить тебя—употребить и нынѣ то же стараніе, какое оказывалъ ты о всѣхъ дѣлахъ моихъ. А мое спокойствіе сохранится уже тѣмъ однимъ что буду состоять подъ твоимъ покровительствомъ. Я удовольствуюсь тѣмъ наказаніемъ, если виновный будетъ взятъ начальникомъ селенія и на короткое время заключенъ въ тюрьму; потому что не только негодую за то, что потерпѣлъ, но имѣю нужду въ безопасности на будущее время.

Къ Олимпію.

Остроумно благодаритъ Олимпія за присланные имъ подарки, принося на Олимпія калобу отъ лица нищеты, богатыми подарками изгоняемой изъ Василіевой пустыни. (Писано изъ уединенія).

Что дѣлаешь ты, чудный мой, изгоняя изъ этой пустыни любезную мнѣ нищету, питательницу любомудрія! Я думаю, что, если бы имѣла она даръ слова, то за лишеніе владѣнія принесла бы на тебя жалобу: „вотъ желательно мнѣ было бы жить вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ; онъ хвалилъ то Зенона, который, лишившись всего во время кораблекрушенія, не произнесъ ни одного неблагороднаго слова, но сказалъ: благодарю тебя, случай, что доводишь меня до плаща; то Клеанеа, который по найму черпаетъ воду изъ колодца, чтобы и самому было чѣмъ прожить и учителямъ заплатить за ученье. А никогда не переставалъ также дивиться Діогену, который хвалился тѣмъ, что довольствуется одними дарами природы; почему бросаетъ и деревянную чашку, какъ скоро научился у мальчика пить на-

гнувшись притоpшнями. Такъ и подобно сему могла бы на тебя жаловаться жившая со мною нищета, которая теперь изгнана богатыми твоими подарками. Даже присовокупила бы и нѣкоторую угрозу, напримѣръ: „если въ другой разъ застану тебя здѣсь, то прежде всего покажу тебѣ сицилійскую или италійскую роскошь: и такимъ образомъ вполнѣ отмщу, чѣмъ сама богата“.—И объ этомъ довольно. Я съ радостію слышу, что ты началъуже свое леченіе, и желаю, чтобы оно помогло тебѣ. Твоей священной душѣ прилично безпечальное служеніе тѣла.

5. Къ Нектарію.

Утѣшаетъ Нектарія, опечаленнаго смертію единственнаго сына. (Писано изъ уединенія).

Не прошло еще трехъ или четырехъ дней, какъ пораженъ я слухомъ о невыносимомъ несчастіи, и все еще оставался въ сомнѣніи, потому что доставившій мнѣ это печальное извѣстіе не могъ ясно разсказать случившагося: а какъ не желалось, чтобы это была правда, то съ трудомъ вѣрилось разсказанному; и вотъ получаю письмо отъ епископа, которое въ точности подтверждаетъ эту непріятную вѣсть. Нужно ли говорить, какъ это опечалило меня, и сколько пролилъ я слезъ? Да и кого такое каменное сердце, или кто такъ совершенно поставилъ себя внѣ человѣческой природы, чтобы безъ страданія перенести случившееся, или ощутить при этомъ только легкую скорбь въ душѣ? Умираетъ наслѣдникъ знатнаго дома, опора рода, надежда отца, отрасль благочестивыхъ родителей, возращенная тысячами молитвъ, и въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ похищенная изъ отеческихъ рукъ. Какую адамантовую природу не должно это смягчить и привести въ состраданіе? Потому не удивительно, если это несчастіе до глубины коснулось и меня, который издавна всецѣло вамъ преданъ, ваши радости и скорби почитаю своими собственными. До настоящаго времени, казалось мнѣ, не много было прискорбныхъ для васъ случаевъ; большею же частію дѣла ваши текли по вашему желанію. Но по зависти демона, исчезли вдругъ и все это цвѣтущее состояніе дома и душевное веселіе, и мы стали для міра печальною повѣстію. Поэтому, если вздумаемъ сѣтовать и плакать о случившемся, то не достанетъ у насъ на то цѣлой жизни. Даже, если всѣ люди возстенаютъ съ нами, и ихъ сѣтованіе не возможетъ сравниться съ бѣдствіемъ. Если и рѣчные потоки обратятся въ слезы; и ихъ не достанетъ для оплакиванія случившагося.

Впрочемъ, если захотимъ употребить теперь въ дѣло даръ Божій, какой вложенъ въ сердца наши, разумѣю цѣломудренный разсудокъ, который умѣетъ и въ благоденствіи опредѣлять мѣру душѣ нашей, и въ скорбныхъ обстоятельствахъ приводить на память удѣлъ человѣческій, обра-

щать вниманіе наше на то, что обыкновенно видимъ и слышимъ, а именно, какъ жизнь полна подобныхъ страданій, какъ много примѣровъ человѣческихъ бѣдствій, а сверхъ всего этого не терять изъ виду, что мы увѣровавшіе во Христа имѣемъ Божіе повелѣніе, по надеждѣ воскресенія, не скорбѣть объ усопшихъ, и что за великое терпѣніе уготованы Подвигоположникомъ великіе вѣнцы славы: то, когда позволимъ разсудку внушить намъ все это, найдемъ, можетъ быть, нѣкоторое не малое облегченіе въ скорби. Поэтому умоляю тебя, какъ мужественнаго подвижника, выдержать тяжесть удара, не падать подъ бременемъ скорби, не погружаться душею въ уныніе, въ той увѣренности, что, хотя и сокрыты отъ насъ причины Божіихъ распоряженій, однако же все, что бываетъ по распоряженію премудраго и любящаго насъ Бога, какъ оно ни трудно, непремѣнно должно быть для насъ пріятно. Ибо знаетъ Онъ, какъ удѣлить каждому, что ему полезно, и почему нужно положить намъ не одинаковые предѣлы жизни; и есть непостижимая для людей причина, по которой одни поемлются отсюда скорѣе, а другіе оставляются долѣе бѣдствовать въ многоболѣзненной этой жизни. Почему за все должны мы поклоняться Его человѣколюбію, и не огорчаться, помня великое это и славное изреченіе, какое произнесъ великій подвижникъ Іовъ, когда узналъ, что дѣти его въ числѣ десяти, въ короткое мгновеніе времени, раздавлены за одною трапезою. „Господь даде: Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако и бысть“ (Іов. 1, 21). Чудное это изреченіе и мы сдѣлаемъ своимъ; у праведнаго Судіи равная награда показавшимъ равныя доблести. Не лишились мы сына, но возвратили Давшему его въ заемъ; не исчезла жизнь его, но перемѣнилась на лучшую; не земля сокрыла нашего возлюбленнаго, но пріяло его небо. Подождемъ не много, будемъ и мы вмѣстѣ съ вожделѣннымъ. Время разлуки не велико; потому что въ этой жизни, какъ на пути, всѣ поспѣшаемъ къ тому же пристанищу. Одинъ совершилъ уже путь свой, другой только вступилъ на него, иной поспѣшно идетъ имъ: но всѣхъ ожидаетъ одинъ конецъ. Онъ скорѣе совершилъ путь, но и всѣ мы пойдемъ тою же дорогою, и всѣхъ ждетъ то же мѣсто отдохновенія. О если бы только намъ своею добродѣтелію уподобиться его чистотѣ, чтобы за нелукавство нрава сподобиться одного упокоенія съ младенцами о Христѣ!

6. Къ Нектаріевой супругѣ.

Одного содержанія и времени съ предъидущимъ.

Хотѣлъ было я умолчать предъ твоимъ благонравіемъ, разсуждая, что какъ воспаленному глазу причиняетъ боль и самое нѣжное пособіе, такъ и душѣ, пораженной тяжелою скорбію, кажется нѣсколько докучливымъ

слово, предлагаемое во время самой живой горести, хотя бы заключало оно въ себѣ и много утѣшительнаго. Но когда пришло мнѣ на мысль, что слово мое обращено будетъ къ христіанкѣ, которая издавна обучена божественному и приготовлена ко всему человѣческому, тогда не призналъ я справедливымъ не выполнить своей обязанности.

Знаю каково матерное сердоболіе; и когда представляю себѣ особенно твое ко всѣмъ доброе и кроткое расположеніе, заключаю по этому, каково должно быть страданіе твое въ настоящихъ обстоятельствахъ. Лишилась ты сына, котораго при жизни ублажали всѣ матери, желая и себѣ подобныхъ сыновей, а по смерти такъ оплакивали, какъ будто каждая предавала землѣ собственнаго своего сына. Смерть его была ударомъ для двухъ отечествъ, и для насъ и для Киликіянъ. Съ нимъ палъ великій и знаменитый родъ, какъ бы отнятіемъ опоры, приведенный въ колебаніе. Какое зло возмогъ произвести своимъ прираженіемъ ты, лукавый демонъ? Какъ жалка, страна, принужденная потерпѣть такое бѣдствіе! Самое солнце, если бы въ немъ было какое чувство, ужаснулось бы, можетъ быть, сего печальнаго зрѣлища. Кто-жъ въ состояніи выразить все то, что внушила бы сказать приведенная въ смятеніе душа?

Но не безъ Промысла оставлены дѣла наши, какъ знаемъ изъ евангелія, что и воробей не падаетъ безъ воли Отца нашего (Матѳ. 10, 29). А потому, если что случилось съ нами, случилось по волѣ Сотворившаго насъ. А волѣ Божіей „кто противится можетъ“ (Рим. 9, 19)? Перенесемъ постигшее насъ; потому что, принимая это со скорбію, и случившагося не поправляемъ, и самихъ себя губимъ. Не будемъ жаловаться на праведный судъ Божій. Мы невѣжды, чтобы подавать свое мнѣніе о неизреченныхъ судахъ Божіихъ.

Теперь Господь подвергаетъ испытанію любовь твою къ Нему. Теперь случай тебѣ за терпѣніе сподобиться части мучениковъ. Матерь Маккавеевъ видѣла смерть седьми сыновъ, и не жаловалась, не проливала малодушныхъ слезъ, а благодарила Бога, что увидѣла, какъ огонь, желѣзо и мучительные удары разрѣшили ихъ отъ узъ плоти; и признана за сіе благоискусною предъ Богомъ и приснопамятною у людей. Велико горе, и я въ этомъ согласенъ; но велики и награды, какія Господь уготовалъ терпѣливымъ.

Когда стала ты матерью, увидѣла сына, и возблагодарила Бога: тогда, безъ сомнѣнія, знала, что ты смертная и родила смертнаго. Что жъ страннаго, если смертный умеръ? Но насъ огорчаетъ безвременность! Неизвѣстно, не благовременно ли это; потому что не знаемъ, какъ избрать, что полезно душѣ, и какъ опредѣлить срокъ человѣческой жизни. Обозри цѣлый міръ, въ которомъ живешь; и разсуди, что все видимое смертно, что

все подлежитъ тлѣнію. Посмотри на небо, и оно нѣкогда рушится; посмотри на солнце, и оно не устоитъ; всѣ звѣзды, животныя, живущія на сушѣ и въ водѣ, все украшеніе земли, самая земля, все тлѣнно; не много еще времени, и всего этого не будетъ. Размышленіе о семъ пусть будетъ тебѣ утѣшеніемъ въ томъ, что случилось. Измѣряй горе свое не въ отдѣльности взятое; въ такомъ случаѣ оно покажется тебѣ несноснымъ. Но сравни его со всѣмъ человѣческимъ, и въ этомъ найдешь для себя утѣшеніе въ горести.

А сверхъ всего этого скажу сильное убѣжденіе. Пощади супруга: будьте утѣшеніемъ другъ другу; сокрушая себя горемъ, не дѣлай для него несчастія еще болѣе тяжкимъ.

Вообще же не думаю, чтобы къ утѣшенію достаточно было слова, но разсуждаю, что въ настоящемъ случаѣ нужна молитва. Поэтому молю самого Господа, неизреченною силою Своею коснувшись сердца твоего, произвести въ душѣ твоей свѣтъ благими помыслами. чтобы въ себѣ самой имѣть тебѣ источники утѣшенія.

7. Къ другу Григорію.

Оправдывается въ томъ, что хотя предвидѣлъ обвиненіе въ недостаточности реченій, однако же не могъ не дать отвѣта спрашивавшимъ; и проситъ св. Григорія посвятить всего себя на защиту истиннаго ученія. (Писано, повидимому, изъ уединенія).

Когда писалъ я къ твоей учености; не было мнѣ не извѣстно, что всякое богословное реченіе, какъ не выражаетъ всей мысли отвѣтствующаго, такъ не удовлетворяетъ желанію спрашивающаго; потому что слово умопредставляемому нами оказываетъ, обыкновенно, немощную какую-то услугу. Поэтому, если мысль наша немощна, а языкъ недостаточнѣе и мысли; то чего надлежало намъ ожидать въ разсужденіи сказаннаго, кромѣ обвиненія въ скудости словъ? Однако же, по этой причинѣ, не возможно было прейдти молчаніемъ предложеннаго вопроса. Тотъ въ опасности измѣнить истинѣ, кто любящимъ Господа не даетъ охотно отвѣтовъ о Богѣ. Почему тѣ реченія, достаточными ли они кажутся, или имѣютъ нужду въ точнѣйшемъ какомъ дополненіи, для исправленія своего пусть ожидаютъ особеннаго времени; а что касается до настоящаго времени, прошу тебя, какъ и просилъ уже, всецѣло посвятить себя защищенію истины, и какія Богомъ вложены въ мысль твою стремленія къ утвержденію добра, довольствоваться ими, и ничего болѣе не требовать отъ меня; потому что я гораздо ниже мнѣнія обо мнѣ другихъ, и врежу болѣе ученію своею немощію, нежели придаю истинѣ какую-либо силу своимъ защищеніемъ.

8. Къ Кесарійскимъ монахамъ.

Показываетъ причины, по которымъ, удалившись отъ нихъ, медлитъ своимъ возвращеніемъ; предостерегаетъ отъ ученія аріанъ, и въ опроверженіе возраженій аріанскихъ объясняетъ, что Богъ единъ по естеству, а не по числу, и что понятія подобнаго и не подобнаго неприлагаемы къ Отцу и Сыну; также даетъ истинный смыслъ тѣмъ мѣстамъ Писанія, какія аріане приводили противъ единосущія Сына съ Отцемъ; наконецъ доказываетъ Божество Духа Святаго, и заключаетъ письмо умозрѣніемъ о томъ, что царство небесное есть созерцаніе (360 г.).

Не однократно дивился и, что у васъ за расположеніе ко мнѣ, и отъ чего такую силу имѣетъ надъ вами моя малость, которая развѣ не много и не за многое чего нибудь стоитъ, а можетъ быть, и ничѣмъ не привлекательна; между тѣмъ вы обращаете ко мнѣ слово, напоминая и дружбу и отечество, пытаясь отеческимъ сердоболіемъ снова обратить къ себѣ, какъ будто какого бѣглеца. Признаюсь и не отрицаюсь, что сталъ я бѣглецомъ; но узнайте и причину, если желаете уже знать. Всего болѣе пораженный тогда неожиданностію, подобно людямъ, которыхъ вдругъ поражаетъ внезапный шумъ, не удержалъ я помысловъ, но удалился бѣгая, и довольно времени жилъ вдали отъ васъ; а въ послѣдствіи овладѣла мною какая-то любовь къ божественнымъ догматамъ и желаніе любомудрствовать объ оныхъ. Я говорилъ самъ себѣ: „какъ прійдти мнѣ въ состояніе, чтобы преодолѣть живущій со мною грѣхъ? Кто будетъ для меня Лаваномъ, избавителемъ моимъ отъ Исава; и дѣтоводителемъ къ горнему любомудрію“? Но поелику, при помощи Божіей по мѣрѣ силъ достигъ я цѣли, нашедши „сосудъ избранъ“ (Дѣян. 9, 15), и глубокій кладезь, разумѣю уста Христовы — Григорія; то не много, прошу васъ, не много дайте мнѣ времени; прошу не по тому, что возлюбилъ городскую жизнь (ибо не скрыто отъ меня что лукавый подобными вещами вводитъ людей въ обманъ), а по тому, что обращеніе со святыми признаю всего болѣе полезнымъ. Ибо, самъ разсуждая о божественныхъ догматахъ, а чаще слушая разсуждающихъ, пріобрѣтаю навыкъ къ умозрѣніямъ, отъ котораго трудно отказаться. И таково мое положеніе!

А вы, о божественныя и для меня паче всѣхъ любезныя главы, берегитесь филистимскихъ пастырей, чтобы кто изъ нихъ не заградилъ тайно вашихъ кладезей, и не возмутилъ чистоты вѣдѣнія касательно вѣры. Ибо у нихъ всегда въ попеченіи — не изъ божественныхъ Писаній научать души простыя, а подрывать истину внѣшнею мудростію. Кто вводитъ въ нашу вѣру Нерожденное и Рожденное, кто учитъ, что всегда Сущій нѣкогда не былъ, что Тотъ сталъ Отцемъ, Кто по естеству и всегда есть Отецъ, что Духъ Святый не вѣченъ; таковый не явный ли Филистимлянинъ, завидующій овцамъ патріарха нашего, чтобы не пили онѣ воды чи-

стой, „текущія въ животъ вѣчный“ (Іоан. 4, 14), но навлекли на себя предреченное Пророкомъ: „Мене оставиша, Источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя иже не возмогутъ воды содержати“ (Іерем. 2, 13)?

Должно исповѣдывать Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святаго, какъ научили Божіи словеса и уразумѣвшіе ихъ возвышенно. А укоряющимъ насъ за троебожіе да будетъ сказано, что исповѣдуемъ Бога единаго не числомъ, а естествомъ. Ибо все, именуемое по числу единымъ, въ дѣйствительности не едино и по естеству не просто: о Богѣ же всѣми исповѣдуется, что Онъ простъ и несложенъ. Слѣдовательно Богъ единъ не числомъ. Сказанное же мною объясняется такъ. Говоримъ, что міръ числомъ одинъ, но не говоримъ, что онъ есть нѣчто единое по естеству и простое; потому что дѣлимъ его на стихіи, изъ которыхъ состоитъ—на огонь, воду, воздухъ и землю. Еще человѣкъ именуется по числу единымъ, ибо часто говорятъ: одинъ человѣкъ; но и онъ, состоя изъ тѣла и души, не простъ. Подобно и объ Ангелѣ говоримъ, что онъ числомъ одинъ, но не одинъ по естеству и не простъ; потому что ангельскую упостась представляемъ себѣ сущностію, въ которой есть святыня. Поэтому, если все единое по числу не едино по естеству, то единое по естеству и простое не есть единое по числу. А Бога именуемъ единымъ по естеству. Какъ же они вводятъ у насъ число, когда совершенно исключаемъ оное изъ сего блаженнаго и умнаго Естества? Ибо число — принадлежность количества, а количество сопряжено съ тѣлеснымъ естествомъ; потому число — принадлежность тѣлеснаго естества. А мы вѣруемъ, что Господь нашъ есть Создатель тѣлъ. Посему всякое число означаетъ нѣчто такое, что получило въ удѣлъ природу вещественную и ограниченную; а единичность и единство есть признакъ сущности простой и безпредѣльной. Поэтому, кто Сына Божія или Духа Святаго исповѣдуетъ, какъ число или тварь, тотъ скрытнымъ образомъ вводитъ вещественное или ограниченное число. Ограниченнымъ же называю не только естество, объемлемое мѣстомъ, но и такое естество, которое объялъ Своимъ предвѣдѣніемъ Тотъ, Кто имѣлъ, произвести его изъ небытія въ бытіе, и которое можно объимать познаніемъ. Потому все святое, если естество его ограничено, и святость имѣетъ пріобрѣтенную, и можетъ допустить въ себя порокъ. А Сынъ и Духъ Святый — источникъ святыни, изъ котораго освящается всякая разумная тварь, по мѣрѣ ея добродѣтели.

При томъ мы, по истинному ученію, не называемъ Сына ни подобнымъ, ни не подобнымъ Отцу; ибо то и другое въ отношеніи къ Нимъ равно не возможно. Подобнымъ и не подобнымъ называется что либо относительно къ качествамъ, а Божество свободно отъ качественности. Исповѣ-

дуя же тождество естества, и единосущіе прімлемъ, и избѣгаемъ сложности, потому что въ сущности Богъ и Отецъ родилъ въ сущности Бога и Сына. Ибо симъ доказывается единосущіе: въ сущности Богъ единосущенъ съ Богомъ же въ сущности. Правда, что и человѣкъ называется богомъ, какъ то: „Азъ рѣхъ: бози есте“ (Псал. 81, 6), и бѣсъ именованъ богомъ, какъ то: „бози языкъ бѣсове“ (Псал. 95, 5): но они именуются такъ по благодати, а другіе лживо. Единый же Богъ въ сущности есть Богъ.

А когда говорю: „единый“, означаю святую и не созданную сущность Божію. Ибо слово „единый“ говорится и о какомъ-нибудь человѣкѣ, и просто объ естествѣ въ совокупности взятомъ; о какомъ нибудь человѣкѣ, напримѣръ, можешь сказать о Павлѣ, что онъ одинъ восхищенъ былъ „до третіяго небесе“, и слышалъ „неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати“ (2 Кор. 12, 2. 4): объ естествѣ же въ совокупности взятомъ, когда, напримѣръ, говоритъ Давидъ: „человѣкъ, яко трава дніе его“ (Псал. 102, 15); потому что здѣсь означаетъ онъ не какого либо человѣка, но въ совокупности взятое естество; ибо всякій человѣкъ привременень и смертенъ. Такъ объ естествѣ сказаннымъ разумѣемъ и слѣдующее: „единъ (μόνος) имѣяй безсмертіе“ (1 Тим. 6, 16): и: „единому (μόνῳ) премудрому Богу“ (Рим. 14, 26); и: „никтоже благъ, токмо единъ (εἷς) Богъ“ (Лук. 18, 19); ибо здѣсь слово „единъ“ (εἷς) тождезначительно съ словомъ „единственный“ (μόνος); и: „простый одинъ (μόνος) небо“ (Іов. 9, 8); и еще: „Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому (μόνῳ) послужиши“ (Матѳ. 4, 10); и „нѣсть Богъ развѣ Мене“ (Втор. 32, 39). Ибо слово „единъ“ и „единственъ“ (εἷς καὶ μόνος) употребляются въ Писаніи о Богѣ не въ различіи отъ Святаго Духа, а въ отношеніи къ недѣйствительнымъ богамъ, именуемымъ богами лживо; напримѣръ: „Господь единъ (μόνος) вождаше ихъ, и не бѣ съ ними богъ чуждь“ (Второз. 32, 12); и: „отвергоша сынове Израилевы Вааліама, и дубравы Астароѳа, и поработаша Господу единому“ (μόνῳ) (1 Цар. 7, 4); и еще Павелъ говоритъ: „якоже суть бози мнози, и господіе мнози: но намъ единъ (εἷς) Богъ отецъ, и изъ Него же вся; и единъ (εἷς) Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся“ (1 Кор. 8, 5. 6).

Но спрашиваемъ здѣсь, почему, сказавъ: „единъ Богъ“, не удовольствовался симъ реченіемъ (ибо сказали мы, что слово „единственъ“ и „единъ“ (μόνος καὶ εἷς), употребленное о Богѣ, означаетъ естество), но присовокупилъ: „Отецъ“, и упомянулъ о Христѣ? Догадываюсь по этому, что „сосудъ избранъ“ Павелъ почелъ теперь недостаточнымъ проповѣдать единаго Бога Сына и Бога Духа Святаго, что выразилъ реченіемъ

„единъ Богъ“, если чрезъ присовокупленіе: „Отецъ“, не укажетъ и Того „изъ Негоже вся“ а упоминаніемъ о Господѣ не означитъ и Слова, „Имже вся“, и опять присовокупленіемъ: „Іисусъ Христосъ“, не возвѣститъ вочеловѣченія, не изобразитъ страданія, не откроетъ и воскресенія. Ибо слова: „Іисусъ Христосъ“, даютъ намъ таковыя понятія. Почему Господь не хочетъ, чтобы прежде страданія именовали Его Іисусомъ Христомъ, и повелѣваетъ ученикамъ, „да некомуже рекутъ, яко Сей есть Іисусъ Христосъ“ (Матѳ. 16, 20). Ибо предположено Имъ было — уже по совершеніи домостроительства, по воскресеніи изъ мертвыхъ и по вознесеніи на небеса дозволить ученикамъ проповѣдать Его Іисусомъ Христомъ. Таково значеніе словъ: „да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси Іисусъ Христа“ (Іоан. 17, 3), и: „вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте“ (14, 1). Такъ Духъ Святый вездѣ приводитъ въ безопасность наше понятіе, чтобы, приступая къ одному, не теряли мы другаго, углублялись въ богословіе, не оставляли въ пренебреженіи домостроительства, и по недостаточности въ чемъ-либо не впали въ нечестіе.

А тѣ реченія божественнаго Писанія, которыя беруть противники, и перетолковавъ согласно съ своимъ разумѣніемъ, выставляютъ противъ насъ къ умаленію славы Единороднаго, разберемъ такимъ же образомъ, по мѣрѣ силъ, уяснивъ себѣ значеніе оныхъ.

И во-первыхъ, положимъ, что намъ предложено слѣдующее мѣсто: „Азъ живу Отца ради“ (Іоан. 6, 57). Ибо это одна изъ стрѣлъ, какія бросаютъ въ небо толкующіе сіе мѣсто нечестиво. Но здѣсь изреченіе, какъ думаю, именуетъ не предвѣчную жизнь; ибо все живущее ради другаго не можетъ быть источною жизнію, какъ нагрѣваемое другимъ не можетъ быть истинною теплотою; а Христосъ и Богъ нашъ сказалъ о Себѣ: „Азъ есмь животъ“ (Іоан. 11, 25); но означаетъ сію жизнь во плоти, совершившуюся въ семъ времени, какою жилъ Онъ Отца ради; ибо по Его изволенію пришелъ въ жизнь человѣческую. И не сказалъ: Я жилъ Отца ради, но говоритъ: „Азъ живу Отца ради“, ясно указывая на настоящее время. Можетъ же реченіе сіе именовать и ту жизнь, какою Христосъ живетъ, имѣя въ Себѣ Самомъ Слово Божіе. И что таково подлинно значеніе сихъ словъ, узнаемъ изъ присовокупленнаго. „И ядый Мя“, говоритъ Онъ, „живъ будетъ Мене ради“. Мы ядимъ Его плоть, и піемъ Его кровь, дѣлаясь причастниками Слова и Премудрости, чрезъ Его вочеловѣченіе и жизнь, подлежащую чувствамъ. А плотію и кровію наименовалъ Онъ все таинственное Свое пришествіе, означилъ также ученіе, состоящее изъ дѣятельнаго, естественнаго и богословскаго, которымъ душа питается и пріуготовляется со временемъ къ созерцанію Сущаго. И таковъ, можетъ быть, смыслъ сего изреченія!

И еще: „Отецъ Мой болій Мене есть“ (Іоан. 14, 28). И симъ изреченіемъ пользуются неблагодарныя твари, порожденія лукаваго. А я увѣренъ, что и сими словами выражается единосущіе Сына со Отцемъ. Ибо знаю, что сравненія въ собственномъ смыслѣ дѣлаются между имѣющими то же естество. Говоримъ, что Ангелъ Ангела больше, человѣкъ человѣка праведнѣе, птица птицы быстрѣе. Поэтому, если сравненія дѣлаются между принадлежащими къ одному виду, а Отецъ называется большимъ Сына по сравненію; то Сынъ единосущенъ съ Отцемъ. — Но и другое понятіе заключается въ семъ изреченіи. Ибо удивительно ли, что Отца исповѣдалъ большимъ Себя Тотъ, Кто есть Слово и сталъ плотію, когда показался Онъ умаленнымъ и предъ Ангелами по славѣ, и предъ человѣками по виду? Сказано: „умалилъ еси Его малымъ чимъ отъ Ангелъ“ (Псал. 8, 6); и еще: „а умаленнаго малымъ чимъ отъ Ангелъ“ (Евр. 2, 9); и: „видѣхомъ Его, и не имѣяше вида, ни доброты: но видъ Его умаленъ паче всѣхъ человѣкъ“ (Иса. 53, 2. 3). Все уже сіе претерпѣлъ по великому своему человѣколюбію къ твари, чтобы погибшую овцу спасти, и спасенную пріобщить къ стаду, и шедшаго изъ Іерусалима во Іерихонъ и „впадшаго въ разбойники“ опять ввести здравымъ въ его отечество. Ужели въ укоризну Ему обратитъ еретикъ и ясли, чрезъ которыя самъ онъ, будучи безсловеснымъ, воспитанъ Словомъ? Ужели станетъ указывать и намъ нищету; потому что Сынъ тектоновъ не имѣлъ у Себя и малаго ложа? Потому Сынъ меньше Отца, что ради тебя сталъ мертвецомъ, чтобы тебя избавить отъ мертвости и содѣлать участникомъ небесной жизни. Поэтому иный обвинитъ и врача за то, что наклоняется къ ранамъ и обоняетъ зловоніе, чтобы уврачевать страждущихъ?

Для тебя не знаетъ Онъ также о днѣ и часѣ суда, хотя ничто не сокрыто отъ истинной Премудрости; потому что все Ею приведено въ бытіе: но и между людьми не найдешь человѣка, который бы не зналъ того, что самъ сдѣлалъ. Домостроительствуетъ же такъ ради твоей немощи, чтобы согрѣшившіе не впали въ уныніе отъ краткости срока, подъ тѣмъ предлогомъ, что не оставлено имъ и времени къ покаянію; и тѣ, которые ведутъ долговременную брань съ сопротивною силой, не оставили воинскихъ рядовъ, по продолжительности времени. Поэтому приписываемымъ Себѣ невѣдѣніемъ благоустроялъ тѣхъ и другихъ: одному за добрый подвигъ сокращаетъ время, а другому, по причинѣ грѣховъ, сберегаетъ время на покаяніе. Впрочемъ въ евангеліяхъ причисливъ Себя къ не знающимъ, по немощи, какъ сказано, многихъ, въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, бесѣдуя на единѣ съ совершенными, исключаетъ Себя изъ не знающихъ, говоря: „нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти“ (Дѣян. 1, 7).

И это пусть будетъ сказано мною, по нашему разумѣнію сихъ словъ, какое пріобрѣтаемъ съ перваго взгляда; но должно изслѣдовать смыслъ сего изреченія и съ высшей уже точки зрѣнія. Надобно толкнуть въ дверь познанія; тогда, можетъ быть, и возбудимъ Домовладыку, Который просящимъ Его даетъ духовные хлѣбы, потому что мы усердствуемъ угостить тѣхъ, кто намъ друзья и братія.

Святые ученики Спасителя нашего, поступивъ уже за предѣлъ умозрѣнія возможнаго человѣкамъ, и очистившись Словомъ, вопрошаютъ о концѣ, и желаютъ познать крайнюю степень блаженства; и о семъ-то отвѣчалъ Господь нашъ, что не знаютъ того ни Онъ, ни Ангелы Его,—именуя днемъ всякое точное постиженіе Божіихъ помышленій, а часомъ — умозрѣніе о единствѣ и единичности, которыхъ вѣдѣніе присвоилъ Онъ единому Отцу. Поэтому, какъ догадываюсь, симъ выражается, что Богъ знаетъ о Себѣ, что такое Онъ есть, и не знаетъ, что Онъ не есть. Ибо говорится, что Богъ знаетъ правду и мудрость, Самъ будучи источною правдою и премудростію, но не знаетъ неправды и лукавства, потому что Сотворившій насъ Богъ не есть неправда и лукавство. Посему, если говорится, что Богъ знаетъ о Себѣ, что такое Онъ есть, и не знаетъ, что такое Онъ не есть; а Господь нашъ, относительно къ понятію: вочеловѣченіе, и къ низшему ученію, есть не крайній еще предѣлъ вожделѣваемаго: то слѣдуетъ, что Спаситель нашъ не зналъ конца и крайняго предѣла блаженства. Но сказано, что не знаютъ и Ангелы, т. е. ихъ умозрѣніе и законы ихъ служеній — не крайній предѣлъ вожделѣваемаго; потому что и ихъ вѣдѣніе грубо въ сравненіи съ познаніемъ лицемъ къ лицу. Знаетъ же, сказано, единъ Отецъ; потому что Онъ есть конецъ и крайній предѣлъ блаженства. Ибо, когда познаемъ Бога не въ зерцалахъ и не чрезъ что либо постороннее, а приступимъ къ Нему какъ къ единственному и единому, тогда познаемъ и послѣдній конецъ. Христово царство, какъ говоритъ, есть всякое вещественное вѣдѣніе; а царство Бога и Отца — вѣдѣніе невещественное и, какъ сказалъ бы иный, созерцаніе самого Божества. Но Господь нашъ и Самъ есть конецъ и крайній предѣлъ блаженства, относительно къ понятію: Слово. Ибо что говоритъ въ евангеліи? „И Азъ воскрешу его въ послѣдній день“ (Іоан. 6, 40), воскресеніемъ называя переходъ отъ вещественнаго вѣдѣнія къ невещественному созерцанію, а послѣднимъ днемъ именуя сіе вѣдѣніе, за которымъ нѣтъ другаго. Ибо умъ нашъ тогда воскреснетъ и воздвигнется въ блаженную высоту, когда возможетъ созерцать единство и единичность слова. Но поелику огрубѣвшій умъ нашъ связанъ перстію, примѣшанъ къ бренію, и не можетъ остановиться на голомъ созерцаніи; то, руководясь красотами, сродными его тѣлу, представляетъ себѣ дѣйствованіе Творца, и познаетъ сіе

до времени по произведеніямъ, чтобы такимъ образомъ, постепенно возрастая, возмогъ Онъ нѣкогда приступить и къ самому непокровенному Божеству.

Въ этомъ же, думаю, разумѣніи сказано и слѣдующее: „Отецъ Мой болій Мене есть“; и: „нѣсть Мое дати, но имже уготовася отъ Отца“ (Матѳ. 20, 23). Ибо сіе же означаетъ и то, что Христосъ предастъ царство Богу и Отцу (1 Кор. 15, 24), будучи началомъ, а не концомъ, по низшему, какъ сказалъ я, ученію, уразумѣваемому относительно къ намъ, а не относительно къ Самому Сыну.

А что сіе такъ, видно изъ того, что въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, на вопросъ учениковъ: „когда устрояеши царствіе Израилево?“ говоритъ спять: „нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти“, то есть, не обложеннымъ плотію и кровію принадлежитъ вѣдѣніе таковаго царствія; потому что созерцаніе сіе „положи Отецъ во своей власти“. И властію называетъ состоящихъ подъ властію, а Своими именуетъ тѣхъ, которыми не обладаетъ невѣдѣніе низшихъ предметовъ. Времена же и лѣта разумѣй не чувственныя; но представляй себѣ нѣкія разстоянія въ вѣдѣніи, производимыя мысленнымъ Солнцемъ. Ибо надобно, чтобы оная молитва нашего Владыки была приведена къ своему концу: потому что молившійся есть Іисусъ. Дай имъ, „да и тіи въ Насъ едино будутъ“, какъ Я и Ты, Отче, „едино есмы“ (Іоан. 17, 21. 22); потому что Богъ, будучи единъ, когда бываетъ въ каждомъ, всѣхъ соединяетъ; и число исчезаетъ съ пришествіемъ Единицы.

И я такъ выразумѣлъ сіе изреченіе по вторичномъ его разсмотрѣніи. А если кто скажетъ лучше, или благочестиво исправитъ мое толкованіе; то пусть говоритъ и исправляетъ: Господь воздастъ ему за меня. У насъ не водворяется никакой зависти, потому что приступили мы къ сему изслѣдованію реченій не изъ любопрительности или тщеславія, но ради пользы братій, чтобы не подать мысли, будто бы скудельные сосуды, содержаніе въ себѣ сокровище Божіе, сокрушаются людьми каменносердыми, и необрѣзанными, вооружившимися юродствующею мудростію.

Еще у премудраго Соломона въ Притчахъ созидается (ибо сказано: „Господь созда мя“, Притч. 8, 22), и именуется началомъ путей евангельскихъ, ведущихъ насъ къ царству небесному, не Тотъ, Кто въ сущности тварь, но Тотъ, Кто содѣлался путемъ по домостроительству. Ибо сіе выражаютъ слова: „стань“ и „быть создану“. Такъ сталъ Онъ путемъ, и дверію, и Пастыремъ, и Ангеломъ, и Овчатемъ, и еще Архіереемъ и Апостоломъ; потому что дается Ему то или другое имя въ томъ или другомъ отношеніи.

Что же скажетъ еще еретикъ о Богѣ непокорномъ, и о содѣлавшемся

за насъ грѣхомъ? Ибо написано: „егда покоритъ ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится Покорившему Ему всяческая“ (1 Кор. 15, 28). Не приходишь ли въ страхъ, человѣкъ, что Богъ наименованъ непокорнымъ? Ибо твою непокорность признаетъ собственною Своею, и пока ты противоборствуешь добродѣтели, Себя именуетъ непокорнымъ. Такъ нѣкогда сказалъ о Себѣ, что Онъ и гонимъ. Ибо говоритъ: „Савле, Савле, что Мя гониши“ (Дѣян. 9, 4)? когда Савлъ спѣшилъ въ Дамаскъ съ намѣреніемъ заключить въ узы учениковъ Христовыхъ. И еще именуетъ Себя нагимъ, какъ скоро наготуетъ одинъ кто-нибудь изъ братій. Ибо говоритъ: „нагъ бѣхъ, и одѣсте Мя“ (Матѳ. 25, 36). И когда кто въ темницѣ, о Себѣ говоритъ, что самъ Онъ заключенъ. Ибо Самъ грѣхи наши подъялъ и болѣзни понесъ; одна же изъ нашихъ немощей есть и непокорность; потому ее и понесъ. Посему и встрѣчающіяся съ нами несчастія Себѣ присвояетъ Господь, по общенію съ нами пріемля на Себя наши страданія.

Но и слова: „не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже“ (Іоан. 5, 19), богоборцы толкуютъ къ развращенію слушающихъ. А по мнѣ и сіе изреченіе всего болѣе возвѣщаетъ, что сынъ—того же естества съ Отцемъ. Ибо, если каждая изъ разумныхъ тварей можетъ дѣлать нѣчто сама по себѣ, имѣя свободу преклоняться на худшее и лучшее, а Сынъ не можетъ „творити“ чего либо о Себѣ: то Сынъ—не тварь. Если же не тварь, то единосущенъ съ Отцемъ. И еще: ни одна изъ тварей не можетъ дѣлать всего, что хочетъ. Но Сынъ „на небеси и на земли, вся елика восхотѣ, сотвори“ (Псал. 113, 11). Слѣдовательно Сынъ—не тварь. И еще: всѣ твари или состоятъ изъ противоположностей, или могутъ вмѣщать въ Себѣ противоположности. Но Сынъ источная правда и невещественъ. Слѣдовательно Сынъ—не тварь. А если не тварь; то единосущенъ съ Отцемъ.

И сего по мѣрѣ силъ нашихъ сдѣланнаго нами изслѣдованія предложенныхъ реченій для насъ достаточно. Теперь обратимъ уже слово къ отрицающимъ Духа Святаго, „низлагающе всяко возношеніе“ ихъ ума, „взимающееся на разумъ Божій“ (2 Кор. 10, 5).

Ты говоришь, что Духъ Святый—тварь. Но всякая тварь рабственна Сотворшему. Ибо сказано: „всяческая работна Тебѣ“ (Псал. 118, 61). А если Духъ рабственъ, то и святость имѣетъ пріобрѣтенную; все же, что имѣетъ пріобрѣтенную святость, можетъ допустить въ себя пророкъ. Но Духъ Святый, будучи въ сущности святъ, именуется источникомъ святыни. Слѣдовательно Духъ Святый—не тварь. А если не тварь; то единосущенъ съ Богомъ. Притомъ, скажи мнѣ, какъ называешь рабомъ Того, Кто чрезъ крещеніе освобождаетъ тебя отъ рабства? Ибо сказано: „законъ Духа жизни свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго“ (Рим. 8, 2). Но не осмѣливайся выговорить, что сущность Его когда либо измѣняема; имѣешь

предъ глазами природу сопротивной силы, которая, какъ молнія, спала съ небеси, и отпала отъ истинной жизни; потому что имѣла пріобрѣтенную святость, и за злымъ намѣреніемъ послѣдовало въ ней измѣненіе; а такимъ образомъ, отпавъ отъ единичности и сринувъ съ себя ангельское достоинство, за нравъ наименована діаволомъ; потому что въ діаволѣ угасъ прежній и блаженный навыкъ, а возгорѣлась эта сопротивная сила. Сверхъ того, если еретикъ называетъ Духа Святаго тварію; то вводитъ мысль, что естество Его ограничено. Какъ же будетъ имѣть мѣсто сказанное: „Духъ Господень исполни вселенную“ (Преем. Сол. 1, 7); и: „камо пойду отъ Духа Твоего“ (Псал. 138, 7)? Но видно, что Онъ не исповѣдуетъ Духа и простымъ по естеству: потому что именуетъ единымъ по числу. А что едино по числу, все то, какъ сказалъ я, не просто. Если же Духъ Святый не простъ; то состоитъ изъ сущности и святыни; а подобное ему сложно. И кто столько неразуменъ, чтобы назвать Духа Святаго сложнымъ, а не простымъ и по простотѣ единосущнымъ Отцу и Сыну?

Но если должно поступить словомъ далѣе и вникнуть въ важнѣйшее; то изъ сего наипаче увидимъ Божескую силу Святаго Духа. Въ Писаніи находимъ поименованными три рода твореній: одно первое— приведеніе изъ небытія въ бытіе; второе же—измѣненіе изъ худшаго въ лучшее; и третіе—воскресеніе изъ мертвыхъ. Во всѣхъ сихъ твореніяхъ найдешь Святаго Духа содѣйствующимъ Отцу и Сыну. Ибо возьми осуществленіе небесъ. Что говоритъ Давидъ? „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ“ (Псал. 32, 6). Человѣкъ вновь созидается чрезъ крещеніе. Ибо „аще кто во Христѣ, нова тварь“ (2 Кор. 5, 17).

И что говоритъ Спаситель ученикамъ? „Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Матѳ. 28, 19). Видишь, что Святый Духъ и здѣсь соприсущъ со Отцемъ и Сыномъ. Что же скажешь и о воскресеніи изъ мертвыхъ? Когда насъ не станетъ, и возвратимся въ персть свою; потому что мы—земля, и въ землю отъидемъ: „послетъ Духа Святаго, и созиждетъ, и обновитъ лице земли“ (Псал. 103, 29. 30). Что святый Павелъ назвалъ воскресеніемъ, то Давидъ наименовалъ обновленіемъ.

Но еще послушаемъ восхищеннаго до третьяго небеси. Что говоритъ онъ? „Вы храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа“ (1 Кор. 6, 19). Всякій храмъ есть храмъ Божій. Если же мы—храмъ Духа Святаго, то Духъ Святый есть Богъ. Храмъ называется и Соломоновымъ, по имени соорудившаго. А если и въ этомъ смыслѣ мы — храмъ Святаго Духа; то Святый Духъ есть Богъ. Ибо Кто все соорудилъ, тотъ есть Богъ. Если же мы—храмъ Его, какъ покланяемаго и обитающаго въ насъ; то будемъ исповѣ-

вѣдывать, что Онъ—Богъ. Ибо „Господу Богу твоему поклонишася, и Тому единому послужиши“ (Матѳ. 4, 10).

Если желали бы они избѣгнуть слова: Богъ; то пусть узнаютъ, что означается симъ именемъ. Ибо отъ того, что все утвердилъ (τίθημι), или все видитъ (θεάομαι), именуется Богъ (Θεὸς). Поэтому, если Богомъ называется, Кто все утвердилъ, или все видитъ; а Духъ знаетъ все Божіе, какъ духъ въ насъ все наше (1 Кор. 2, 11), слѣдуетъ, что Духъ Святый есть Богъ.

И еще, ежели мечъ Духа есть глаголъ Божій (Еф. 6, 17); то Духъ Святый есть Богъ. Ибо мечъ есть Того, Чьимъ и глаголомъ называется. И если именуется десницею Отца, ибо „десница Господня сотвори силу“ (Псал. 117, 16); и: „десница Твоя, Господи, сокруши враги“ (Исх. 15, 6); если Духъ Святый есть перстъ Божій, по сказанному: „аще ли Азъ о перстѣ Божіи изгоню бѣсы“ (Лук. 11, 20), что въ другомъ евангеліи написано такъ: „аще ли Азъ о Духѣ Божіи изгоню бѣсы“ (Матѳ. 12, 20): то Духъ Святый—того же естества съ Отцемъ и Сыномъ.

На сей разъ довольно сказано мною о покланяемой и Святой Троицѣ; потому что нынѣ и невозможно въ обширнѣйшемъ видѣ изслѣдовать ученіе о Ней. А вы, получивъ отъ моего смиренія сѣмена, воздѣлайте въ себѣ самихъ зрѣлый класъ; потому что, какъ извѣстно вамъ, въ такихъ вещахъ требуемъ отъ васъ и лихвы. Но вѣрую Богу, что по чистотѣ жизни своей принесете плодъ и въ тридесять, и въ шестьдесять, и во сто. Ибо сказано: „блажени чистіи сердцемъ; яко тіи Бога узрятъ“ (Матѳ. 5, 8). И не инымъ чѣмъ, братія, почитайте небесное царство, какъ истиннымъ разумѣніемъ Сущаго, которое въ божественныхъ Писаніяхъ называется и блаженствомъ. Ибо „царствіе Божіе внутрь васъ есть“ (Лук. 17, 21). О внутреннемъ же человѣкѣ, не иное что составляется, какъ умозрѣніе. А изъ сего выходитъ, что царство небесное есть созерцаніе. Теперь, какъ въ зеркалѣ, видимъ тѣни вещей, а въ послѣдствіи, освободившись отъ сего земнаго тѣла и облекшись въ тѣло нетлѣнное и безсмертное, увидимъ ихъ первообразы. Увидимъ же, если жизнь свою управимъ по прямому пути, и будемъ заботиться о правой вѣрѣ, безъ чего никто не узритъ Господа. Ибо сказано: „въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повиннѣмъ грѣху“ (Прем. Сол. 1, 4).

И никто не возражай мнѣ такъ: „не зная того, что подъ ногами, любомудрствуешь намъ о безплотной и вовсе невещественной сущности“. Безразсуднымъ признаю дозволять чувствамъ, что невозбранно наполнялись свойственными имъ предметами, и одинъ умъ удерживать отъ свойственной ему дѣятельности. Ибо какъ чувство завѣдываетъ чувственнымъ, такъ умъ—мысленнымъ.

Но должно вмѣстѣ сказать и сіе: „сотворившій насъ Богъ содѣлалъ естественныя составленія въ насъ познаній неизучаемыми. Ибо никто не учитъ зрѣніе, какъ принимать впечатлѣнія отъ цвѣтовъ или очертаній, слухъ—отъ звуковъ и голосовъ, обоняніе—отъ запаховъ, благовонныхъ или зловонныхъ, вкусъ—отъ влагъ и соковъ; осязаніе—отъ мягкаго и жесткаго, или теплаго и холоднаго. Никто не учитъ и умъ, какъ постигать мысленное. И какъ чувства, если потерпятъ какой вредъ, имѣютъ нужду въ попечительности о нихъ, и тогда удобно исполняютъ свое дѣло: такъ и умъ, обложенный плотію и наполненный плотскими представленіями, имѣютъ нужду въ вѣрѣ и въ правомъ житіи, которыя совершаютъ „нозѣ его, яко елени, и на высокихъ поставляютъ его“ (Псал. 17, 34). Сіе же самое совѣтуетъ и премудрый Соломонъ: и иногда представляетъ намъ въ примѣръ непостыднаго дѣлателя—муравья, и въ его образѣ начертываетъ намъ путь дѣятельности (Притч. 6, 6), а иногда указываетъ на орудіе мудрой пчелы, которымъ она строитъ соты, и въ ея примѣрѣ даетъ разумѣть естественное умозрѣніе, съ которымъ соединяется и ученіе о Святой Троицѣ, если „отъ красоты созданій сравнительно Рододѣлатель ихъ познается“ (Прем. Сол. 13, 5).

Но, возблагодаривъ Отца и Сына и Святаго Духа, положу конецъ письму; потому что, какъ говоритъ пословица, во всемъ хорошо знать мѣру.

9. Къ Максиму Философу.

Хвалитъ его за любовь къ Богу и ближнему, даетъ свой судъ о сочиненіяхъ Діонисія александрійскаго, и свое мнѣніе о выраженіи: „подобное по сущности“. Въ заключеніи проситъ Максима посѣщать его, или писать къ нему (около 361 г.).

Слова дѣйствительно суть изображенія души. Поэтому и я узналъ тебя изъ письма, сколько, какъ говорится, льва узнаютъ по когтямъ; и порадовался, нашедши, что нелѣпостно стремишься къ первымъ и важнѣйшимъ изъ благъ; разумѣю любовь къ Богу и любовь къ ближнему. А за признакъ одной любви беру твое благорасположеніе ко мнѣ, за признакъ же другой—ревность къ познанію. Всякому же Христову ученику извѣстно, что въ сихъ двухъ благахъ заключается все.

Что касается до сочиненій Діонисія, которыхъ просишь, то весьма многія изъ нихъ доходили до меня, но теперь не имѣю у себя книгъ, потому и не послалъ. А мое мнѣніе о нихъ таково. Не всю хвалю у Діонисія, иное же и вовсе отметаю: потому что, сколько мнѣ извѣстно, онъ почти первый снабдилъ людей сѣменами этого нечестія, которое столько надѣлало нынѣ шуму; говорю объ ученіи аномеевъ. И причиною сему полагаю не лукавое его намѣреніе, а сильное желаніе оспорить Савеллія. Обыкновенно, по-

добляю я его садовнику, который начинаетъ выпрямлять кривизну молодаго растенія, а потомъ, не зная умѣренности въ разгибѣ, не останавливается на серединѣ, и перегибаетъ стебель въ противную сторону. Подобное нѣчто, нахожу я, было и съ Діонисіемъ. Въ сильной борьбѣ съ нечестіемъ Ливіянина, чрезмѣрнымъ своимъ ревнованіемъ, самъ того не примѣчая, вовлеченъ онъ въ противоположное зло. Достаточно было бы доказать ему только, что Отецъ и Сынъ не одно и то же въ подлежащемъ, и удовольствоваться такою побѣдой надъ хульникомъ. Но Онъ, чтобы во всей очевидности и съ избыткомъ одержать верхъ, утверждаетъ не только инаковость ипостаси, но и равность сущности, постепенность могущества, различіе славы, а отъ сего произошло, что одно зло обмѣнилъ онъ на другое, и самъ уклоняется отъ праваго ученія. Такимъ образомъ далѣе разногласитъ съ собою въ своихъ сочиненіяхъ: то отвергаетъ единосущіе, потому что противникъ худо воспользовался симъ понятіемъ, когда отрицалъ Ипостаси, то принимаетъ оное, когда защищается противъ своего соименника. Сверхъ же сего и о Духѣ употребилъ онъ реченія всего менѣе приличныя Духу,—исключаетъ Его изъ покланяемаго Божества, и сопричисляетъ къ какому-то дольнему, тварному и служебному естеству. Таковъ-то сей Діонисій!

Если же надобно и мнѣ сказать собственное свое мнѣніе; то выраженіе „подобное по сущности“, когда соединено съ симъ понятіе „безразличія“, принимаю за выраженіе, ведущее къ тому же понятію, какъ и слово: „единосущное“, по здравому разумѣнію сего послѣдняго. Это имѣя въ мысли и отцы никейскіе, наименовавъ сперва Единороднаго „Свѣтомъ отъ Свѣта, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго“, и подобными сему именами, по необходимому слѣдствію присовокупляютъ и слово: „единосущный“. Итакъ невозможно представить себѣ какого либо различія ни между свѣтомъ и свѣтомъ, ни между истиною и истиною, ни между сущностію Единороднаго и сущностію Отца. Почему, если кто пріиметъ выраженіе сіе [1]) по сказаному мною, то и я допускаю оное. А если кто отъ „подобнаго“ отсѣкаетъ безразличіе, какъ сдѣлано это въ Константинополѣ, то реченіе сіе для меня подозрительно; потому что унижаетъ славу Единороднаго. Ибо привыкли мы нерѣдко представлять себѣ подобіе въ изображеніяхъ, которыя имѣютъ слабое сходство съ своими первообразами, и далеко ихъ ниже. Итакъ, поелику слово „единосущный“, по моему мнѣнію, менѣе можетъ быть извращаемо въ своемъ значеніи, то и самъ я стою за сіе слово.

Но почему, наилучшій мой, не приходишь ко мнѣ, чтобы поговорить

---

[1]) Подобное сущности.

намъ о подобныхъ предметахъ при личномъ свиданіи, и не довѣрять столь важныхъ истинъ бездушнымъ письменамъ, особливо, когда и въ другихъ случаяхъ не очень рѣшаемся пускать въ народъ собственныя свои мнѣнія? И ты не отвѣчай мнѣ, какъ отвѣчалъ Діогенъ Александру, что отъ тебя сюда столько же пути, сколько отсюда до тебя, потому что я своими недугами, почти какъ дерево, всегда удерживаюсь на одномъ мѣстѣ; а при этомъ почитаю однимъ изъ первыхъ благъ—жить въ скрытности. Но ты и здоровъ, какъ сказываютъ, и притомъ сдѣлался гражданиномъ вселенной; поэтому справедливо тебѣ будетъ приходить и сюда какъ въ свою область. Ибо, хотя вамъ—людямъ дѣятельнымъ приличны многолюдство и города, гдѣ показываете свои доблестныя дѣянія: однако же для созерцанія и умственной дѣятельности, вводящей насъ въ общеніе съ Богомъ, добрый содѣйственникъ— безмолвіе; а безмолвіе, скажу такъ съ самимъ подающимъ намъ оное Богомъ, въ обиліи и безъ оскудѣнія воздѣлываемъ мы въ пустынѣ. Если же непремѣнно должно увиваться около сильныхъ и ни во что ставить насъ лежащихъ на землѣ; то пиши о другомъ, и тѣмъ доставишь удовольствіе.

10. Къ матери Діонисія.

Посылая къ ней сына съ намѣреніемъ привлечь ее къ пустыножитію, описываетъ способъ ловить голубей, намазывая мvромъ крылья ручному голубю, и благовоніемъ приманивая къ себѣ другихъ голубей. (Писано изъ уединенія).

Есть одинъ способъ ловить голубей. Когда занимающійся этимъ промысломъ добудетъ въ свои руки одного голубя, дѣлаетъ его ручнымъ и пріучаетъ ѣсть вмѣстѣ съ собою; а послѣ того, намазавъ ему крылья мvромъ, пускаетъ летать на волѣ съ посторонними голубями. И благовоніе этого мvра дѣлаетъ все вольное стадо достояніемъ того, кому принадлежитъ ручной голубь; потому что прочіе голуби привлекаются благоуханіемъ, и посѣляются въ домѣ.

Но какое у меня намѣреніе начать этимъ письмо?—То, что и я, взявъ у тебя сына Діонисія, прежняго Діомида, и крылья души его умастивъ божественнымъ мvромъ, пускаю къ твоей степенности, чтобы онъ и тебя умамилъ летѣть съ собою, и занять гнѣздо, которое свилъ у меня. Итакъ, если бы при жизни своей увидѣть мнѣ это, что и твоя степенность избрала для себя возвышенную жизнь, то потребовалось бы мнѣ много лицъ, достойныхъ Бога, чтобы воздать Ему должную честь.

11. Безъ надписи.

Возвращая другу сыновей его, съ которыми вмѣстѣ провелъ праздникъ, проситъ сего друга—по окончаніи дѣлъ своихъ переселиться къ нему, а дотолѣ утѣшать его письмами (Писано изъ уединенія).

По благодати Божіей, проведя святый день сей съ нашими чадами, и по преизбыточествующей любви ихъ къ Богу, отпраздновавъ Господу подлинно совершенный праздникъ, препроводилъ я ихъ здравыми къ твоему благородству, моля человѣколюбца Бога, чтобы и имъ дарованъ былъ помощникомъ и сопутникомъ мирный Ангелъ, и тебя нашли они въ здравіи и во всякомъ мирѣ, и чтобы вамъ, гдѣ бы ни были, служа Господу и благодаря Его, пока я въ этомъ мірѣ, веселить меня слухомъ о васъ. Если же святый Богъ дастъ тебѣ скорѣе освободиться отъ возложенныхъ на тебя порученій; то прошу ничего другаго не предпочитать пребыванію со мною. Ибо думаю, что не найдешь никого, кто бы такъ любилъ тебя и домогался вашей дружбы. А пока, по усмотрѣнію Святаго, продолжится эта разлука, соблаговоли при всякомъ случаѣ утѣшать меня письмами.

12. Къ Олимпію.

Проситъ Олимпія чаще писать къ нему. (Писано, по видимому, изъ уединенія).

Прежде писывалъ ты ко мнѣ по не многу, а теперь не пишешь и не многаго. И видно, что краткословіе, съ теченіемъ времени, обратится въ совершенное молчаніе. Поэтому возвратись къ прежнему обычаю: не буду болѣе жаловаться на тебя за твои лаконическія ко мнѣ письма, но и малыя твои писанія стану признавать многоцѣнными, какъ выраженія великой ко мнѣ расположенности. Пиши только ко мнѣ.

13. Къ нему же.

Дружеское привѣтствіе. (Писано также, повидимому, изъ уединенія).

Какъ другія произведенія являются каждое въ свое время года: цвѣты—весною, колосья—лѣтомъ, древесные плоды—осенью; такъ словесныя произведенія—зимній плодъ.

14. Григорію другу.

Извѣщаетъ Григорія о своемъ намѣреніи не дожидаться его прибытія, но отправиться немедленно въ понтійскую пустыню. Описываетъ мѣстоположеніе сей пустыни, и превозноситъ ее предъ Тиберіномъ, мѣстомъ Григоріева жительства. (Писано 360 г. до пресвитерства Василіева).

Когда братъ Григорій писалъ мнѣ, что хочетъ видѣться со мною, и присовокупилъ, что и у тебя тоже самое намѣреніе—не могъ я ожидать

сего; частію потому, что не рѣдко бывалъ обмануть, и боюсь вѣрить, а частію потому, что развлеченъ былъ дѣлами. Пора уже мнѣ удалиться въ Понтъ, гдѣ, напослѣдокъ если угодно Богу, положу, можетъ быть, конецъ своему скитанію. Ибо съ трудомъ отказавшись отъ напрасныхъ надеждъ, какія имѣлъ нѣкогда на тебя, вѣрнѣе же, если говорить правду, отказавшись отъ сонныхъ грезъ (ибо хвалю того, кто надежды назвалъ сновидѣніями въ бодрственномъ состояніи), иду теперь въ Понтъ учиться, какъ жить. Здѣсь, конечно, указываетъ мнѣ Богъ мѣсто, въ точности соотвѣтствующее нраву; ибо такимъ вижу его въ дѣйствительности, какимъ на досугѣ и для забавы привыкъ не рѣдко представлять себѣ въ умѣ.

Это—высокая гора, покрытая частымъ лѣсомъ, на сѣверной сторонѣ орошаемая холодными и прозрачными водами. По подгорью ея стелется покатая долина, непрестанно утучняемая влагами изъ горы. Кругомъ долины самъ собою выросшій лѣсъ, изъ различныхъ всякаго рода деревьевъ, служитъ ей какъ бы оградой, и въ сравненіи съ нею ничего почти не значитъ и Калипсинъ островъ, красотѣ котораго особенно, кажется, дивится Омиръ. Ибо не многаго не достаетъ, чтобы долинѣ, по причинѣ ограждающихъ ее отовсюду оплотовъ, походитъ на островъ. Съ двухъ сторонъ прорыты глубокіе овраги, а съ боку рѣка, текущая съ стремнины, служитъ также непрерывной и неприступной стѣной, и луновидными изгибами примыкаетъ къ оврагамъ; то доступы въ подгорье заграждены. Одинъ только есть въ него входъ, которымъ владѣемъ мы. За мѣстомъ нашего жительства есть другой гребень, возвышенную свою вершину подъемлющій надъ горою, и съ него вся равнина развертывается передъ взоромъ; съ высоты можно видѣть и текущую мимо равнины рѣку, которая, по моему мнѣнію, доставляетъ не меньше наслажденія, какъ и Стримонъ, если смотрѣть на него изъ Амфиполя. Ибо Стримонъ, въ медленномъ своемъ теченіи разливаясь въ видѣ озера, по своей неподвижности едва не перестаетъ быть и рѣкою. А эта рѣка, будучи быстрѣе всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, свирѣпѣетъ нѣсколько при сосѣднемъ утесѣ, и отражаясь отъ онаго, кружится въ глубокомъ водоворотѣ, чѣмъ доставляетъ мнѣ и всякому зрителю весьма пріятный видъ, а туземнымъ жителямъ приноситъ самую удовлетворительную пользу, и въ пучинахъ своихъ питаетъ неисчислимое множество рыбъ. Нужно ли говорить о земной прохладѣ, и о вѣтеркахъ съ рѣки? Множеству цвѣтовъ и пѣвчихъ птицъ пусть дивится кто другой, а у меня нѣтъ досужнаго времени обращать на это вниманіе. Изъ всего, что могу сказать о моемъ убѣжищѣ, наиболѣе важно то, что, по удобству положенія будучи способно произращать всякіе плоды, для меня возращаетъ сладостнѣйшій изъ плодовъ—безмолвіе; потому что не только освобождаетъ отъ городскихъ мятежей, но и не заводитъ къ намъ ни одного путника кромѣ встрѣчающихся

съ нами на звѣриной ловлѣ. Ибо сверхъ всего прочаго здѣсь водятся и звѣри, впрочемъ не медвѣди, или ваши волки: нѣтъ, здѣсь живутъ стада оленей, дикихъ козъ, зайцы и тому подобное. Поэтому разсуди, какой опасности подвергся бы я скудоумный, если бы подобное убѣжище упорно вздумалъ промѣнивать на Тиберинъ—эту земную пропасть? Извини, что спѣшу теперь въ него. Ибо, конечно, и Алкмеонъ, нашедши Ехинады, не согласился бы продолжать свое скитаніе.

15. Къ Аркадію Комиту.

Проситъ его благосклонности къ гражданамъ Кесаріи. (Писано изъ уединенія).

Граждане нашей митрополіи мнѣ больше оказали, нежели отъ меня получили, милость, доставивъ случай писать къ твоей честности; потому что твое человѣколюбіе, ради котораго взяли они отъ меня письма, по обычной и врожденной тебѣ ко всѣмъ снисходительности, готово было для нихъ и прежде моего посланія. Но я, благодаря Святаго Бога за преуспѣяніе твое въ благоугожденіи Ему, почелъ для себя величайшимъ пріобрѣтеніемъ сей случай привѣтствовать твою правоту, и какъ порадоваться твоей болѣе и болѣе возрастающей знаменитости, такъ раздѣлить радость облагодѣтельствованныхъ подъ твоимъ начальствомъ, со временемъ же узнать, что милостиво воззрѣлъ ты на вручившихъ тебѣ письмо мое, и что вмѣстѣ съ другими и ихъ отпустилъ отъ себя обязанными восхвалять твою кротость, и навсегда узнавшими, что ходатайство мое за нихъ предъ твоею безпримѣрною правотою не осталось безполезнымъ.

16. Противъ еретика Евномія.

Высокомѣріе Евномія, съ какимъ приписывалъ онъ себѣ уразумѣніе Божія естества, пристыждаетъ невѣжествомъ устройства и малѣйшаго животнаго. (Писано въ царствованіе Юліана).

Кто говоритъ, что возможно обрѣтеніе сущаго, тотъ, конечно, къ познанію сущаго довелъ мысль свою какимъ-либо путемъ и послѣдовательно и сперва упражнялся въ постиженіи предметовъ удобопонятныхъ и малыхъ, а потомъ уже силу своего постиженія простеръ и до лежащаго за предѣлами всякаго понятія. Поэтому, кто хвалится, что пріобрѣлъ знаніе сущаго, тотъ долженъ объяснить природу малѣйшаго изъ видимыхъ существъ, и сказать, какова природа муравья, воздухомъ ли и дыханіемъ поддерживается въ немъ жизнь; раздѣлено ли у него костями тѣло, скрѣплены ли составы жилами и связками; оболочкою ли мышцъ и железъ сдерживается положеніе жилъ; простирается ли мозжечекъ по хребтовымъ позвонкамъ отъ верхней части головы до хвоста; тканью ли нервной плевы

сообщаетъ онъ силу стремленія движимымъ членамъ; есть ли въ немъ печень и желчеспріемный сосудъ въ печени, есть ли также почки, сердце, біющіяся и крововозвратныя жилы, плевы и грудобрюшни; голъ ли онъ, или покрытъ волосами, однокопытенъ, или имѣетъ раздѣленныя ступни; сколько времени живетъ; и какъ муравьи раждаются одинъ отъ другаго, долго ли раждаемое бываетъ во чревѣ, и отъ чего не всѣ муравьи пѣшеходы, и не всѣ крылаты, но одни ходятъ по землѣ, а другіе носятся по воздуху. Итакъ кто хвалится вѣдѣніемъ сущаго, тотъ пусть объяснитъ сперва природу муравья, а потомъ уже разсуждаетъ о Силѣ, превосходящей всякій умъ. А если не объялъ еще ты вѣдѣніемъ и природу малѣйшаго муравья, то какъ хвалишься, что представилъ умомъ непостижимую силу Божію?

17. Къ Оригену.

Хвалитъ его сочиненія и ревность въ защищеніи истины, предвѣщаетъ скорую гибель гонителей, и заключаетъ письмо благожеланіями Оригену и дѣтямъ его. (Письмо въ царствованіе Юліана).

Ты радуешь тѣхъ, кто тебя слушаетъ; а мнѣ, который читаю твои писанія, доставляешь еще живѣйшую радость. И великое благодареніе благому Богу, содѣлавшему, что истина ни мало не терпитъ ущерба отъ прещательства преобладающихъ, и чрезъ тебя даровавшему защиту ученію благочестія! Поэтому они, какъ болиголовъ, или волчій корень, или другое смертоносное растеніе, поцвѣтутъ не долго, и вскорѣ засохнутъ; а тебѣ пошлетъ Господь всегдашнее цвѣтеніе и юность, въ награду за сказанное тобою во славу имени Его. Но да вознаградитъ тебя за сіе Господь всякимъ обиліемъ твоего дома, да утвердитъ благословеніе на чадахъ твоихъ! Благороднѣйшихъ же изъ дѣтей твоихъ, которыя носятъ на себѣ явственныя отпечатлѣнія своей доброты, и видѣлъ и обнималъ я съ удовольствіемъ, и желаю имъ всего, чего бы только пожелалъ самъ отецъ.

18. Къ Макарію и Іоанну.

Увѣщаваетъ ихъ, чтобъ въ нелживой надеждѣ получить небесное царство, пребывали въ благочестіи, не внимая ни угрозамъ сильныхъ, ни упрекамъ лживыхъ друзей. (Писано, повидимому, въ царствованіе Юліана).

Земледѣльцы не почитаютъ за новость земледѣльческихъ трудовъ; ловцамъ не бываетъ неожиданностію буря на морѣ; не странность и для поденьщиковъ лѣтній потъ: такъ и скорби въ настоящемъ мірѣ не составляютъ чего либо нечаяннаго для избравшихъ благочестивую жизнь. Напротивъ того, съ каждымъ изъ перечисленныхъ дѣлъ для приступающихъ къ оному сопряженъ сей извѣстный трудъ, избираемый не ради его самого, но ради наслажденія ожидаемыми благами; потому что трудности всякаго

такого дѣла облегчаются надеждами, которыя поддерживаютъ и ободряютъ людей въ продолженіе цѣлой жизни. Но изъ трудящихся для земныхъ плодовъ, или вообще для чего-либо земного, они совершенно обманываются въ надеждахъ, и наслаждаются только однимъ представленіемъ ожидаемаго, другіе же, если и удастся имъ достигнуть конца по желанію, имѣютъ опять нужду въ новой надеждѣ, потому что прежняя надежда скоро миновалась и увяла. Въ однихъ трудящихся ради благочестія ни лживость не уничтожала надеждъ, ни конецъ не ослаблялъ подвиговъ; потому что ихъ пріемлетъ неколебимое и вѣчно пребывающее небесное царство. Поэтому и васъ, пока спомоществуетъ ученіе истины, да не смущаетъ лживая клевета, да не устрашаютъ угрозы преобладающихъ, да не оскорбляютъ осмѣяніе и обиды знакомыхъ, осужденіе людей, по видимому, о васъ заботящихся, и подъ личиною совѣта скрывающихъ самую сильную приманку къ вовлеченію въ обманъ. Да противоборствуетъ же всему этому здравый разсудокъ, призывая въ споборника и помощника себѣ Учителя благочестія, Господа нашего Іисуса Христа, за Котораго и злопострадать пріятно, и умереть—пріобрѣтеніе (Фил. 1, 21).

19. Къ Григорію другу.

Отвѣчая Григорію на его письмо, шутитъ надъ лаконизмомъ его писемъ. (Писано, по-видимому, изъ Кесаріи въ пресвитерство Василіево).

Не давно пришло ко мнѣ отъ тебя письмо, во всей точности твое, не столько по почерку руки, сколько по свойству посланія; потому что въ немъ не многими словами выражено много мыслей. Я не отвѣчалъ тебѣ на него вскорѣ; потому что самъ былъ въ отлучкѣ, а податель письма, отдавъ его одному изъ моихъ домашнихъ, поспѣшно ушелъ. Но теперь привѣтствую тебя черезъ Петра, чтобы возвратить долгъ за поздравленіе и вмѣстѣ доставить случай къ новому письму. Безъ сомнѣнія же, нѣтъ труда написать лаконическое письмо, какія всякій разъ приходятъ ко мнѣ отъ тебя.

20. Къ Леонтію софисту.

Выговариваетъ Леонтію за то, что рѣдко пишетъ, имѣя и случай, съ кѣмъ писать, и охоту писать, какъ софистъ. Посылаетъ также къ нему сочиненіе свое противъ Евномія (364 г.).

Рѣдки, правда, и отъ меня къ тебѣ письма, но не рѣже твоихъ ко мнѣ; а между тѣмъ всегда много идущихъ отъ васъ къ намъ. И если бы ты всякому изъ нихъ по порядку давалъ по письму; то не было бы никакого препятствія представлять мнѣ, что живу вмѣстѣ съ тобою, и какъ бы наслаждаюсь личною твоею бесѣдой; такъ постоянно многіе приходятъ къ намъ.

Но почему не пишешь, тогда какъ у софиста нѣтъ и другаго дѣла, кромѣ того, чтобы писать? Лучше же сказать, если лѣнь тебѣ двинуть рукою, то и писать самому не нужно; потому что въ этомъ послужитъ тебѣ и другой кто. Потребенъ же одинъ твой языкъ; а онъ, если не станетъ бесѣдовать со мной, то, безъ сомнѣнія, поведетъ рѣчь съ кѣмъ-нибудь изъ находящихся при тебѣ; если же и никого не будетъ, не преминетъ поговорить самъ съ собою; но ни подъ какимъ видомъ не умолкнетъ, какъ языкъ софиста и языкъ аттическій, такъ же не умолкнетъ, какъ не умолкаютъ соловьи, когда весна возбуждаетъ ихъ къ пѣнію. Ибо мнѣ частые мои недосуги, въ какихъ и теперь нахожусь, послужатъ, можетъ быть, извиненіемъ въ скудости писемъ; притомъ и эта уже какъ бы нечистота въ языкѣ отъ чрезмѣрнаго навыка къ простонародной рѣчи справедливо дѣлаетъ нерасположеннымъ говорить съ вами софистами, которые негодуете и выходите изъ терпѣнія, какъ скоро услышите что-нибудь недостойное собственной вашей мудрости. Напротивъ того, тебѣ при всякомъ случаѣ прилично объявлять свой голосъ, потому что ты способенъ сказать лучше всякаго, кого только знаю изъ Эллиновъ; мнѣ же, какъ думаю, извѣстны самые знаменитые изъ васъ. Поэтому, молчанію твоему нѣтъ никакого извиненія. Но о семъ довольно.

Посылаю къ тебѣ и сочиненіе свое противъ Евномія. Но назвать это дѣтскою игрою, или чѣмъ поважнѣе игры, предоставляю судить тебѣ самому, который, какъ думаю, собственно для себя не имѣешь въ немъ нужды. Надѣюсь же, что оно будетъ для тебя не слабымъ орудіемъ, если встрѣтятся съ тобой люди, учащіе превратно, и надѣюсь сего не потому, что до такой степени увѣренъ въ силѣ сочиненія, но потому, что ты, какъ въ точности знаю, при немногихъ данныхъ изобрѣтателенъ на многое. А если что въ немъ окажется не столько удовлетворительнымъ, какъ сіе требовалось бы, не облѣнись указать. Другъ тѣмъ особенно и отличается отъ льстеца, что одинъ для услажденія бесѣдуетъ, а другой не удерживается и отъ того, что можетъ огорчить.

21. Къ нему же.

Поелику Леонтій, которому св. Василій въ предъидущемъ письмѣ выговаривалъ, что рѣдко пишетъ, слагалъ вину на Юліана, не доставлявшаго будто бы св. Василію Леонтіевыхъ писемъ; то шутливо защищаетъ Юліана, и проситъ писать письма, хотя подобныя предъидущему (364 г.).

Видно, что доброму Юліану и въ своихъ дѣлахъ приходится потерпѣть нѣчто изъ общаго хода дѣлъ; потому что и онъ подвергается взысканію и сильному обвиненіе, такъ какъ нынѣ вездѣ много подвергаемыхъ взысканіямъ и обвиненіямъ. По крайней мѣрѣ обвиняютъ его въ недоимкѣ

не податей, а писемъ; хотя не знаю, отъ чего у него эта недоимка: если какое письмо приносилъ онъ, то всегда отдавалъ его. Развѣ и у тебя въ предпочтеніи это всѣмъ извѣстное нынѣ учетвереніе; ибо не столько пиѳагорейцы предпочитали четверицу, сколько сборщики общественныхъ доходовъ предпочитаютъ нынѣ учетвереніе. Но, можетъ быть, слѣдовало бы выйдти противному; и тебѣ, какъ софисту, обладающему такимъ богатствомъ слова, самому на себя надлежало принять уплату мнѣ въ-четверо.

И не подумай, что пишу это въ гнѣвѣ. Я радъ и выговорамъ твоимъ; потому что у прекрасныхъ, какъ говорятъ, во всемъ есть примѣсь прекраснаго, почему имъ пристали и печаль и гнѣвъ. Иный съ большимъ удовольствіемъ смотритъ на то, какъ любимый человѣкъ сердится, нежели на то, какъ другой услуживаетъ. Поэтому не переставай обвинять за что-нибудь подобное; потому что самыя обвиненія будутъ письма же, а никакая новость не дороже для меня твоего письма, и не принесетъ мнѣ большаго удовольствія.

22. О совершенствѣ въ монашеской жизни.

(Писано, повидимому, въ 366 г.).

Въ богодухновенномъ Писаніи много правилъ, которыя обязаны наблюдать возревнованіе о благоугожденіи Богу. Но я почелъ необходимымъ сдѣлать краткое напоминаніе, по указанію самаго богодухновеннаго Писанія, пока о тѣхъ только обязанностяхъ, о которыхъ у васъ теперь предложенъ вопросъ. И поелику свидѣтельство о каждой обязанности найдти въ Писаніи не трудно; то предоставляю сіе тѣмъ, которые упражняются въ чтеніи Писанія, и сами въ состояніи напомнить даже другимъ слѣдующее:

Христіанинъ долженъ имѣть образъ мыслей достойный небеснаго званія, и жить достойно евангелія Христова. Христіанину не должно разсѣиваться и чѣмъ либо отвлекаться отъ памятованія о Богѣ, о волѣ и судахъ Его. Христіанинъ, ставъ во всемъ выше оправданій по закону, не долженъ ни клясться, ни лгать. Онъ не долженъ хулить; не долженъ обижать; не долженъ ссориться; не долженъ мстить самъ за себя; не долженъ воздавать зломъ за зло; не долженъ гнѣваться. Онъ долженъ быть долготерпѣливымъ, переносить все, что бы то ни было; а кто дѣлаетъ неправду, того обличать благовременно, не съ страстнымъ движеніемъ, чтобы отмстить за себя, но съ желаніемъ исправить брата, по заповѣди Господней. Объ отсутствующемъ братѣ не долженъ онъ ничего говорить съ намѣреніемъ очернить; это есть клевета, хотя бы сказанное было и справедливо. Надобно отвращаться отъ человѣка, который наговариваетъ на брата. Не должно говорить шуточнаго. Не должно смѣяться и терпѣть смѣхотворцевъ. Не должно празднословить и говорить что-нибудь такое, что не служитъ ни къ

пользѣ слушающихъ, ни къ необходимому и дозволенному намъ Богомъ употребленію; почему занимающіеся работою должны, сколько можно, стараться, чтобы работа производилась въ безмолвіи, и чтобы самыя даже добрыя рѣчи вели у нихъ тѣ, кому по испытаніи поручено устроять слово къ созиданію вѣры, да не будетъ оскорбляемъ Духъ Святый Божій. Никто изъ пришлыхъ не долженъ самовольно подходить къ кому либо изъ братій, или разговаривать съ нимъ, пока приставленные смотрѣть за общимъ во всемъ благочиніемъ не разсудятъ, угодно ли сіе Богу къ общей пользѣ.

Не должно порабощаться вину, желать вкушенія мясъ, и вообще быть сластолюбивымъ въ разсужденіи яствъ или питія; потому что подвизающійся воздерживается во всѣмъ. Даннаго каждому въ употребленіе не должно почитать собственностію, или припрятывать; но съ заботливостію надобно смотрѣть на все сіе, какъ на принадлежащее Владыкѣ, и не проходить безъ вниманія даже мимо того, что по случаю брошено, или оставлено въ небреженіи.

Никто не долженъ быть господиномъ даже себѣ самому, но каждый, какъ отданный Богомъ въ услуженіе единодушнымъ братіямъ, сообразно съ симъ обязанъ и разсуждать обо всемъ и дѣлать все, впрочемъ пребывая въ собственномъ своемъ чинѣ. Не должно роптать ни при недостаткѣ потребнаго, ни при утомленіи отъ дѣлъ; потому что судятъ о каждомъ тѣ, кому предоставлена на сіе власть.

Не должно дозволять себѣ ни крика, ни другаго какого вида, или движенія, которыми показываются раздражительность, или уклоненіе отъ несомнѣнной увѣренности въ Божіемъ присутствіи. Голосъ должно соразмѣрять съ потребностію. Не должно отвѣчать кому либо, или дѣлать что-нибудь, дерзко или презрительно, но надобно показывать во всемъ скромность, и ко всѣмъ почтительность. Не должно съ умысломъ мигать глазомъ, или употреблять другой какой знакъ, или движеніе члена, которыя оскорбляютъ брата, или выказываютъ презрѣніе.

Не должно стараться о нарядности въ одеждѣ или въ обуви, это—суетность. Къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребностей должно пользоваться не дорогимъ. Ничего не должно издерживать сверхъ потребности и для пышности: это—злоупотребленіе.

Не должно искать чести и домогаться первенства. Каждый долженъ предпочитать себѣ всѣхъ. Не должно быть непокорнымъ.

Не должно въ праздности ѣсть хлѣбъ тому, кто способенъ работать, а занявшись исполненіемъ чего либо во славу Христову, долженъ принуждать себя къ ревности въ дѣлѣ, по мѣрѣ силъ. Каждый долженъ, съ одобренія настоятелей, съ разумомъ и убѣжденіемъ такъ дѣлать все, не исключая вкушенія пищи и питія, какъ бы дѣлалось сіе въ славу Божію.

Не должно отъ одного дѣла переходить къ другому, безъ одобренія тѣхъ, кто приставленъ распоряжаться симъ, развѣ неминуемая нужда позоветъ кого вдругъ на помощь обезсилѣвшему. Каждый обязанъ пребывать въ томъ, къ чему приставленъ, а не долженъ, преступая мѣру собственной обязанности, приниматься за непорученное ему, развѣ имѣющіе власть распоряжаться симъ признаютъ кого нуждающимся въ его помощи. Въ одной рабочей не надобно никому быть изъ другой рабочей. Не должно ничего дѣлать изъ соперничества, или по ссорѣ съ кѣмъ-нибудь.

Не должно завидовать доброй славѣ другаго, и радоваться чьему либо недостатку. Въ любви Христовой надобно скорбѣть и сокрушаться о недостаткахъ брата, радоваться же его преспѣянію. Не должно равнодушно смотрѣть на согрѣшающихъ, или умалчивать о нихъ. Обличающій долженъ обличать со всякимъ сердоболіемъ, въ страхѣ Божіемъ, и въ намѣреніи обратить грѣшника. Обличаемый или получающій выговоръ долженъ принимать сіе охотно, признавая, что въ исправленіи состоитъ собственная его польза. Когда обвиняютъ кого, никто другой при обвиняемомъ, или и при другихъ, не долженъ дѣлать возраженій обвиняющему. А если кому обвиненіе кажется неосновательнымъ, то долженъ повести слово съ обвинителемъ наединѣ, и убѣдить его, или самъ убѣдиться. Каждый, сколько есть у него силъ, долженъ врачевать того, кто имѣетъ что-нибудь противъ него. На согрѣшившаго и покаявшагося не должно помнить зла, а надобно простить ему отъ сердца.

Кто говоритъ, что покаялся во грѣхѣ, тотъ долженъ не только сокрушаться о томъ, въ чемъ согрѣшилъ, но и принести достойные плоды покаянія. Кто вразумленъ былъ касательно прежнихъ своихъ грѣховъ и сподобился получить отпущеніе оныхъ, тотъ, если грѣшитъ опять, уготовляетъ себѣ судъ гнѣва строжайшій прежняго. Кто по первомъ и второмъ увѣщаніи остается въ своемъ прегрѣшеніи, о томъ надобно объявить настоятелю и тогда, получивъ выговоръ при многихъ, прійдетъ, можетъ быть, въ стыдъ. А если и въ такомъ случаѣ не исправится, надобно уже отсѣчь его, какъ соблазнъ, и смотрѣть на него, какъ на язычника и мытаря, для приведенія въ безопасность ревностно трудящихся въ прохожденіи послушанія, по сказанному, что при паденіи нечестивыхъ приходятъ въ страхъ праведные. Но должно и плакать о немъ, какъ о членѣ, отсѣченномъ отъ тѣла.

Не должно допускать, чтобы солнце заходило въ гнѣвѣ брата; иначе ночь можетъ разлучить обоихъ, и оставить имъ неизбѣжное осужденіе въ день суда. Не должно отлагать времени своего исправленія; потому что утренній день не вѣренъ для насъ: многіе, замысливъ многое, не дожили до утрешняго дня.

Не должно даваться въ обманъ пресыщенному чреву, отъ котораго

бываютъ ночныя мечтанія. Не должно развлекаться непомѣрною работою, и преступать предѣлы умѣренности, по сказанному Апостоломъ: „имѣюще же пищу и одѣяніе, симъ довольни будемъ“ (1 Тим. 6, 8); потому что обиліе сверхъ потребности выказываетъ любостяжательность; а любостяжательность осуждается какъ идолопоклонство (Кол. 3, 5). Не должно быть сребролюбивымъ, и на ненужное собирать сокровища, какихъ не надобно. Приходящій къ Богу долженъ возлюбить нищету во всемъ, и быть пригвожденъ страхомъ Богомъ, подобно сказавшему: „пригвозди страху Твоему плоти моя; отъ судебъ бо Твоихъ убояхся“ (Псал. 118, 120).

Да даруетъ же вамъ Господь, со всѣмъ убѣжденіемъ принявъ сказанное, во славу Божію явить плоды достойные Духа, по благоволенію Бога и содѣйствіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

23. Къ настоятелю монаховъ.

Одного изъ желающихъ отречься отъ міра и вести монашескую жизнь, котораго св. Василій пачѣревался прежде принять въ свой монастырь, просить, удержавъ у себя, удостоить монашества, и дать ему кого нибудь въ наставники благочестивой жизни. (Писано, повидимому, изъ Кесаріи во время пресвитерства).

Нѣкто, какъ самъ онъ говоритъ, познавъ суету сего міра, и извѣдавъ, что всѣ пріятности этой жизни подвержены здѣсь превратностямъ и приготовляютъ только вещество вѣчному огню, а сами скоро проходятъ, пришелъ ко мнѣ, въ намѣреніи удаляться отъ этой трудной и многоплачевной жизни, оставить плотскія удовольствія, и впредь идти путемъ, ведущимъ въ обители Господни. Потому, если дѣйствительно твердо возжелалъ онъ сего подлинно блаженнаго житія, и возъимѣлъ въ душѣ своей прекрасную и похвальную любовь, возлюбивъ Господа Бога нашего всѣмъ сердцемъ, всею крѣпостію своею и всею мыслію, то необходимо, чтобы ваше богочестіе показало ему трудности и неудобопроходимости тѣснаго и узкаго пути, но и утвердило его въ надеждѣ благъ, пока еще не видимыхъ, уготованныхъ же, по обѣтованію, достойнымъ Господа. Пиша по сей причинѣ, умоляю несравненное ваше о Христѣ совершенство наставить его, сколько возможно; и пусть безъ меня совершитъ онъ отреченіе въ благоугожденіе Богу, и будетъ наставленъ въ начальныхъ правилахъ, какъ установлено и письменно изложено святыми отцами, а также пусть будетъ ему предложено все относящееся къ подвижнической строгости; и такимъ образомъ введенъ онъ будетъ въ сей родъ жизни, и по своему изволенію воспріявъ на себя подвиги ради благочестія, подклонившись подъ благое иго Господне, устрояя жизнь свою въ подражаніе насъ ради Обнищавшему и плоть Носившему, и стремясь къ цѣли, къ почести вышняго званія, сподобится похвалы отъ Господа. Ему и здѣсь хотѣлось пріять вѣнецъ любви по Богу,

но я отлагалъ сіе до времени, желая вмѣстѣ съ вашимъ богочестіемъ умастить его на таковые подвиги, и одного изъ васъ, кого самъ онъ изъищетъ, поставить ему наставниковъ подвижничества, чтобы прекрасно руководствовалъ, и своимъ сильнымъ и блаженнымъ реченіемъ содѣлалъ его борцемъ достойнымъ одобренія, разящимъ и низлагающимъ міродержателя тьмы вѣка сего и духовъ злобы, съ которыми у насъ брань, по слову блаженнаго Апостола (Ефес. 6, 12). Поэтому, что я намѣревался сдѣлать вмѣстѣ съ вами, то ваша о Христѣ любовь да сдѣлаетъ и безъ меня.

24. Къ Аѳанасію, отцу Аѳанасія, епископа Анкирскаго.

Удостовѣряя Аѳанасія, что не легко вѣрить клеветамъ, совѣтуетъ ему не подавать къ онымъ повода, и любовь свою къ дѣтямъ свидѣтельствовать не словами, а дѣлами. Также оправдываетъ хорепископа Тимоѳея, что не имъ принесены худые слухи объ Аѳанасіи. (Писано прежде 369 г.).

Чтобы жизнь человѣческая была выше клеветъ, это сдѣлать весьма трудно, чтобъ не сказать—невозможно, въ чемъ самъ я увѣренъ, а думаю, не сомнѣвается и твоя милость. Но самому на себя не подавать никакого повода тѣмъ, которые строго наблюдаютъ за ходомъ дѣлъ, и даже съ злымъ намѣреніемъ подмѣчаютъ наши преткновенія,—и это возможно и свойственно людямъ, которые ведутъ жизнь благоразумно и сообразно съ цѣлію благочестія. А обо мнѣ не думай, будто я такъ опрометчивъ и легковѣренъ, что, отъ кого бы то ни случилось, выслушиваю обвиненія безъ изслѣдованія. Я помню духовную заповѣдь, что отъ совѣтующаго не надобно принимать „слуха суетна“ (Исх. 23, 1).

Но поелику, вы люди, посвятившіе себя наукамъ, сами говорите, что видимое есть знакъ невидимаго, то признаю это справедливымъ. И не погнѣвайся, если будетъ что сказано мною въ видѣ поученія; ибо „немощная міра и уничиженная избра Богъ“ (1 Кор. 1, 27), и чрезъ нихъ нерѣдко устрояетъ спасеніе спасаемыхъ. Намѣреваюсь же сказать и посовѣтовать тебѣ слѣдующее: съ осмотрительностію надобно приводить въ исполненіе всякое слово и всякое дѣло, возложенное на насъ долгомъ и по апостольской заповѣди, „ни едино ни въ чемъ же давать претыканіе“ (2 Кор. 6, 3). Ибо для человѣка, который много трудился въ изученіи наукъ, проходилъ начальственныя должности надъ народами и городами, и соревнуетъ великой доблести предковъ, почитаю приличнымъ показывать въ жизни своей образецъ добродѣтели.

Расположеніе же свое къ дѣтямъ долженъ ты теперь не словомъ доказать, что издавна уже доказалъ, какъ скоро сталъ отцомъ, и не естественную только имѣть къ нимъ нѣжность, какую и безсловесныя имѣютъ къ рожденнымъ ими, о чемъ самъ ты говаривалъ, и что доказываетъ опытъ,

но тѣмъ паче усилить свою любовь, и именно любовь свободную, что видишь дѣтей достойными отеческихъ молитвъ. Почему не должно и удостовѣрять насъ въ этомъ; а достаточно засвидѣтельствовать сіе самыми дѣлами.

Кстати же будетъ присовокупить, ради истины, что не братъ Тимоѳей, хорепископъ, принесъ къ намъ слухи сіи. Что какъ оказывается, не при свиданіи, ни въ письмахъ, не говаривалъ о тебѣ ничего такого, что мало или много походило бы на клевету. Поэтому, хотя не отрицаю, что слышалъ я нѣчто, однако же неТимоѳей слагаетъ на тебя клеветы. Услышавъ же это, безъ сомнѣнія, поступимъ, если не иначе, то по крайней мѣрѣ какъ поступилъ Александръ, то есть, сбережемъ одно ухо неприкосновеннымъ, чтобы выслушать имъ и оклеветаннаго.

25. Къ Аѳанасію, епископу Анкирскому.

Дружески и съ любовію выговариваетъ Аѳанасію, что, не переписавшись и не объяснившись съ нимъ лично, или черезъ людей близкихъ, открыто порицаетъ Василія, грозитъ ему, и всѣмъ приходящимъ изъ Каппадокіи разглашаетъ, будто бы св. Василій пишетъ что-то зловредное. (Писано прежде 369 г.).

Нѣкоторые, пришедшіе къ намъ изъ Анкиры (а ихъ много, трудно даже и перечислить, притомъ всѣ говорятъ единогласно), извѣстили меня, что ты любезная глава (какъ почтительнѣе выразить мнѣ это), не съ пріятностію и не по обыкновенію своему воспоминаешь обо мнѣ. Но меня, какъ извѣстно тебѣ, не поражаетъ ничто человѣческое, и всякая перемѣна не неожиданна для человѣка, который давно извѣдалъ немощь естества и удобство изъ одной противоположности переходить въ другую. Потому не ставлю того въ велико, если измѣнилось нѣчто въ нашихъ отношеніяхъ, и вмѣсто прежней себѣ чести слышу теперь укоризны и оскорбленія. Показалось же мнѣ дѣйствительно страннымъ и необычайнымъ твое ко мнѣ до того измѣнившееся расположеніе, что гнѣваешься и досадуешь на меня, даже, какъ говорятъ слышавшіе, грозишь мнѣ чѣмъ-то. Угрозамъ этимъ, скажу правду, много я смѣялся. И совершенно сталъ бы ребенкомъ, если бы убоялся подобныхъ страхованій. Страшнымъ же и многоозабочивающимъ почелъ я то, что твоя во всемъ точность, которая, какъ былъ я увѣренъ, соблюдена къ утѣшенію Церквей, быть опорою правой вѣры и сѣменемъ древней и истинной любви, столько заимствовалась изъ настоящаго положенія дѣлъ, что хулы какихъ ни есть людей для тебя важнѣе дознаннаго обо мнѣ долговременнымъ опытомъ, и ты безъ доказательствъ увлекаешься въ нелѣпыя подозрѣнія. Что еще говорю: въ подозрѣнія? Кто негодуетъ и грозитъ, какъ сказываютъ это о тебѣ, тотъ, по видимому, обнаруживаетъ въ себѣ гнѣвъ не подозрѣвающаго, но ясно и неоспоримо уже увѣрившагося.

Но, какъ сказалъ я, причину сему приписываю настоящему времени. Ибо великій ли былъ трудъ, чудный мой, переговорить со мною, о чемъ бы то ни было, въ краткомъ письмѣ какъ бы одному на одинъ, или, если не хотѣлъ довѣрить подобнаго дѣла письму, вызвать меня къ себѣ? А если непремѣнно должно было вывести дѣло наружу, и неудержимость гнѣва не давала времени къ отсрочкѣ; то можно было къ объясненію со мною употребить посредникомъ кого либо одного изъ людей близкихъ и обыкшихъ хранить тайну. Но теперь кому изъ приходящихъ къ вамъ, по какой бы то ни было нуждѣ, не разглашаютъ, будто бы пишу и слагаю что-то злонамѣренное? А какъ утверждаютъ пересказывающіе рѣчи твои слово въ слово, тобою употреблено это самое реченіе.

Но сколько ни думаю самъ съ собою, ни чѣмъ не могу объяснить себѣ этого. Почему приходитъ въ умъ и такого рода мысль: не изъ еретиковъ ли кто, злонамѣренно подписавъ мое имя подъ своими сочиненіями, огорчилъ правоту вѣры твоей, и вынудилъ у тебя такое слово? А что писано мною противъ осмѣлившихся утверждать, что Сынъ и Богъ въ сущности не подобенъ Богу и Отцу, или противъ говорившихъ хульно, что Духъ Святый есть тварь и произведеніе, на то, конечно, не согласился бы произнести сей укоризны ты, который подъялъ великіе и славные подвиги за православіе. Но самъ ты разрѣшишь мое недоумѣніе, если благоволишь ясно сказать имя того, кто ввелъ тебя въ огорченіе противъ меня.

26. Къ Кесарію, брату Григорія Богослова.

По чудесномъ избавленіи Кесарія отъ смерти во время землетрясенія, разрушившаго Никею, убѣждаетъ его засвидѣтельствовать самымъ дѣломъ благодарность свою Богу, и всегда оставаться при тѣхъ мысляхъ, какія имѣлъ въ минуту опасности. (Писано въ 368 г.).

Благодареніе Богу, что и на тебѣ показалъ чудеса Свои, и отъ такой смерти спасъ тебя для отечества и для насъ близкихъ тебѣ! Поэтому и нашъ, конечно, долгъ—не оказаться неблагородными и недостойными столь великаго благодѣянія, но, по мѣрѣ силъ своихъ, возвѣстить необычайныя дѣла Божіи, прославить то человѣколюбіе, которое извѣдали мы на опытѣ, и не словомъ только воздать благодареніе, но на самомъ дѣлѣ быть такими, каковъ ты и теперь, какъ увѣрены мы, заключая по чудесамъ, совершившимся на тебѣ. Умоляемъ и еще вящше поработать Богу, непрестанно возвращая въ себѣ страхъ Божій и преуспѣвая въ совершенствѣ, чтобы показать намъ себя разумными домостроителями жизни своей, для которой сберегла насъ благодать Божія. Ибо, если всѣ мы имѣемъ повелѣніе представить „себѣ Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ“ (Рим. 6, 13); то не тѣмъ ли паче обязаны къ сему тѣ, которые возставлены „отъ вратъ смертныхъ“ (Псал. 9, 14)?

А сіе, какъ увѣряю самъ себя, всего лучше будетъ достигнуто, если вознамѣримся всегда имѣть ту же мысль, какую имѣли во время опасности. Ибо, конечно, пришли тогда на умъ и суета жизни и то, что все человѣческое не вѣрно и не прочно, такъ удобно измѣняется. По всей вѣроятности, были у насъ тогда и нѣкоторое сожалѣніе о прошедшемъ, и обѣщаніе касательно будущаго, если спасемся, работать Богу, и со всею точностію радѣть о себѣ самихъ. Ибо, если предстоящая опасность смерти внушили намъ какую ни наесть мысль; то думаю, что ты разсуждалъ тогда точно такимъ, или близкимъ къ сему образомъ. Почему и лежитъ на тебѣ обязанность заплатить необходимый долгъ. И о семъ-то, сколько обрадованный даромъ Божіимъ, столько вмѣстѣ озабоченный будущимъ, осмѣлился я напомнить твоему совершенству. Твое же дѣло—принять слова мои благосклонно и снисходительно, какъ у тебя въ обычаѣ принимать ихъ, когда бесѣдуемъ съ тобою съ глазу на глазъ.

27. Къ Евсевію, епископу Самосатскому.

Извѣщаетъ сожалѣніе, что посѣтить Евсевія препятствуютъ ему то болѣзнь, то зима, и обѣщается поспѣшить пріѣздомъ, какъ скоро дозволятъ сіе время года и прекратившійся голодъ. (Писано въ 368 г.).

Когда, по милости Божіей и при помощи твоихъ молитвъ, поднялся я, по видимому, нѣсколько съ болѣзненнаго одра и началъ собираться съ силами; тогда наступила зима, которая заключаетъ меня дома и принуждаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Правда, что она гораздо лучше противъ обыкновеннаго, но все же служитъ для меня достаточнымъ препятствіемъ найдти въ продолженіе ея возможность не только пуститься въ дорогу, но хотя не много выглянуть изъ дому. Впрочемъ для меня не маловажно и то, что удостоиваюсь бесѣдовать съ твоимъ богочестіемъ чрезъ письма, и даже успокаиваю себя надеждою и отъ тебя имѣть вознагражденіе. А если дозволитъ время, продлится еще жизнь моя, и голодъ не сдѣлаетъ для меня путешествіе невозможнымъ; то вскорѣ, можетъ быть, по молитвамъ твоимъ, исполню свое желаніе, и улучивъ тебя дома, на всей свободѣ обогащусь великими сокровищами твоей мудрости.

28. Къ Неокесарійской церкви утѣшительное.

Утѣшаетъ Неокесарійцевъ, опечаленныхъ смертію епископа, и совѣтуетъ чрезмѣрностію скорби не утрачивать того спокойствія, въ какое приведены трудами покойнаго, а также оберегаться отъ волковъ и позаботиться объ избраніи себѣ пастыря подобнаго тѣмъ, какіе были у нихъ доселѣ со временъ Григорія (368 г.).

Случившееся у васъ требовало личнаго моего присутствія, чтобы воздать честь блаженному вмѣстѣ съ вами, самыми близкими ему, чтобы

самымъ зрѣніемъ печальнаго событія принять участіе въ вашемъ сѣтованіи о своемъ горѣ, чтобы сообщить вамъ нужные совѣты. Поелику же много препятствій къ тѣлесному сближенію; то осталось только чрезъ письмо имѣть съ вами общеніе въ настоящемъ дѣлѣ.

Описанія тѣхъ чудныхъ качествъ сего мужа, по которымъ, какъ заключаю, всего болѣе несносна для насъ потеря, не вмѣстили бы въ себѣ предѣлы письма; да и по другимъ причинамъ не благовременно—вести слово о множествѣ его доблестей, когда душа наша до такой степени подавлена скорбію. Ибо какое изъ свойствъ его признали бы мы достойнымъ того, чтобы или изгладиться ему изъ нашей памяти, или намъ умолчать о немъ? Невозможно сказать всего вдругъ и за одинъ разъ; а если говорить отчасти, то боюсь, чтобы не было въ этомъ измѣны истинѣ. Умеръ мужъ, который самымъ очевиднымъ образомъ превосходилъ современниковъ всѣми въ совокупности человѣческими совершенствами, былъ опорою отечества, украшеніемъ Церквей, столпомъ и утвержденіемъ истины, твердынею вѣры во Христа, надежною защитою для своихъ, непреоборимымъ для сопротивныхъ, стражемъ отеческихъ постановленій, врагомъ нововведенія, показалъ намъ, какой видъ имѣла Церковь во времена давнія, по древнему ея состоянію, какъ бы по священнолѣпной какой картинѣ, образовавъ видъ Церкви имъ управляемой, такъ что жившіе при немъ представляли себя современниками тѣхъ, которые подобно свѣтиламъ озаряли Церковь за двѣсти и болѣе лѣтъ. Такимъ образомъ ничего не привносилъ онъ, ни своего, ни новѣйшихъ изобрѣтеній ума, но по Моусееву благословенію, изъ тайниковъ сердца своего—изъ этихъ добрыхъ сокровищницъ, умѣлъ износить „ветхая ветхихъ, и ветхая отъ лица новыхъ“ (Лев. 26, 10). Потому и на Соборахъ, въ кругу равночестныхъ ему, не по возрасту удостаивался предпочтенія, но былъ выше всѣхъ старѣйшинствомъ мудрости, по общему признанію пользуясь первенствомъ.

Какое же было пріобрѣтеніе жить подъ такимъ правленіемъ, объ этомъ никто не спроситъ, смотря на васъ; потому что изъ извѣстныхъ намъ вы одни, или раздѣляя сіе весьма съ немногими, подъ его управленіемъ вели неволненную жизнь среди такой бури и смятенія въ дѣлахъ. Васъ не касалось обуреваніе еретическихъ вѣтровъ, которые души удобоизмѣнчивыя доводило до крушенія и потопленія. И да не коснется оно васъ когда либо, о Владыка всяческихъ, на самое долгое время даровавшій благодать безмятежія служителю Твоему Григорію, который первопачально водрузилъ основаніе сей Церкви!

И вы не измѣняйте сему въ настоящее время, неумѣренностію своего плача, тѣмъ, что совершенно предадитесь скорби, не дайте людямъ коварнымъ воспользоваться нужнымъ временемъ. Но если непремѣнно дол-

жно плакать (чего одного не утверждаю, иначе уподобимся въ этомъ не имѣющимъ упованія); то по крайней мѣрѣ, подобно какому-то печальному лику, поставивъ надъ собою вождя, съ нимъ, если угодно, какъ можно стройнѣе, оплакивайте постигшее васъ горе.

Но если сей мужъ и не достигъ крайней старости, то, по времени начальствованія у васъ, не нескудна была его жизнь. А онъ столько участія принималъ въ тѣлѣ, сколько было нужно, чтобы показать душевную твердость въ его страданіяхъ. Но кто-нибудь изъ васъ подумаетъ, можетъ быть, что время для извѣдавшихъ это служитъ увеличеніемъ сочувствія и приращеніемъ любви, а не поводомъ къ пресыщенію; и потому, чѣмъ долѣе испытывали вы сіе благодѣяніе, тѣмъ болѣе чувствуете утрату; но и тѣнь праведникова тѣла для благоговѣйныхъ достойна всякаго чествованія. И хорошо, если бы многіе изъ васъ держались этой мысли! ибо и самъ я не утверждаю, что надобно оставаться равнодушными, лишившись сего мужа, но совѣтую перенести скорбь человѣчески. Ибо все, что могутъ сказать оплакивающіе сію потерю, не укрылось и отъ меня. Молчитъ языкъ, съ котораго какъ бы рѣки лились вамъ въ слухъ, а глубина сердца, никѣмъ доселѣ непостигнутая, сокрылась для людей, какъ тонкій призракъ сновидѣнія. Кто пронищательнѣе его предусматривалъ будущее? Кто съ такимъ твердымъ и непоколебимымъ душевнымъ навыкомъ способенъ былъ скорѣе молніи пробѣгать дѣла? О градъ, подвергавшійся многимъ уже бѣдствіямъ, но ни въ одно изъ нихъ не терпѣвшій такой утраты въ самыхъ основаніяхъ жизни! Отцвѣло теперь для тебя прекраснѣйшее украшеніе; смежила уста свои Церковь, унылы стали народныя стеченія, священный Соборъ болѣзнуетъ о своемъ предсѣдателѣ, таинственныя ученія ожидаютъ себѣ истолкователя, дѣти ждутъ отца, старцы—сверстника, чиновные—чиноначальника, народъ покровителя, нуждающіеся въ необходимомъ—кормителя; всѣ призываютъ его самыми близкими къ ихъ положенію именами; и каждый въ собственномъ своемъ горѣ почерпаетъ свойственный себѣ и приличный предлотъ къ плачу.

Но куда уносится слово мое отъ слезнаго удовольствія? Ужели не отрезвимся? не прійдемъ сами въ себя? не обратимъ взоровъ къ общему Владыкѣ, Который въ надлежащее время опять призывалъ къ Себѣ каждаго изъ святыхъ, дозволивъ сперва, чтобы послужилъ онъ роду своему? Теперь кстати вспомнить вамъ слова того, кто, поучая въ церкви, всегда внушалъ вамъ, говоря: „блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей“ (Фил. 3, 2). Этихъ псовъ много. Что говорю — псовъ? „Волцы тяжцы“, подъ овчею наружностію скрывая коварство, повсюду во вселенной расхищаютъ Христово стадо. Отъ нихъ надобно вамъ оберегаться подъ начальствомъ какого-нибудь бодрственнаго пастыря. И искать сего па-

стыря, очистивъ души свои отъ всякаго соперничества и любоначалія,— ваше дѣло; а указать его предоставимъ Господу, Который непрерывно, съ великаго заступника Церкви вашей Григорія до сего блаженнаго, прилагая и какъ бы приноравливая одного пастыря къ другому, даровалъ Церкви вашей чудное украшеніе, подобное какому то вѣнцу изъ драгоцѣнныхъ камней; почему не должно терять надежды и въ разсужденіи тѣхъ, которые будутъ въ послѣдствіи. Ибо „знаетъ Господь сущія Своя“ (2 Тим. 2, 19), и изведетъ на среду, можетъ быть, и не чаемыхъ нами.

Давно желаю прекратить слово, но не позволяетъ сего болѣзнь сердца. Умоляю же васъ восторгнуться душею къ отцамъ, къ правой вѣрѣ, къ сему блаженному, разсудить, что предстоящее дѣло для каждаго изъ васъ есть свое собственное, размыслить, что, при томъ или другомъ окончаніи онаго, каждый самъ первый вкуситъ плоды его, а потому, какъ случается со многими, попеченія о общемъ благѣ не возлагать на ближняго, чтобы въ послѣдствіи, когда каждый вознерадитъ о дѣлахъ сердцемъ своимъ, всѣмъ вамъ непримѣтнымъ образомъ самимъ на себя, по нерадѣнію, не навлечь своей бѣды.

Пріймите сіе со всякимъ благодушіемъ, или какъ сострадательность сосѣда, или какъ общеніе единомысленнаго и, что будетъ справедливѣе сказать, какъ покорнаго закону любви и избѣгающаго опасности молчанія; пріймите съ увѣренностію, что въ день Господень вы — похваленіе наше, какъ и мы—ваше, и что отъ пастыря, какой будетъ данъ вамъ зависитъ, что или тѣснѣе соединимся съ вами союзомъ любви, или послѣдуетъ совершенное раздѣленіе, чего не дай Богъ, и чего не будетъ, по благодати Божіей!

Мнѣ самому не хотѣлось бы теперь выговаривать что либо непріятное; но желаю довести до вашего свѣдѣнія, что, хотя и не нашли мы себѣ содѣйственникомъ къ умиренію Церквей сего блаженнаго [1]), по нѣкоторымъ, какъ самъ онъ подтвердилъ намъ, предубѣжденіямъ: однако же никогда не переставали мы быть съ нимъ въ единомыслiи, и всегда призывали его участвовать въ борьбѣ съ еретиками, въ чемъ свидѣтельствуемся Богомъ и людьми извѣдавшими насъ.

29. Къ Анкирской церкви утѣшительное.

Выражаетъ Анкирцамъ скорбь свою о кончинѣ епископа ихъ Аѳанасія, котораго выхваляетъ за великія услуги его Церкви, и совѣтуетъ имъ не заводить новыхъ раздоровъ при избраніи другаго епископа. (Писано въ исходѣ 368 г.).

Долгое время приводилъ меня въ молчаніе ударъ этой тяжкой вѣсти о постигшемъ бѣдствіи. Но какъ скоро освободился я нѣсколько отъ своей

[1]) Мусонія.

нѣмоты, какою страдалъ, подобно человѣку оглушенному сильнымъ громомъ; по необходимости начинаю теперь оплакивать постигшее насъ, и въ сѣтованіи своемъ посылаю къ вамъ это письмо, не ради утѣшенія (ибо найдется ли какое слово, способное уврачевать такое несчастіе?), но чтобы, сколько можно, выразить вамъ этими словами болѣзнь своего сердца.

Теперь нуженъ намъ плачъ Іереміи, или кого другаго изъ блаженныхъ мужей, который трогательно оплакивалъ величіе бѣдствія. Палъ мужъ, который въ подлинномъ смыслѣ былъ столпомъ и утвержденіемъ Церкви; лучше же сказать, онъ удаляется отъ насъ, восхищенный къ блаженной жизни. Но не мала опасность, что по отнятіи этой опоры многіе падутъ, а въ нѣкоторыхъ сдѣлается явною ихъ гнилость. Сомкнуты уста правдиваго дерзновенія, которыя къ созиданію братства источали словеса благодати. Не стало совѣтовъ ума, подлинно движимаго Богомъ. О сколько разъ (обвиняю въ этомъ самого себя) приходило мнѣ на мысль вознегодовать на сего мужа, что всецѣло предавшись желанію „разрѣшитися и со Христомъ быти“ (Филипп. 1, 23), не предпочелъ онъ пребыть ради насъ во плоти! На кого теперь возложимъ попеченіе о Церквахъ? Кого пріймемъ въ участники скорбей? съ кѣмъ раздѣлимъ веселіе? Подлинно, тяжкое и плачевное одиночество! Въ какой точности уподобились мы „неясыти пустиннѣй“ (Псал. 101, 7)!

Но совокупленные члены Церкви, его правленіемъ, какъ бы душею какою, сочетанные въ единое сочувствіе и полное общеніе, и охраняются врочно союзомъ мира въ духовномъ сочлененіи, и навсегда будутъ охраняемы, потому что, по дару Божію, твердыми и незыблемыми пребудутъ дѣла этой блаженной души, какія потрудилась совершить она для Церквей Божіихъ. Впрочемъ не малый потребенъ подвигъ, чтобы какія либо опять распри и раздоры, возродившіеся при избраніи Предстоятеля, не сокрушили вдругъ всѣхъ трудовъ случайною ссорою.

30. Къ Евсевію, епископу Самосатскому.

Болѣзнію, зимою, дѣлами и смертію матери удержанный отъ свиданія съ Евсевіемъ, извѣщаетъ его о состояніи Церквей, которое не лучше, чѣмъ и состояніе его тѣла, также объ избраніи епископовъ въ Анкиру и Неокесарію, и Евсевіевымъ молитвамъ приписываетъ, что самъ избѣжалъ злокозненности враговъ (369 г.).

Если бы сталъ я по порядку описывать причины, до сего времени меня задерживавшія, какъ ни сильно было мое стремленіе къ твоему богочестію; то наполнилъ бы ими безконечно длинную исторію. Не буду говорить о болѣзняхъ, слѣдовавшихъ одна за другою, о неудобствахъ зимняго времени, о непрерывности дѣлъ, какъ объ извѣстномъ, о чемъ и прежде уже

доносилъ твоему совершенству. А теперь и единственное утѣшеніе, какое имѣлъ въ жизни, разумѣю матерь мою, и оно отнято у меня по грѣхамъ моимъ. И не смѣйся надо мною, что въ такихъ лѣтахъ жалуюсь на сиротство; напротивъ того извини меня, что не могу терпѣливо перенести разлуку съ такою душею, которой равныхъ по достоинству не вижу въ оставшихся. Поэтому опять возвратились ко мнѣ недуги, опять лежу на одрѣ, въ совершенномъ изнеможеніи оскудѣвающихъ силъ, и только съ часу на часъ ожидаю неминуемаго конца жизни.

А Церкви почти въ такомъ же положеніи, какъ и мое тѣло; не видно никакой доброй надежды; дѣла непрестанно клонятся къ худшему.

Между тѣмъ Неокесарія и Анкира имѣютъ, кажется, преемниковъ на мѣсто почившихъ, и доселѣ спокойны. Да и мнѣ злоумышляющіе до сего времени не успѣли сдѣлать ничего такого, что удовлетворяло бы ихъ гнѣву и злобѣ; и причину этого явно приписываю твоимъ молитвамъ о Церквахъ. Посему не преставай молиться о Церквахъ и усердно просить Бога.

Удостоившихся прислуживать твоей святости премного привѣтствую.

31. Къ нему же.

Продолжающимся въ Кесаріи голодомъ извиняется въ томъ, что не могъ сопутствовать больному своему родственнику Ипатію, который не получилъ облегченія отъ имѣвшихъ даръ исцѣленія; проситъ также Евсевія, чтобы врачеваніе его поручилъ благоговѣйнымъ братіямъ, или къ себѣ ихъ вызвавъ, или отославъ къ нимъ при письмѣ больнаго. (Писано 369 г.).

У насъ не миновался еще голодъ; потому необходимо мнѣ оставаться въ городѣ, или для снабженія нуждающихся, или изъ состраданія къ бѣдствующимъ. Поэтому и теперь не могъ я вступить въ путь вмѣстѣ съ достопочтеннѣйшимъ братомъ Ипатіемъ, котораго могу называть братомъ не только въ похвалу, но и по естественному между нами родству; потому что мы одной крови. Сколько онъ страдаетъ отъ болѣзни, не безъизвѣстно сіе и твоей чести: но меня огорчаетъ то, что пресѣчена ему всякая надежда на облегченіе; потому что и имѣющимъ дарованіе исцѣленій не дано было произвести надъ нимъ обыкновенныхъ своихъ дѣйствій. Почему опять призываетъ на помощь твои молитвы. Снизойди же къ его прошенію, и по сердоболію своему къ страждущимъ, а равно и для меня, который за него ходатайствую, пріими его по обычаю подъ свое покровительство; и если можно, вызови къ себѣ благоговѣйнѣйшихъ изъ братій, чтобы при глазахъ твоихъ приложили о немъ попеченіе; а если не возможно сіе, благоволи послать его при письмѣ, и поручить вниманію начальствующихъ.

32. Къ Софронію магистру.

Просить вступиться за родителя св. Григорія Богослова, и избавить его отъ хлопотъ по судебнымъ мѣстамъ; потому что по смерти Кесарія, который, умирая, отказалъ свое имѣніе бѣднымъ, когда имѣніе сіе частію было расхищено, частію издержано родителями Кесаріевыми на бѣдныхъ и на уплату долговъ, объявлены новые иски отъ людей, которымъ будто Кесарій состоялъ должнымъ. (Писано 369 г.).

Извѣдалъ невзгоды жизни сей и боголюбивѣйшій братъ нашъ, епископъ Григорій. Ибо онъ наряду со всѣми терпитъ безпокойства, непрестанными оскорбленіями поражаемый, какъ бы неожиданными какими ударами. Люди, не боящіеся Бога, а можетъ быть, и вынужденные великостію бѣдствій, нападаютъ на него подъ предлогомъ, что Кесарій бралъ у нихъ деньги. Убытокъ ему не тяжелъ; потому что издавна научился онъ ни во что ставить богатство. Но поелику имущество Кесаріево было въ рукахъ у служителей и у людей, которые по нравамъ ничѣмъ не лучше служителей, и съ полною свободою раздѣливъ между собою самыя дорогія вещи, соблюли совершенную малость; то родители Кесаріевы, получивъ не многое изъ Кесаріева достоянія и почитая сіе никому не принадлежащимъ, вскорѣ истратили это на нуждающихся, какъ по собственному своему изволенію, такъ и по словамъ покойнаго; потому что, какъ сказываютъ, Кесарій умирая говорилъ: „хочу, чтобы все мое достояніе досталось нищимъ“. Почему какъ исполнители Кесаріева приказанія, вскорѣ распорядились они имѣніемъ въ общую пользу; и теперь Григорію предстоятъ съ одной стороны христіанская нищета, съ другой хлопоты ходить по судебнымъ мѣстамъ.

Поэтому пришла мнѣ мысль довести все сіе до свѣдѣнія твоей достохвальной правоты, чтобы ты, изъ уваженія къ мужу, котораго давно знаешь, во славу Господа, Который на Себя пріемлетъ сдѣланное рабомъ Его, и изъ уваженія ко мнѣ одному изъ избранныхъ твоихъ друзей, переговорилъ о семъ, что нужно, съ сокровищехранителемъ, и по великому своему благоразумію придумалъ способъ къ освобожденію Григорія отъ этихъ оскорбительныхъ и несносныхъ безпокойствъ. Безъ сомнѣнія же, нѣтъ и человѣка, который бы такъ мало зналъ Григорія, что сталъ бы подозрѣвать его въ чемъ либо неприличномъ, напримѣръ въ томъ, что изъ пристрастія къ деньгамъ выдумываетъ онъ подобныя вещи. Ибо готово доказательство его безкорыстія. Охотно уступаетъ онъ казнѣ остатки Кесаріева имѣнія, только бы спаслось оно, и ходатай по казеннымъ имуществамъ самъ имѣлъ дѣло съ объявляющими свои притязанія, и самъ потребовалъ у нихъ доказательствъ; потому что мы не способны къ подобнымъ дѣламъ. Ибо совершенству твоему не трудно узнать, что, пока было можно, никто

не отходилъ отъ Григорія, не достигнувъ желаемаго, но всякій безъ труда получалъ, что требовалъ; почему многіе жалѣли даже, что сначала не просили большаго. Сіе-то особенно и произвело, что многіе стали нападать на него. Смотря на примѣръ предупредившихъ, и прочіе начали одинъ за другими объявлять ложные свои иски. Потому просимъ твою степенность воспротивиться всему этому, и непрерывный рядъ золъ, подобный какому-то потоку, остановить и пресѣчь. Самъ ты знаешь, какъ помочь дѣлу, не дожидаясь, чтобы стали учить тебя этому мы, которые, по неопытности въ житейскихъ дѣлахъ, не знаемъ даже и того, какъ избавиться отъ бѣды. Поэтому самъ будь и совѣтникомъ, и заступникомъ, изобрѣтя по великому своему благоразумію и самый способъ воспомоществованія.

33. Къ Авургію.

Проситъ о томъ же дѣлѣ по Кесаріеву наслѣдству (369 г.).

Кто умѣетъ такъ чтить старую дружбу, уважать добродѣтель, и соболѣзновать о страждущихъ, какъ имѣешь ты? А потому, такъ какъ боголюбивѣйшаго брата нашего, епископа Григорія, застигли дѣла, и для другаго несносныя, а еще болѣе противныя его нраву: разсудилъ я, что всего лучше прибѣгнуть къ твоему покровительству, и покуситься искать у тебя какого-нибудь избавленія отъ горестей. Ибо нестерпимое бѣдствіе—если быть въ необходимости хлопотать по дѣламъ принуждаютъ такого человѣка, который не привыкъ и не имѣетъ охоты, требуютъ денегъ съ бѣдняка, влекутъ въ народное собраніе, заставляютъ искать народной благосклонности того, кто издавна рѣшился проводить жизнь въ безмолвіи. Посему, что признаешь полезнымъ, съ сокровищехранителемъ ли переговорить о семъ, или съ кѣмъ другимъ,—сіе предоставляется твоему благоразумію.

34. Къ Евсевію, епископу самосатскому.

Жалуется, что, во время совѣщаній между епископами, Тарсъ занятъ еретиками; потомъ утѣшаетъ себя воспоминаніемъ объ Евсевіи, который употребилъ всѣ мѣры къ пользѣ Церкви. (Писано 369 г.).

Какъ умолчимъ о настоящихъ происшествіяхъ? Не въ силахъ будучи перенести сего, найдемъ ли какое слово, соотвѣтствующее событіямъ, чтобы голосъ нашъ уподоблялся не стонамъ, а плачу, достаточно выражающему тяжесть бѣдствія? Пропадаетъ у насъ и Тарсъ. И не это одно горестно, какъ оно ни несносно; ибо и сего тягостнѣе, что городъ имѣющій столько удобствъ, и потому соединяющій между собою Исаврянъ, Киликіянъ, Каппадокіянъ и Сиріянъ, напрасно погибаетъ по безразсудству двухъ

или трехъ человѣкъ, между тѣмъ, какъ вы медлите, совѣщаетесь и смотритесь другъ на друга. Поэтому было всего лучше—послѣдовать выдумкѣ врачей (у меня, по причинѣ всегдашнихъ моихъ недуговъ, большое обиліе подобныхъ примѣровъ); и какъ они, когда боль достигаетъ крайней мѣры, искусственно приводятъ больнаго въ безчувствіе, такъ и намъ самимъ пожелать для душъ своихъ нечувствительности къ бѣдствіямъ, чтобы не подавляли ихъ невыносимыя страданія.

Впрочемъ, хотя жалки мы въ другихъ отношеніяхъ, однако же пользуемся однимъ утѣшеніемъ, именно тѣмъ, что обращаемъ взоръ къ твоей кротости, твоимъ вниманіемъ къ намъ и памятованіемъ о насъ утоляемъ душевную скорбь. Глазамъ послѣ напряженнаго устремленія на что-нибудь блестящее, приноситъ нѣкоторое облегченіе переходъ къ цвѣтамъ голубымъ и зеленымъ: такъ и душамъ нашимъ, какъ бы нѣжнымъ какимъ прикосновеніемъ, утоляющимъ боли, служитъ воспоминаніе о твоей кротости и о твоемъ усердіи, особенно, когда размыслимъ, что ты выполнилъ съ своей стороны все. Чрезъ это и намъ людямъ, если будемъ судить о дѣлахъ благопризнательно, доказалъ ты достаточно, что ничего не погибло по твоей винѣ, и у Бога стяжалъ себѣ великую награду за усердіе къ доброму.

Да сохранитъ же Господь тебя намъ и Церквамъ Своимъ къ пользѣ міра и къ исправленію душъ нашихъ, и да удостоитъ насъ снова полезнаго съ тобою свиданія!

35. Безъ надписи.

Ходатайствуетъ за близкаго ему человѣка, по имени Леонтія, и проситъ о домѣ сего Леонтія имѣть такое же благопопеченіе, какъ бы и объ его собственномъ. (Писано до епископства).

О многомъ для меня важномъ писалъ я уже къ тебѣ; но о большомъ числѣ дѣлъ буду еще писать. Ибо не возможно, чтобы и нуждающихся не стало, и мы отреклись оказывать посильную милость. Никто во мнѣ такъ не близокъ, и не можетъ меня столько утѣшить своею въ чемъ либо благоуспѣшностію, какъ достопочтеннѣйшій братъ Леонтій. Пріими домъ его такъ, какъ принялъ бы меня самого, не въ той нищетѣ, въ какой я живу теперь по милости Божіей, но когда бы жилъ я въ изобиліи и владѣлъ полями. Очевидно, что ты не довелъ бы меня до бѣдности, но сохранилъ бы, что у меня есть, или пріумножилъ мое изобиліе. Посему прошу тебя поступить такъ же и съ упомянутымъ домомъ этого человѣка. За все же будетъ тебѣ отъ меня обычная награда,—молитва къ святому Богу за труды, какіе принимаешь на себя, будучи столько добръ, благосклоненъ и предупредителенъ къ просьбамъ нуждающихся.

---

36. Безъ надписи.

Проситъ объ одномъ пресвитерѣ, своемъ совоспитанникѣ, трудами котораго питался и св. Василій, чтобы при новомъ уравненіи податей не дѣлать на него новыхъ налоговъ. (Писано до епископства).

Пресвитеръ этого мѣстечка, о чемъ, думаю, давно уже извѣстно твоему благородію,—мой воспитанникъ. Посему нужно ли мнѣ говорить что иное для убѣжденія твоей милости—воззрѣть на него дружелюбно и помочь ему въ дѣлахъ? Ибо, если любишь меня, какъ и вѣроятно любишь; то, безъ сомнѣнія, всѣми мѣрами постараешься успокоить и тѣхъ, кого считаю за одно съ собою. Итакъ о чемъ же прошу? О томъ, чтобы оставалась за нимъ прежняя подать. Ибо не мало трудится онъ, услуживая мнѣ въ пропитаніи; потому что, какъ самъ ты знаешь, не имѣю у себя ничего особеннаго, но довольствуюсь тѣмъ, что есть у друзей и родныхъ. Посему на домъ сего брата смотри какъ на мой, или лучше сказать, какъ на свой собственный; а за оказанное ему благодѣяніе пошлетъ Богъ тебѣ, дому и всему роду твоему обычную помощь. Знай же, что крайне озабоченъ я, чтобы, при этомъ уравненіи податей, не было сдѣлано какой обиды сему человѣку.

37. Безъ надписи.

Просительное о томъ же пресвитерѣ, и по тому же обстоятельству.

Предвижу уже множество писемъ. Хотя принужденъ возвышать голосъ насильно, потому что не могу выносить докучливости просителей: однако же пишу, не умѣя придумать инаго средства къ избавленію, какъ давать всякой разъ письма самимъ приступающимъ ко мнѣ съ просьбами. Посему опасаюсь, чтобы, при множествѣ приносящихъ отъ меня письма, и этотъ братъ не былъ причтенъ къ числу многихъ. Признаюсь, что много у меня на родинѣ друзей и родныхъ, а что занимаю у нихъ мѣсто отца по тому сану, въ который возвелъ меня Господь: но одинъ у меня совоспитанникъ, этотъ сынъ моей кормилицы, и прошу домъ, въ которомъ я воспитанъ, оставить въ прежнемъ состояніи, чтобы благодѣтельное для всѣхъ прибытіе твоего благонравія для этого человѣка не обратилось въ поводъ къ скорби. Но поелику и доселѣ еще питаюсь отъ этого дома, не имѣя своей собственности, довольствуясь же тѣмъ, что есть у любящихъ меня; то прошу пощадить домъ, въ которомъ я воспитывался, какъ бы для меня самого сберегая средства къ пропитанію. И за это да удостоитъ тебя Богъ вѣчнаго упокоенія. Намѣренъ же довести до свѣдѣнія твоего благонравія, какъ самую дѣйствительную правду, что большую часть рабовъ имѣетъ пресвитеръ сей отъ меня, и они даны ему моими родителями въ награду

за мое воспитаніе; награда же эта — не совершенный даръ, а только право пользоваться въ продолженіе жизни. Посему, если касательно ихъ будетъ что нибудь обременительное, то можетъ отослать ихъ ко мнѣ, и я другимъ уже путемъ буду подлежать данямъ и взысканіямъ сборщиковъ.

38. Къ Григорію брату.

Опасаясь, чтобы Григорій, подобно многимъ, не сталъ смѣшивать понятій: „сущность“ и „ѵпостась“, объясняетъ различіе сихъ понятій; потомъ доказываетъ, что въ Троицѣ одна сущность и три Ѵпостаси, въ объясненіе чего представляетъ подобіе радуги. Наконецъ толкуетъ, въ какомъ смыслѣ Ап. Павелъ называетъ Сына образомъ Отчей ѵпостаси. (Писано въ 369 или 370 г.).

Поелику многіе въ таинственныхъ догматахъ, не дѣлая различія между сущностію вообще и понятіемъ ѵпостасей, сбиваются на то же значеніе, и думаютъ, что нѣтъ различія сказать: „сущность“, или „ѵпостась“ (почему нѣкоторымъ изъ употребляющихъ слова сіи безъ разбора вздумалось утверждать, что какъ сущность одна, такъ и ѵпостась одна, и наоборотъ, признающіе три ѵпостаси думаютъ, что по сему исповѣданію должно допустить и раздѣленіе сущностей на равное сему число): то по сей причинѣ, чтобы и тебѣ не впасть во что либо подобное, на память тебѣ вкратцѣ составилъ я о семъ слово. Итакъ, чтобы выразить въ немногихъ словахъ, понятіе упомянутыхъ реченій есть слѣдующее.

Одни именованія, употребляемыя о предметахъ многихъ и численно различныхъ, имѣютъ нѣкое общее значеніе; таково напримѣръ имя „человѣкъ“. Ибо произнесшій слово сіе, означивъ этимъ именованіемъ общую природу, не опредѣлилъ симъ реченіемъ одного какого нибудь человѣка, собственно означаемаго симъ именованіемъ; потому что Петръ не больше есть человѣкъ, какъ и Андрей, и Іоаннъ, и Іаковъ. Поэтому общность означаемаго, подобно простирающаяся на всѣхъ подводимыхъ подъ то же именованіе, имѣетъ нужду въ подраздѣленіи, чрезъ которое познаемъ не человѣка вообще, но Петра или Іоанна.

Другія же именованія имѣютъ значеніе частное, подъ которымъ разумѣется не общность природы въ означаемомъ, но очертаніе какого либо предмета по отличительному его свойству, не имѣющее ни малой общности съ однороднымъ ему предметомъ; таково напримѣръ имя Павелъ, или Тимоѳей. Ибо таковое реченіе ни мало не относится къ общему естеству, но изображаетъ именами понятіе о нѣкоторыхъ опредѣленныхъ предметахъ, отдѣливъ ихъ отъ собирательнаго значенія.

Посему, когда вдругъ взяты двое или болѣе, напримѣръ: Павелъ, Силуанъ, Тимоѳей, тогда требуется составить понятіе о сущности человѣковъ; потому что никто не дастъ инаго понятія о сущности въ Павлѣ,

инаго — въ Силуанѣ, и инаго — въ Тимоѳеѣ, но какими словами обозначена сущность Павла, тѣ же слова будутъ приличествовать и другимъ; ибо подведенные подъ одно понятіе сущности между собою единосущны. Когда же, изучивъ общее, обратится кто къ разсмотрѣнію отличительнаго, чѣмъ одно отдѣляется отъ другаго: тогда уже понятіе, ведущее къ познанію одного предмета, не будетъ во всемъ сходствовать съ понятіемъ другаго предмета, хотя въ нѣкоторыхъ чертахъ и найдется между ними нѣчто общее.

Посему утверждаемъ такъ: именуемое собственно выражается реченіемъ: „ѵпостась“. Ибо выговорившій слово: „человѣкъ“, неопредѣленностію значенія передалъ слуху какую-то обширную мысль, такъ что, хотя изъ сего наименованія видно естество, но не означается имъ подлежащій и собственно именуемый предметъ. А выговорившій слово: „Павелъ“, въ означенномъ этимъ наименованіемъ предметѣ указалъ надлежащее естество. Итакъ „ѵпостась“ есть не понятіе сущности неопредѣленное, по общности означаемаго ни на чемъ не останавливающееся, но такое понятіе, которое видимыми отличительными свойствами изображаетъ и очертываетъ въ какомъ нибудь предметѣ общее и неопредѣленное.

Такъ и Писанію обычно сіе дѣлать, и во многихъ другихъ случаяхъ, и въ исторіи Іова. Ибо, приступая къ повѣствованію о немъ, сперва помянуло общее и изрекло: „человѣкъ“, а потомъ отдѣляетъ тѣмъ, что составляетъ его особенность, въ присовокупленіи слова: „нѣкій“. Но оно прешло молчаніемъ описаніе сущности, какъ безполезное для предложенной цѣли слова; понятіе же: „нѣкій“, изображаетъ свойственными чертами, именуя мѣсто, черты нрава, и всѣ тѣ отъ внѣшности заимствованные признаки, которыми хотѣло отдѣлить его отъ общаго значенія, чтобы описаніе лица, о которомъ повѣствуется, явственно было по всему, и по имени, и по мѣсту, и по душевнымъ свойствамъ, и потому, что усматривается внѣ его. А если бы излагало оно понятіе сущности; то при изъясненіи естества не было бы никакого упоминанія о сказанномъ; потому что понятіе было бы то же, что и о Валдаѣ савхейскомъ, и о Софарѣ минейскомъ, и о каждомъ изъ упомянутыхъ тамъ людей.

Поэтому, какое понятіе пріобрѣлъ ты о различіи сущности и ѵпостаси въ насъ, перенеси оное и въ божественные догматы; и не погрѣшишь. Что представляетъ тебѣ когда либо мысль о существѣ Отца (ибо душа не можетъ утверждаться на одной отдѣльной мысли, будучи увѣрена, что существо сіе выше всякой мысли), то же представляй себѣ и о Сынѣ, а равно то же и о Духѣ Святомъ. Понятіе несозданнаго и непостижимаго есть одно и тоже въ разсужденіи и Отца и Сына и Святаго

Духа. Не больше непостижимъ и не созданъ одинъ, и не меньше другій. Но когда въ Троицѣ нужно по отличительнымъ признакамъ составить себѣ неслитное различеніе: тогда къ опредѣленію отличительнаго возмемъ не вообще представляемое, каковы напримѣръ несозданность, или недосязаемость никакимъ понятіемъ, или что нибудь подобное сему, но будемъ искать того одного, чѣмъ понятіе о Каждомъ ясно и несмѣсно отдѣлится отъ представляемаго вмѣстѣ.

Посему, кажется мнѣ, хорошо будетъ раскрыть понятіе сіе такъ. Всякое благо, нисходящее къ намъ отъ Божіей силы, называемъ дѣйствіемъ все во всѣхъ производящей благодати, какъ говоритъ Апостолъ: „вся же сіе дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ“ (1 Кор. 12, 11). Но вникая, отъ одного ли Святаго Духа воспріявъ начало, подаяніе благъ такимъ образомъ нисходитъ къ достойнымъ, опять по указанію Писаній вѣруемъ, что Единородный Богъ есть начальникъ и виновникъ подаянія благъ, открывающихся въ насъ по дѣйствію Духа. Ибо святое Писаніе учитъ насъ о Единородномъ, что „вся Тѣмъ бысша“ (Іоан. 1, 3), и „въ Немъ состоятся“ (Кол. 1, 17). Итакъ, когда возведены мы къ этой мысли, опять, пользуясь богодухновеннымъ руководствомъ, научаемся, что, хотя одною Силою приводится все изъ небытія въ бытіе, однакоже и Ею не безначально, но есть нѣкая Сила нерожденно и безначально сущая, и Она-то есть вина вины всѣхъ существъ. Ибо отъ Отца Сынъ, Которымъ все получило бытіе, и съ Которымъ всегда неразлучно умопредставляется и Духъ Святый. Не можетъ и помыслить о Сынѣ не предосіяваемый Духомъ. Итакъ, поелику Духъ Святый, отъ Котораго источается на тварь всякое подаяніе благъ, какъ соединенъ съ Сыномъ, съ Которымъ нераздѣльно представляется, такъ имѣетъ бытіе зависимое отъ вины — Отца, отъ Котораго и исходитъ; то отличительный признакъ упостаснаго Его свойства есть тотъ, что по Сынѣ и съ Сыномъ познается, и отъ отца имѣетъ бытіе. Сынъ же, Который Собою и вмѣстѣ съ Собою даетъ познавать Духа, исходящаго отъ Отца, одинъ единородно возсіявъ отъ нерожденнаго Свѣта, по отличительнымъ Своимъ признакамъ не имѣетъ ничего общаго съ Отцемъ или съ Духомъ Святымъ, но одинъ познается по упомянутымъ признакамъ. А „сый надъ всѣми Богъ“ одинъ имѣетъ тотъ преимущественный признакъ Своей упостаси, что Онъ Отецъ, и бытіе Его не отъ какой либо вины; а по сему опять признаку Онъ собственно и познается.

По сей-то причинѣ говоримъ, что въ общемъ понятіи сущности не слитны и не сообщи признаки, усматриваемые въ Троицѣ, какими выражается отличительное свойство Лицъ, о Которыхъ преподаетъ намъ вѣра, потому что каждое Лице представляется нами отлично по собствен-

нымъ Его признакамъ: такъ что по упомянутымъ признакамъ познано различіе ипостасей. А что касается до безконечности, непостижимости, несозданности, необъемлемости мѣстомъ и до всего подобнаго сему, то нѣтъ никакого различія въ животворящемъ Естествѣ, разумѣю Отца, Сына и Духа Святаго; но усматривается въ Нихъ нѣкое непрерывное и нерасторгаемое общеніе. И въ какихъ понятіяхъ возможетъ кто представить себѣ величіе одного изъ Лицъ, исповѣдуемыхъ во Святой Троицѣ, съ тѣми да приступаетъ безразлично къ созерцанію славы во Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ, не блуждая мыслію ни по какому промежутку между Отцемъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ; потому что нѣтъ ничего между Ними вставнаго, ни чего либо самостоятельнаго и отличнаго отъ Божія естества, такъ чтобы естество сіе могло быть отдѣлено Само отъ Себя вставкою посторонняго, ни пустоты какого либо не наполняемаго пространства, которая бы производила перерывы въ единеніи Божіей сущности съ самой Собою, раздѣляя непрерывное пустыми промежутками. Но кто представилъ въ умѣ Отца, тотъ представилъ и Его въ Немъ Самомъ, и вмѣстѣ объялъ мыслію Сына. А кто имѣетъ въ мысли Сына, тотъ не отдѣляетъ отъ Сына и Духа; но относительно къ порядку послѣдовательно, относительно же къ естеству соединенно, напечатлѣваетъ въ себѣ во едино сліянную вѣру въ три Лица. И кто наименовалъ только Духа, тотъ въ семъ исповѣданіи сообъемлетъ и Того, Чей это Духъ. Поелику же Духъ есть Христовъ (Рим. 8, 9), и Онъ отъ Бога, какъ говоритъ Павелъ (1 Кор. 2, 12): то какъ взявшійся за одинъ конецъ цѣпи влечетъ и другой ея конецъ, такъ по слову Пророка (Псал. 118, 131), привлекшій Духа чрезъ Него привлекаетъ вмѣстѣ и Сына и Отца. И кто истинно пріиметъ Сына, тотъ будетъ имѣть Его въ себѣ, обоюду низводящаго и Отца Своего, и собственнаго Своего Духа. Ибо не можетъ быть отсѣченъ отъ Отца всегда во Отцѣ Сущій, и никогда не отдѣлится отъ собственнаго Духа все о Немъ Производящій. А равно, кто пріялъ Отца, тотъ по дѣйственности пріялъ вмѣстѣ и Сына и Духа. Ибо не возможно представить мысленно какого либо сѣченія, или раздѣленія, такъ чтобы или Сынъ представляемъ былъ безъ Отца, или Духъ отдѣляемъ отъ Сына; а напротивъ того находимъ между Ними нѣкое неизреченное и недомыслимое какъ общеніе, такъ и раздѣленіе; ни разность ипостасей не расторгаетъ непрерывности естества, ни общность сущности не сливаетъ отличительныхъ признаковъ.

Но не дивитесь, если говоримъ, что одно и то же и соединено и раздѣлено, и если представляемъ мысленно, какъ бы въ гаданіи, нѣкое новое и необычайное какъ раздѣленіе соединенное, такъ и единеніе раздѣленное. Ибо кто выслушаетъ слово не съ намѣреніемъ оспоривать и осмѣ-

вать оное, тому и въ чувственныхъ вещахъ можно найдти нѣчто подобное. И вы пріимите слово мое, какъ подобіе и тѣнь истины, а не какъ самую дѣйствительную истину. Ибо не возможно, чтобы представляемое въ подобіяхъ было во всемъ сходно съ тѣмъ, для изображенія чего берется.

Итакъ на какомъ же основаніи говорю, что являющееся нашимъ чувствамъ представляетъ намъ нѣкое подобіе раздѣленнаго и вмѣстѣ соединеннаго? Видалъ ты когда нибудь весною сіяніе дуги въ облакахъ? разумѣю ту дугу, которую по общему словоупотребленію привыкли мы называть радугою. Знающіе объ этомъ говорятъ, что она составляется, когда въ воздухѣ растворена какая-то влага; потому что сила вѣтровъ все влажное и сгущенное въ испареніяхъ, образовавшееся уже въ облоко, сгнетаетъ въ дождь. А составляется радуга, какъ говорятъ, такимъ образомъ. Когда солнечный лучъ, проходя косвенно густоту и мглу облаковъ, потомъ прямо упрется своимъ кругомъ въ какое нибудь облако; тогда происходитъ какъ бы нѣкоторый перегибъ и возвращеніе свѣта на самого себя, потому что свѣтъ отъ влажнаго и блестящаго идетъ назадъ въ противную сторону. Ибо такъ какъ огневидные отблески имѣютъ свойство, если падаютъ на что нибудь гладкое, перегибаясь возвращаться опять на самихъ себя; а образъ солнца, производимый лучемъ на влажномъ и гладкомъ воздухѣ бываетъ круглый; то по необходимости и на прилежащемъ къ облаку воздухѣ отсвѣчивающее сіяніе описываетъ нѣчто подобное образу солнечнаго круга. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же свѣтъ и непрерывенъ самъ въ себѣ и раздѣленъ. Будучи многоцвѣтнымъ и многовиднымъ, онъ непримѣтно окрашивается различными цвѣтами, непримѣтнымъ для нашихъ взоровъ образомъ скрадывая взаимное сліяніе не одинаково цвѣтныхъ частицъ, такъ что между голубымъ и огнистымъ цвѣтомъ, или между огнистымъ и пурпуровымъ, или между симъ послѣднимъ и янтарнымъ, не возможно распознать середины, въ которой смѣшиваются и отдѣляются одинъ отъ другаго инаковые цвѣты; потому что отблески всѣхъ цвѣтныхъ лучей, видимы вмѣстѣ, бѣлы, и скрадывая признаки взаимнаго соприкосновенія, остаются неразличимыми, такъ что не возможно найдти, гдѣ оканчивается огнистый или изумрудный лучъ въ цвѣтномъ сіяніи, и гдѣ начинаетъ быть не такимъ уже, какимъ видимъ въ бѣломъ сіяніи.

Посему, какъ въ этомъ подобіи, и ясно распознаемъ различія цвѣтовъ, и не можетъ различить чувствомъ разстоянія отъ одного цвѣта до другаго: такъ разсуждай о возможности представлять нѣчто подобное касательно божественныхъ догматовъ. Хотя упостасныя свойства, подобно нѣкоему цвѣту изъ видимыхъ въ радугѣ, сіяютъ въ каждомъ изъ исповѣ-

дуемыхъ во Святой Троицѣ Лицъ; однако же въ разсужденіи естественнаго свойства не возможно примыслить никакой разности у одного Лица съ другимъ, но при общей сущности въ каждомъ Лицѣ сіяютъ отличительныя свойства. Ибо и тамъ, въ подобіи, одна была сущность, издающая многоцвѣтное это сіяніе, и именно преломляемая въ солнечномъ лучѣ; но цвѣтъ явленія многовиденъ.

Такъ и чрезъ твореніе учитъ насъ разумъ не находить страннымъ въ ученіи о догматѣ, когда, встрѣтивъ трудное къ уразумѣнію, прійдемъ въ недоумѣніе, соглашаться ли на сказанное. Какъ въ разсужденіи видимаго глазами оказалось, что опытъ лучше понятія о причинѣ; такъ и въ догматахъ, превышающихъ разумъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что постигаетъ разсудокъ, лучше вѣра, которая учитъ насъ о раздѣльномъ въ ѵпостаси и о соединенномъ въ сущности. Итакъ, поелику слово наше открыло во Святой Троицѣ и общее и отличительное: то понятіе общности возводится къ „сущности“; а „ѵпостась“ есть отличительный признакъ каждаго Лица.

Но можетъ быть, иный подумаетъ, что предложенное понятіе объ ѵпостаси не согласно съ смысломъ апостольскаго писанія, гдѣ Апостолъ говоритъ о Господѣ, что Онъ „сіяніе славы Его и образъ ѵпостаси“ (Евр. 1, 3). Ибо, если ѵпостасію назвали мы совокупность отличительныхъ свойствъ, усматриваемыхъ въ Каждомъ, и какъ объ Отцѣ признаемъ, что есть нѣчто собственно въ Немъ созерцаемое, чрезъ что Онъ одинъ познается, такъ то же самое исповѣдуемъ и о Единородномъ; то какъ же Писаніе въ этомъ мѣстѣ именованіе ѵпостаси приписываетъ одному Отцу, а Сына называетъ образомъ ѵпостаси, который обозначается не собственными своими, а Отцевыми чертами? Если ѵпостась есть отличительный знакъ бытія Каждаго, и собственностію Отца признается — быть нерожденно, Сынъ же изображаетъ въ Себѣ отличительныя свойства Отца; то не остается уже при Отцѣ, чтобы Онъ одинъ по преимуществу именовался нерожденнымъ, если только тѣмъ, что отличаетъ Отца, обозначается бытіе Единороднаго.

Но утверждаемъ, что здѣсь слово апостола выполняетъ другую цѣль, которую имѣя въ виду, употребилъ онъ сіи реченія: „сіяніе славы и образъ ѵпостаси“. И кто тщательно уразумѣлъ сію цѣль, тотъ найдетъ не что либо противорѣчащее сказанному нами, а только то, что рѣчь направлена къ какой-то особенной мысли. Ибо апостольское слово разсуждаетъ не о томъ, какъ ѵпостаси различать между собою по видимымъ признакамъ, но о томъ, какъ уразумѣть соестественность, неотлучность и единеніе въ отношеніи Сына къ Отцу. Такъ не сказалъ: „иже сый“ слава Отца (хотя сіе дѣйствительно такъ); но, оставивъ это, какъ всѣми

признаваемое, научая же не представлять инаго образа славы во Отцѣ, а инаго въ Сынѣ, опредѣляетъ, что слава Единороднаго есть сіяніе самой славы Отца, подобіемъ свѣта приводя къ тому, чтобы Сына представлять неразлучно со Отцемъ. Ибо какъ сіяніе, хотя отъ пламени, однако же не позднѣе пламени, но вдругъ и пламень вспыхиваетъ и свѣтъ отъ Него возсіяваетъ: такъ, по требованію Апостола, должно представлять и Сына отъ Отца, не отдѣлять Единороднаго какимъ нибудь разлучающимъ разстояніемъ отъ бытія Отца, но вмѣстѣ съ Виновникомъ представлять всегда и сущее отъ Него. Посему такимъ же образомъ, какъ бы толкуя предложенную теперь мысль, называетъ и образомъ ѵпостаси, тѣлесными подобіями руководя насъ къ уразумѣнію невидимаго. Ибо, какъ тѣло непремѣнно имѣетъ очертаніе, но инаково понятія очертанія, а инаково понятіе тѣла; и кто даетъ опредѣленіе одного изъ сихъ двухъ, тотъ не попадаетъ еще на опредѣленіе другаго; между тѣмъ, хотя въ умѣ и отдѣляешь очертаніе отъ тѣла, однакоже природа не допускаетъ раздѣленія, но одно съ другимъ представляется соединеннымъ: такъ, думаетъ Апостолъ, должно разумѣть, что ученіе вѣры, хотя научаетъ насъ несліянному и раздѣльному различію ѵпостасей, однако же въ приведенномъ мѣстѣ изображаетъ неразрывность и какъ бы нераздѣльность Единороднаго со Отцемъ, не потому, что Единородный не имѣетъ ѵпостаси, но потому что въ единеніи Своемъ со Отцемъ не допускаетъ ничего посредствующаго; почему устремившій душевныя очи на образъ Единороднаго имѣетъ мысль объ ѵпостаси Отца, не въ слѣдствіе измѣненія или смѣшенія созерцаемыхъ въ Нихъ отличительныхъ свойствъ, или во Отцѣ представляя рожденность, или въ Сынѣ нерожденность, но потому что оставшійся, по отдѣленіи Одного отъ Другаго, не можетъ быть представляемъ одинъ Самъ по Себѣ. Ибо не возможно, чтобы наименовавшій Сына не имѣлъ мысли и объ Отцѣ; потому что именованіе сіе относительно указываетъ и на Отца.

Итакъ, поелику увидѣвшій Сына видитъ и Отца, какъ говоритъ Господь въ евангеліи (Іоан. 14. 9); то посему сказано, что Единородный есть „образъ ѵпостаси“ Отчей. И чтобы лучше выразумѣть эту мысль, присовокупимъ и другія изреченія Апостола, въ которыхъ называетъ Онъ Сына „образомъ Бога невидимаго“ (Кол. 1, 15), и еще образомъ благости Его, не въ томъ смыслѣ, что образъ различенъ отъ первообраза относительно къ невидимости и благости, но желая показать, что Сынъ тождественъ съ первообразнымъ, хотя и Иный; потому что не сохранилось бы понятіе образа, если бы не имѣлъ Онъ во всемъ яснаго и безразличнаго тождества. Слѣдственно представившій себѣ доброту образа, имѣетъ уже мысль о первообразѣ. И кто объялъ мыслію какъ бы образъ

Сына, тотъ отпечатлѣлъ въ себѣ и образъ Отчей ѵпостаси, въ послѣднемъ созерцая и первый, не потому что въ изображеніи видитъ нерожденность Отца (въ такомъ случаѣ оно было бы всецѣло тождественнымъ, а не инымъ), но потому, что нерожденную Доброту созерцаетъ въ рожденной. Ибо, какъ всмотрѣвшійся въ изображеніе лица, представившееся въ чистомъ зеркалѣ, получаетъ ясное познаніе объ изображенномъ лицѣ, такъ познавшій Сына съ самымъ симъ познаніемъ Сына пріялъ въ сердцѣ образъ Отчей ѵпостаси. Ибо все, что принадлежитъ Отцу, созерцается и въ Сынѣ, и все, что принадлежитъ Сыну, принадлежитъ и Отцу; потому что всецѣлый Сынъ въ Отцѣ пребываетъ, и опять имѣетъ въ себѣ всецѣлаго Отца, такъ что ѵпостась Сына служитъ какъ бы образомъ и лицемъ къ познанію Отца; и ѵпостась Отца познается въ образѣ Сына, тогда какъ остается созерцаемое въ Нихъ отличительное свойство къ ясному различенію ѵпостасей.

39. Къ ученику Хилону (42) [1]).

Вразумляетъ его, что въ добродѣтельной жизни недостаточно одно доброе начало, а нужно постоянное и непрерывное преспѣяніе, предлагаетъ многія правила жизни уединенной, совѣтуетъ не вдругъ устремляться на верхъ совершенства, но соблюдать въ подвигахъ постепенность, и предостерегаетъ не оставлять пустыни подъ благовиднымъ предлогомъ добродѣтельнаго житія въ мірѣ и посѣщенія духовныхъ собраній.

Виновникомъ спасительнаго дѣла буду для тебя, искренній братъ мой, если охотно пріимешь отъ меня совѣтъ о томъ, что тебѣ дѣлать, особливо въ такихъ случаяхъ, о которыхъ самъ ты просилъ подать тебѣ совѣтъ. У многихъ, можетъ быть, доставало смѣлости начать уединенную жизнь, но не многіе, вѣроятно, потрудились довершить ее, какъ должно. И безъ сомнѣнія, конецъ дѣла — не въ одномъ намѣреніи, а въ концѣ— плодъ трудовъ. Поэтому ни малой нѣтъ пользы, если кто не поспѣшаетъ къ концу намѣренія, но ограничиваетъ монашескую жизнь однимъ только началомъ, а что всего смѣшнѣе, оставляетъ еще собственное свое намѣреніе, за что посторонніе обвиняютъ его въ недостаткѣ мужества и разсудительности. О таковыхъ и Господь говоритъ: „кто, хотяй“ домъ „создати, не прежде ли сѣдъ расчтетъ имѣніе, аще имать, еже есть на совершеніе: да не, когда положитъ основаніе, и не возможетъ совершити, начнутъ ругатися ему“ мимоходящіе, „глаголюще, яко человѣкъ сей“

[1]) Подъ симъ числомъ находится письмо сіе въ подинникѣ по Гарніерову изданію, въ которомъ подъ числами 30, 40 и 41 помѣщены два письма къ св. Василію импер. Юліана, и отвѣтъ къ нему самого Василія. Въ переводѣ письма сіи исключены; потому что послѣднее не признается подлиннымъ, а первыя, если бы они были и подлинныя, не должны входить въ сіе изданіе, какъ не Василіевы.

основаніе положи, „и не може совершити“ (Лук. 14, 28—30)? Посему за началомъ пусть слѣдуетъ усердіе къ успѣху въ добромъ дѣлѣ. Ибо и мужественнѣйшій подвижникъ Павелъ, желая, чтобы мы не обезпечивали себя прежними добрыми дѣлами, но ежедневно преуспѣвали болѣе и болѣе, говоритъ: „задняя забывая, въ предняя же простираяся, къ намѣренному гоню, къ почести вышняго званія“ (Филип. 3, 13. 14). Такова и цѣлая жизнь человѣческая: она не довольствуется предшествовавшимъ, но питается не столько прошедшимъ, сколько будущимъ. Что пользы человѣку во вчерашней сытности чрева, если нынѣ при возродившемся голодѣ не находитъ свойственнаго утѣшенія снѣдей? Такъ и душѣ не пользуетъ вчерашнее доброе дѣло, если въ сей день оставлено исполненіе правды. Ибо сказано: какимъ найду тебя, такимъ и признаю.

Поэтому напраснымъ дѣлается трудъ праведника и неукоризненнымъ нравъ грѣшника послѣ происшедшей съ нимъ перемѣны, когда одинъ изъ лучшихъ перейдетъ къ худшему, а другой отъ худшаго къ лучшему. Это можно слышать и у Іезекіиля, который учитъ какъ отъ лица Господня. Ибо говоритъ онъ: если праведникъ совратившись прегрѣшитъ, не помяну „правды, яже сотворилъ есть“ предъ симъ, но во грѣхѣ своемъ „умретъ“ (Іез. 18, 24). А то же самое говоритъ и о грѣшникѣ: если обратившись „сотворитъ правду, жизнію поживетъ“ въ ней (27, 28). Гдѣ столь многочисленные труды раба Моисея, какъ скоро минутное пренословіе воспрепятствовало ему взойдти въ землю обѣтованія? Къ чему послужило Гіезію обращеніе съ Елисеемъ, когда по сребролюбію навлекъ онъ на себя проказу? Что было пользы и Соломону во множествѣ мудрости и въ такой предшествовавшей любви къ Богу, когда въ послѣдствіи отъ женонеистовства впалъ онъ въ идолослуженіе? Да и блаженнаго Давида не неукоризненнымъ содѣлала разсѣянность за прегрѣшеніе съ женою Уріи. Къ приведенію въ безопасность жительствующаго по Богу достаточно видѣть и ниспаденіе изъ лучшаго въ худшее Іуды, который столько времени былъ ученикомъ Христовымъ, а потомъ, продавъ Учителя за малое вознагражденіе, пріобрѣлъ тѣмъ себѣ удавку. Поэтому да будетъ извѣстно тебѣ, братъ, что не тотъ совершенъ, кто хорошо началъ, но тотъ благоискусенъ предъ Богомъ, кто хорошо даетъ въ дѣлѣ отчетъ. Посему, братъ, не давай „сна очима, и дреманія вѣждома своими“ (Псал. 131, 4), пока не спасешься, какъ серна отъ тенетъ, и какъ птица отъ сѣтей! Ибо смотри, ты идешь среди сѣтей и ходишь поверхъ высокой стѣны, откуда упасть не безопасно.

Посему не вдругъ простирайся на самый верхъ подвижничества, наипаче же не полагайся самъ на себя, чтобы не пасть тебѣ съ высоты подвижнической жизни по неопытности. Ибо лучше постепенное преспѣяніе

По немногу отнимай у себя житейскія наслажденія, истребляя всѣ свои навыки, чтобы противодѣйствіемъ своимъ, вдругъ приведя въ раздраженіе всякое желаніе наслажденій, не возставить противъ себя толпу искушеній. Когда возмешь верхъ надъ пристрастіемъ къ одному удовольствію, тогда вступай въ борьбу съ пристрастіемъ къ другому; и такимъ образомъ преодолѣешь всякую склонность къ наслажденію. Ибо именованіе удовольствія одно, но роды удовольствій различны. Поэтому, братъ, прежде всего будь терпѣливъ во всякомъ искушеніи. А сколь многоразличными искушеніями испытывается вѣрный, то мірскими потерями, то обвиненіями, оболганіями, непокорностію, оговорами, гоненіями! Все это и подобное сему служитъ къ испытанію вѣрнаго.

Сверхъ того будь безмолвенъ, не опрометчивъ въ словѣ, не спорливъ, не упоренъ, не тщеславенъ, не все перетолковывай, но люби вѣрность, будь не многорѣчивъ, всегда готовъ не учить, но учиться. Не любопытствуй о жизни мірской; изъ этого не будетъ тебѣ никакой пользы. Ибо сказано: „да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ“ (Псал. 16, 4). Кто съ пріятностію говоритъ о дѣлахъ людей грѣшныхъ, тотъ съ готовностію пробуждаетъ въ себѣ страсть къ удовольствіямъ. Но желай лучше узнать жизнь праведныхъ; ибо въ этомъ найдешь для себя пользу. Не будь охотникъ показываться въ люди, обходя селенія и домы: но бѣгай ихъ, какъ сѣтей для души. А если кто изъ великаго благоговѣнія убѣждаетъ тебя разными предлогами взойдти къ нему въ домъ; то таковый пусть научится вѣрѣ сотника, который Іисуса, поспѣшавшаго къ нему для исцѣленія, удерживалъ отъ себя, говоря: „Господи, нѣсмь достоинъ да подъ кровъ мой внидеши, но токмо рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой“ (Матѳ. 8, 8). Когда же Іисусъ сказалъ ему: „иди, якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ; исцѣлѣ отрокъ въ той часъ“ (13). Посему да будетъ извѣстно тебѣ, братъ, что не присутствіемъ Христовымъ, но вѣрою просящаго, освобожденъ больный отъ недуга. Такъ и нынѣ, въ какомъ мѣстѣ ни помолишься, если больной увѣруетъ, что помогутъ ему молитвы твои, все исполнится по желанію его.

Не паче Господа люби близкихъ тебѣ. Ибо сказано: „иже любитъ отца, или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“ (Матѳ. 10, 36). Что же значитъ Господня заповѣдь? Сказано: „аще кто“ не „возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми, не можетъ Мой быти ученикъ“ (Лук. 9, 23. 14, 27). Если ты со Христомъ умеръ для сродниковъ своихъ по плоти; то для чего хочешь опять жить съ ними? А если для сродниковъ своихъ опять созидаешь то, что разорилъ для Христа; то самъ себя дѣлаешь преступникомъ. Поэтому для сродниковъ своихъ не оставляй мѣста своего; ибо оставляя мѣсто, оставляешь, можетъ быть, и нравы свои.

Не люби многолюдства, селеній и городовъ: но будь пустыннолюбцемъ, всегда неразсѣянно пребывая самъ въ себѣ, признавая своимъ дѣломъ молитву и псалмопѣніе. Не пренебрегай чтеніемъ: особливо читай Новый Завѣтъ, такъ какъ отъ чтенія Ветхаго Завѣта не рѣдко бываетъ вредъ, не потому что въ немъ написано вредное, но потому что немощенъ умъ претерпѣвающихъ вредъ. Ибо всякій хлѣбъ питателенъ: но слабымъ онъ вреденъ. Такъ „всяко Писаніе богодухновенно и полезно“ (2 Тим. 3, 16), и въ немъ нѣтъ ничего нечистаго, а нечисто развѣ тому, кто признаетъ нечистымъ. Ты же „вся искушай; добрая держи, отъ всякаго вида злаго отгребайся“ (1 Сл. 5, 21. 22). „Вся бо лѣтъ суть, но не вся на пользу“ (1 Кор. 6, 12).

Поэтому со всѣми, съ кѣмъ имѣешь дѣло, будь во всемъ непреткновенъ, разуменъ, братолюбивъ, привѣтливъ, смиренномудръ, не удаляйся отъ цѣли страннолюбія для дорогихъ яствъ, но, довольствуясь настоящимъ, ни отъ кого не бери ничего сверхъ ежедневно потребнаго для монашеской жизни, и особливо бѣгай золота, какъ навѣтника души, отца грѣху, служителя діаволу. Не дѣлай себя виновнымъ въ богатолюбіи подъ предлогомъ служенія нищимъ. А если кто принесетъ тебѣ деньги для бѣдныхъ; узнавъ, кто скуденъ, посовѣтуй тому самому, у кого есть деньги, отнести ихъ къ неимущимъ, чтобы принятіемъ отъ него денегъ не осквернить тебѣ своей совѣсти. Бѣгай удовольствій: люби воздержность; и тѣло упражняй въ трудахъ, а душу пріучай къ искушеніямъ. Разлученіе души и тѣла признавая освобожденіемъ отъ всякаго зла, ожидай наслажденія вѣчными благами, причастниками котораго сдѣлались всѣ святые.

Непрестанно взвѣшивая діавольское внушеніе, противопоставляй ему благочестивый помыслъ и уступай послѣднему, какъ наклоненію чашки на вѣсахъ. Особливо, когда возставшая въ тебѣ лукавая мысль говоритъ: „какая польза жить тебѣ въ этомъ мѣстѣ? Что выгоды въ удаленіи отъ общежитія съ людьми? Или не знаешь, что поставленные Богомъ епископы Божіихъ Церквей живутъ, обыкновенно, вмѣстѣ съ людьми, и непрестанно совершаютъ духовныя празднества, на которыхъ присутствующимъ бываетъ весьма много пользы? Ибо тамъ рѣшеніе приточныхъ гаданій, объясненіе апостольскихъ ученій, изложеніе евангельскихъ мыслей, преподаваніе Богословія, свиданіе съ духовными братіями, которые зрѣніемъ лица ихъ доставляютъ великую пользу встрѣчающимся съ ними. А ты сдѣлалъ себя чуждымъ столь многихъ благъ, и сидишь здѣсь, одичавъ наравнѣ съ звѣрями. Ибо видишь здѣсь великое запустѣніе, не малую угрюмость, недостатокъ ученія, отчужденіе отъ братіи, и духъ великаго нерадѣнія о заповѣди Божіей“. Итакъ, когда возставшая въ тебѣ лукавая мысль хочетъ совратить тебя многими подобными симъ благовидными предлогами, тогда въ благочестивомъ помыслѣ про-

тивоположи ей дѣйствительный опытъ, говоря: „поелику говоришь ты мнѣ, что въ мірѣ есть доброе, то я потому и переселился сюда, признавъ себя недостойнымъ того, что есть добраго въ мірѣ; потому что доброе въ мірѣ перемѣшано со зломъ, и злое гораздо превышаетъ собою доброе. И я, бывъ, когда-то на духовныхъ празднествахъ, встрѣтилъ едва одного брата, который, повидимому, боялся Господа, но и тотъ одержимъ былъ діаволомъ, и я услышалъ отъ него пышныя рѣчи и басни, сложенныя на обольщеніе съ нимъ встрѣчающихся; а послѣ него встрѣтилъ я многихъ воровъ хищниковъ, притѣснителей; видѣлъ безобразную наружность упившихся, кровь угнетенныхъ; видѣлъ и красоту женъ, которая подвергала искушенію мое цѣломудріе; и хотя избѣгъ я самаго блуда, однако же осквернилъ дѣвство свое сердечнымъ помышленіемъ. Много, правда, слышалъ я и душеполезныхъ рѣчей; впрочемъ, ни въ одномъ изъ учителей не нашелъ добродѣтели, соотвѣтствующей рѣчамъ. А послѣ этого услышалъ еще тысячи плачевныхъ разсказовъ, которые своими изнѣженными звуками вторглись въ душу. Еще слышалъ пріятно звучащія гусли, рукоплесканія скачущихъ, голосъ смѣхотворовъ, слышалъ много глупостей и шутокъ, крикъ безчисленнаго многолюдства; видѣлъ слезы оскорбленныхъ, мученіе отводимыхъ въ неволю, рыданіе подвергаемыхъ пыткѣ. Все это видѣлъ я: и не духовное тутъ было собраніе, но море, обуреваемое и возмущаемое вѣтрами, которое стремилось всѣхъ за одинъ разъ покрыть своими волнами. Скажи мнѣ, злая мысль, скажи и ты, демонъ кратковременнаго сладострастія и тщеславія, какая польза видѣть и слышать сіе мнѣ, который не въ силахъ помочь обиженнымъ, не имѣю возможности защитить безсильныхъ, исправить погрѣшившихъ, а скорѣе могу погубить самъ себя? Какъ малое количество чистой воды исчезаетъ при сильномъ возвѣваніи вѣтра и пыли: такъ и то, что, по мнѣнію нашему, сдѣлаемъ въ мірѣ добраго, помрачается множествомъ худыхъ дѣлъ. Ибо печальныя событія, какъ острія, вонзаются въ сердце живущимъ въ мірѣ среди благодушія и радости, чтобы омрачить чистоту псалмопѣнія. Рыданіе и плачъ обиженныхъ единоплеменными раздаются для того, чтобъ видно было терпѣніе бѣдныхъ. Какая же для меня польза, кромѣ явнаго вреда душѣ? Посему какъ птица переселяюсь въ горы. Ибо „яко птица избавихся отъ сѣти ловящихъ“ (Пс. 123, 7). И я, о злая мысль! Живу въ той же пустынѣ, въ которой пребывалъ Господь. Здѣсь дубъ мамврійскій, здѣсь лѣствица, возводящая на небо, и полки Ангеловъ, видѣнные Іаковымъ. Здѣсь пустыня, въ которой народъ, очистившись, получилъ законъ, и такимъ образомъ вошедши въ землю обѣтованія, увидѣлъ Бога. Здѣсь гора Кармилъ, на которой водворяясь, Илія благоугодилъ Богу. Здѣсь равнина, на которую удалившись, Ездра, по Божію повелѣнію, отрыгнулъ всѣ богодухновенныя книги. Здѣсь пустыня, въ

которой блаженный Іоаннъ, питаясь акридами; проповѣдалъ людямъ покаяніе. Здѣсь гора Масличная, на которую восходя Христосъ молился, поучая насъ молиться. Здѣсь Христосъ—любитель пустыни. Ибо говоритъ: „идѣже два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ (Матѳ. 18, 20). Здѣсь тѣсный и узкій путь, ведущій въ жизнь. Здѣсь учители и Пророки, скитающіеся „въ пустыняхъ, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ“ (Евр. 11, 38). Здѣсь Апостолы и Евангелисты, и житіе монаховъ, не имѣющее для себя града. Сіе-то добровольно принялъ я, чтобы получить обѣщанное Христовымъ мученикамъ и всѣмъ прочимъ святымъ, чтобы не лживо сказать мнѣ: „за словеса устенъ Твоихъ азъ сохранихъ пути жестоки“ (Псал. 16, 14). Ибо знаю боголюбца Авраама, внявшаго гласу Божію и переселившагося въ пустыню, и Исаака притѣсняемаго, и патріарха Іакова странствующаго, цѣломудреннаго Іосифа проданнаго, трехъ отроковъ, изобрѣтателей воздержанія, борющихся съ огнемъ, Даніила ввереннаго въ ровъ львиный, небоязненно вѣщающаго Іеремію, осужденнаго въ ровъ тинный, зрителя таинъ Исаію, претреннаго пилою, Израиля отводимаго въ плѣнъ, обличителя прелюбодѣянія Іоанна, посѣкаемаго мечемъ, Христовыхъ мучениковъ умерщвляемыхъ. И къ чему мнѣ длить рѣчь? Гдѣ и самъ Спаситель распятъ за насъ, чтобы смертію Своею оживотворить насъ и всѣхъ поощрить и привлечь къ терпѣнію? Къ Нему поспѣшаю, и ко Отцу, и къ Духу Святому. Для того подвизаюсь, чтобы оказаться Его пріискреннимъ, признавъ себя недостойнымъ того, что есть добраго въ мірѣ. Впрочемъ, не я для міра, но міръ для меня“.

Сіе-то помышляя самъ въ себѣ, и ревностно совершая, по сказанному тебѣ, подвизайся за истину даже до смерти. Ибо и Христосъ послушливъ былъ даже до смерти. Но и Апостолъ говоритъ: „блюдите, да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво, во еже отступити отъ Бога жива!“ Но утѣшайте другъ друга, и во единомъ назидайте, „дондеже, днесь, нарицается“ (Евр. 3, 12, 13). Ибо словомъ „днесь“ означается цѣлое продолженіе жизни нашей. Такъ живя, братъ, и себя спасешь, и насъ возвеселишь, и Бога прославишь, во вѣки вѣковъ. Аминь.

40. Увѣщаніе новопоступившимъ (43).

Кратко излагаетъ отшельникамъ евангельскія заповѣди.

Учися, монашествующій, человѣкъ вѣрный и дѣлатель благочестія; научайся евангельскому житію, порабощенію тѣла, смиренному образу мыслей, чистотѣ помышленія, искорененію въ себѣ гнѣва. Подвергаемый взысканію, прибавь ради Господа; лишаемый, не судись: ненавидимый, люби; гонимый, терпи; хулимый, молись. Будь мертвъ грѣху, распнись

для Бога. Все попеченіе возложи на Господа, чтобы имѣть себѣ мѣст тамъ, гдѣ тьмы Ангеловъ, торжества первородныхъ, престолы Апостоловъ, предсѣдательство Пророковъ, скиптры патріарховъ, вѣнцы мучениковъ, похвалы праведныхъ. Возжелай причисленія своего къ онымъ праведникамъ, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ, Аминь.

41. Къ падшему монаху (44).

Изображая падшему монаху сперва тяжесть грѣха, потомъ Божіе милосердіе, приглашает его къ себѣ.

Не привѣтствую словомъ: радуйся; потому что „нѣсть радоватися нечестивымъ“ (Иса. 48, 22). Все еще остаюсь при своемъ невѣріи, и на сердце мнѣ не приходятъ такая несообразность и великій замыслъ, тобою исполненный, хотя это дѣйствительная правда, какъ извѣстно уже всякому. Дивлюсь, какимъ образомъ поглощено столько мудрости, въ ничто обращена такая строгость жизни, откуда проистекала такая слѣпота, какъ вовсе ни о чемъ не помысливъ, произвелъ ты такую гибель столь многихъ душъ.

Ибо, если справедливо сіе, то и душу свою предалъ ты бездні и довелъ до разслабленія всѣхъ слышавшихъ это нечестіе. Ты отвергся вѣры, оставилъ неконченнымъ добрый подвигъ. Поэтому скорблю о тебѣ. И какой іерей не восплачетъ, слыша это? Какой служитель Церкви не опечалится? Какой міранинъ не сѣтуетъ? Какой подвижникъ не проливаетъ слезъ? Вѣроятно, и солнце затмѣвалось при твоемъ паденіи, и силы небесныя приходили въ колебаніе при твоей погибели. И безчувственные камни лили слезы о твоемъ безуміи, и враги ощущали жалость по чрезмѣрности твоего беззаконія. Какое великое ослѣпленіе! Какая ужасная жестокость! Ни Бога не убоялся ты, ни людей не уважилъ, ни друзей не постыдился; но все вдругъ подверглось у тебя крушенію, всего вдругъ сталъ ты лишенъ. Потому снова скорблю о тебѣ, несчастный. Ты, который всѣмъ возвѣщалъ силу царствія, самъ лишилъ себя царствія. Ты, который всѣмъ внушалъ страхъ ученія, самъ не имѣлъ страха Божія предъ очами своими. Ты, который проповѣдывалъ святыню, самъ оказался мерзкимъ. Ты, который хвалился нестяжательностію, самъ уличенъ в хищеніи денегъ. Ты, который своими разсужденіями наводилъ на мысль о наказаніи отъ Бога, самъ предуготовилъ себѣ наказаніе. Какъ оплачу тебя? Какъ возскорблю о тебѣ? „Како спаде денница восходящая заутра и сокрушися на земли (Иса. 14, 12)? „Всякому слышащему пошумит во обоихъ ушесѣхъ“ (1 Цар. 3, 11).—Какъ Назорей, сіявшій паче зо лота, очернился паче сажи? Какъ досточестный сынъ Сіона содѣлался сосудомъ безполезнымъ? Въ комъ всѣ дивились памятованію Божествен

ныхъ Писаній, того память погибла съ шумомъ! Отличавшійся быстротою разумъ погибъ такъ мгновенно! Человѣкъ съ умомъ обширнымъ учинилъ такой многосложный грѣхъ! Пользовавшіеся твоимъ ученіемъ понесли вредъ отъ твоей погибели. Склонявшіе слухъ къ твоей бесѣдѣ заградили себѣ уши, слыша о твоей погибели. А я плачу, сѣтую, весь изнемогаю; ѣмъ пепелъ какъ хлѣбъ, и набросивъ вретище на рану свою, слагаю тебѣ такія похвалы, лучше же сказать, сочиняя надгробную рѣчь, остаюсь безутѣшнымъ и неврачуемымъ; потому что сокрылось отъ очей моихъ утѣшеніе; „нѣсть пластыря приложити, ниже елея, ниже обязанія“ (Иса. 1, 7), такъ болѣзненна рана моя! Чѣмъ исцѣлюсь?

Поэтому, если остается еще тебѣ какая надежда спасенія, ежели есть въ тебѣ малое какое-нибудь памятованіе о Богѣ, и какое-либо желаніе будущихъ благъ, и какой ни есть страхъ наказаній, соблюдаемыхъ нераскаяннымъ; то отрезвись скорѣе, возведи очи свои на небо, прійди въ чувство, отстань отъ лукавства своего, отряси опьянѣніе, въ которомъ ты теперь, воспротивься тому, кто довелъ тебя до паденія. Укрѣпись, чтобы встать съ земли.

Вспомни добраго Пастыря, Который, идя за тобою въ слѣдъ, отниметъ тебя, хотя бы оставались только „двѣ голени или обушіе уха“ (Амос. 3, 12). Отскочи отъ нанесшаго тебѣ рану. Вспомни щедроты Бога, Который врачуетъ елеемъ и виномъ. Не теряй надежды спасенія. Приведи себѣ на память написанное, что „падаяй востаетъ“, и „отвращаяйся обращается“ (Іер. 8, 4), пораженный врачуется, уловленный звѣрями спасается, исповѣдающійся не бываетъ отринутъ; потому что Господь „не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и жити ему“ (Іезек. 18, 32). Не предавайся нерадѣнію, какъ впадшій „во глубину золъ“ (Притч. 18, 3). Теперь время отсрочки, время долготерпѣнія, время цѣленія, время исправленія. Поползнулся ты?—востань. Грѣшилъ ты?—перестань, не стой на пути грѣшныхъ, но бѣги отъ него прочь. Когда обратившись возстанешь, тогда спасешься; потому что здравіе пріобрѣтается трудами, спасеніе—потомъ. Поэтому смотря, желая соблюсти договоры съ иными, не нарушь договоровъ съ Богомъ, заключенныхъ тобою при многихъ свидѣтеляхъ.

Итакъ, не замедли, по какимъ-нибудь человѣческимъ разсчетамъ, прійди ко мнѣ; потому что, возвративъ себѣ мертвеца своего, я буду плакать, буду ухаживать, буду горько рыдать о сокрушеніи дщери рода моего. Всѣ тебя пріймутъ; всѣ потрудятся съ тобою. Не теряй бодрости; воспомяни дни древніе. Возможно спасеніе; возможно исправленіе. Дерзай, не отчаявайся. Нѣтъ закона, осуждающаго на смерть безъ милосердія; но есть благодать, отлагающая наказаніе, ожидающая исправленія. Двери еще не заперты: Женихъ слышитъ: грѣхъ еще не господствуетъ.

Возобнови борьбу; не медли, будь милосердъ самъ къ себѣ и ко всѣмъ намъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава и нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

42. Къ падшему монаху (45).

Нѣкто, отказавшись отъ большаго имѣнія, вступилъ въ монашество, но послѣ весьма благочестивой жизни впалъ въ блудъ и въ другія беззаконія. Св. Василій, жившій нѣкогда съ нимъ въ Іерусалимѣ, показываетъ ему великость грѣха и соблазна, потомъ, обнадеживъ Божіимъ милосердіемъ, призываетъ къ подвигу, примѣромъ Іудеевъ и язычниковъ, приводимыхъ къ богочестію.

Мысль о тебѣ пронзаетъ нѣдра моего сердца двоякимъ страхомъ. Или какое-то предварительное состояніе несострадательности ввергаетъ меня въ виду человѣконенавидѣнія: или опять, когда хочу быть сострадательнымъ и смягчиться къ проступкамъ, производитъ оно во мнѣ не добрую перемѣну. Посему, и намѣреваясь писать это письмо, хотя при помощи разсудка утвердилъ я цѣпенѣющую руку, однако же не возмогъ измѣнить лица, встревоженнаго печалію о тебѣ, и до того стыжусь за тебя, что уста тотчасъ сжимаются, обращаясь къ плачу. Увы, мнѣ! о чемъ буду писать или разсуждать, оставленный на распутіи? Если привожу себѣ на память первоначальное твое суетное поведеніе, когда окружали тебя богатство и эта по землѣ пресмыкающаяся слава; то прихожу въ ужасъ. Когда сопровождали тебя и множество льстецовъ и кратковременное наслажденіе роскоши съ явною опасностію и неправедными прибытками; и съ одной стороны опасеніе начальства разсѣвало мысли твои о спасеніи, а съ другой народныя волненія приводили въ смятеніе домъ твой, и непрерывность бѣдствій невольно обращала мысль къ тому, кто силенъ помочь тебѣ; когда по немногу началъ ты помышлять о Спасителѣ, Который какъ поражаетъ тебя страхомъ къ твоей же пользѣ, такъ избавляетъ и покрываетъ тебя, хотя и посмѣваешься надъ Нимъ во время безопасности; когда началъ ты упражняться въ пріобрѣтеніи честныхъ нравовъ, съ презрѣніемъ взирая на многобѣдственное свое богатство, отрекаясь отъ заботъ о домѣ и отъ сожитія съ супругою; всецѣло же воспаривъ въ высоту, какъ странникъ и скиталецъ, проходя селенія и города, пришелъ въ Іерусалимъ, гдѣ и я жилъ съ тобою, ублажая подвижническіе труды; когда, проводя цѣлыя седмицы въ постѣ для Бога, пріучалъ ты себя къ любомудрію, какъ бы бѣгствомъ спасаясь отъ обращенія съ людьми, а вмѣстѣ приспособляя къ себѣ безмолвіе и уединеніе, уклоняясь отъ общественныхъ мятежей, грубымъ вретищемъ покрывая тѣло свое, и жестокимъ поясомъ стягивая чресла свои, терпѣливо сокрушалъ свои кости; отъ невкушенія пищи опустѣвшія внутренности довелъ до того, что при-

жались онѣ къ хребтовымъ частямъ, и хотя отрекся отъ нѣжной перевязи, однако же желудокъ, сжавшійся на подобіе тыквы, заставилъ прильнуть къ почкамъ, и истощивъ весь тукъ плоти, мужественно изсушивъ всѣ пути въ нижнихъ частяхъ тѣла, частымъ пребываніемъ безъ пищи заключивъ чрево, сдѣлалъ, что ребра, на подобіе выдавшейся крыши, затѣняли собою поверхность чрева, и при изнуреніи всего тѣлеснаго состава, въ часы нощные исповѣдуясь Богу, потоками слезъ умягчалъ орошаемую браду... И къ чему мнѣ описывать все сіе въ подробности? Вспомни, сколько устъ святыхъ привлекъ ты къ своему лобзанію, сколькихъ освященныхъ тѣлъ касался объятіями, сколько многіе сжимали твои руки какъ нескверныя, сколько было рабовъ Божіихъ, которые, какъ поклонники, притекали, чтобы припасть къ твоимъ колѣнамъ?

И какой же конецъ всего этого? Молва, обвиняющая въ любодѣяніи, пролетая скорѣе стрѣлы, уязвляетъ нашъ слухъ, еще болѣе острымъ жаломъ терзая нашу внутренность. Какое неистощимое ухищреніе обаятеля довело тебя до сего пагубнаго паденія? Какія хитросплетенныя сѣти діавола, опутавъ тебя, содѣлали недѣйствительными внушеніями добродѣтели? Къ чему теперь послужатъ разсказы о твоихъ трудахъ? Или не должно вѣрить и сему? И какъ же не дать вѣры сокрытому до времени на основаніи того, что видимо ясно, если обязывалъ ты страшными клятвами души, притекающія къ Богу, когда прямо приписывается діаволу все, что болѣе „ей“ и „ни“ (Матѳ. 5, 37)? Поэтому ты и подвергъ себя отвѣтственности въ гибельномъ клятвопреступничествѣ, и вмѣстѣ унизилъ характеръ подвижничества, нанесъ безчестіе Апостоламъ и самому Господу; постыдилъ похваленіе чистоты, осмѣялъ обѣтъ цѣломудрія. Предметомъ печальной повѣсти стали мы для плѣнниковъ; у Іудеевъ и Эллиновъ представляютъ насъ на зрѣлищахъ. Въ мысляхъ монаховъ произвелъ ты раздѣленіе; болѣе строгихъ привелъ въ страхъ и робость, заставилъ дивиться еще силѣ діавола; а въ равнодушныхъ поселилъ страсть къ невоздержанію. Ты, съ своей стороны, обратилъ въ ничто даже похваленіе Христа, Который говоритъ: „дерзайте, Азъ побѣдихъ міръ“ (Іоан. 16, 33) и князя міра. Растворилъ для отечества чашу безславія; привелъ въ исполненіе сказанное въ Притчахъ: „яко елень уязвленъ стрѣлою въ ятра“ (Притч. 7, 23).

Но что же теперь, братъ? Не палъ еще столпъ крѣпости, не опорочены врачевства обращенія, не запертъ градъ убѣжища. Не оставайся во глубинѣ волъ; не отдавай себя человѣкоубійцѣ. Господь знаетъ, какъ возставлять сокрушенныхъ. Не бѣги далеко, но притеки къ намъ. Воспріими опять на себя юношескіе труды; новыми добрыми дѣлами истреби въ себѣ пресмыкающееся по землѣ и грязное сластолюбіе. Возведи взоръ на день скончанія, столько уже приблизившійся къ жизни нашей, и ура-

зумѣй, что, наконецъ, Іудеи и язычники приводятся къ богочестію, и не вовсе отрицайся отъ Спасителя міра. Да не постигнетъ тебя этотъ самый ужасный приговоръ: „не вѣмъ васъ, откуду есте“ (Лук. 13, 27).

43. Къ падшей дѣвѣ (64).

Сильно укоряетъ падшую дѣву, доказываетъ обязательность даннаго и нарушеннаго ею обѣта хранить свое дѣвство, изъявляетъ свою печаль о томъ, что, оставивъ жениха Христа, предалась она растлителю; наконецъ страхомъ смерти, суда и вѣчнаго наказанія, а также надеждою на Божіе милосердіе, старается расположить ее къ покаянію.

Теперь время возгласить оное пророческое слово и сказать: „кто дастъ главѣ моей воду, и очесемъ моимъ источникъ слезъ; и плачуся о убіенныхъ дщере людей моихъ“ (Іер. 9, 1)? Хотя объемлетъ ихъ глубокое молчаніе, хотя однажды навсегда подавлены они бѣдствіемъ, и смертоноснымъ ударомъ отнято уже у нихъ самое ощущеніе страданія; однако же намъ не должно оставлять безъ слезъ такого пораженія. А если Іеремія призналъ достойными тысячекратнаго оплакиванія тѣхъ, которые тѣлесно поражены на брани; что должно сказать о такомъ бѣдствіи душъ? „Уязвленніи твои“, сказано, „не мечьми уязвлени, ниже мертвецы твои умерщвлени ратію“ (Иса. 22, 2). Напротивъ того, оплакиваю жало истинной смерти—тяжкій грѣхъ и разжженныя стрѣлы лукаваго, которыя немилосердо пожигаютъ вмѣстѣ съ тѣлами и души.

Видя на землѣ такое преступленіе, безъ сомнѣнія, громко будутъ жаловаться Божіи законы, которые всегда воспрещаютъ и вопіютъ, какъ въ древности: „не пожелай жены ближняго твоего“ (Второз. 5. 21), такъ и въ священныхъ евангеліяхъ: „яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея; уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ“ (Матѳ. 5, 28); теперь же видятъ, что безстыдно любодѣйствуетъ сама невѣста Владыки, у которой глава—Христосъ. Будутъ жаловаться и самые духи святыхъ, и Финеесъ ревнитель, что нынѣ не возможно ему, взявъ „сулицу“ въ руки, наказать преступленіе тѣлесно, и Іоаннъ Креститель, что не можетъ, оставивъ горнія обители, какъ тогда пустыню, прійдти для обличенія беззаконія, и если нужно пострадать, то скорѣе лишиться главы, нежели отказаться отъ дерзновенія. А можетъ быть, Іоаннъ (если онъ, подобно блаженному Авелю, и умершій глаголетъ еще намъ) и нынѣ вопіетъ и громче взываетъ, нежели тогда объ Иродіадѣ: „недостоинъ ти имѣти ея“ (Матѳ. 14, 4). Ибо, хотя тѣло Іоанново, по необходимому требованію естества, подчинилось Божественному опредѣленію и языкъ Іоанновъ молчитъ; однако же „слово Божіе не вяжется“ (2 Тим. 2, 9). Кто даже до смерти простеръ свое дерзновеніе, когда уничтожаемъ былъ бракъ подобнаго ему раба, тотъ потерпитъ ли, видя такое поруганіе святаго Господня брачнаго чертога?

Но ты, которая свергла съ себя иго онаго Божественнаго союза, бѣжала изъ пречистаго брачнаго чертога истиннаго Царя, и гнусно впала въ это безчестное и нечестивое растлѣніе, поелику уже не можешь избѣгнуть сего горькаго обвиненія, и нѣтъ у тебя ни средства, ни возможности сокрыть зло, предаешься теперь дерзости. И какъ „нечистивый“, впавъ „во глубину золъ, нерадитъ“ (Притч. 18, 2) уже, такъ и ты отрицаешься отъ самыхъ условій съ истиннымъ Женихомъ, и вопіешь, что ты не дѣва, и никогда не обѣщалась быть дѣвою, хотя приняла многія условія дѣвства, а многія показала на дѣлѣ.

Приведи себѣ на память прекрасное исповѣданіе, какое произнесла ты предъ Богомъ, Ангелами и человѣками. Приведи себѣ на память почтенный соборъ, священный ликъ дѣвъ, сонмъ Господень и святыхъ Церкви, и престарѣлую о Христѣ бабку свою, которая юнѣетъ и цвѣтетъ еще добродѣтелію, и матерь, которая соревнуетъ ей о Господѣ, и усильно старается какими-то новыми и необычайными трудами истребить въ себѣ слѣды навыка, а также и сестру, которая равно подражаетъ обѣимъ, а въ иномъ усиливается и превзойдти ихъ, и дѣвственными преимуществами превышаетъ заслуги предковъ, а тебя, сестру свою, какъ доселѣ почитала она тебя, и словомъ и дѣломъ неутомимо призываетъ къ равному подвигу. Приведи себѣ на память ихъ, и съ ними Ангельскій ликъ окрестъ Бога, и духовную жизнь во плоти, и небесное жительство на землѣ. Приведи себѣ на память безмятежные дни, озаренныя свѣтомъ ночи, духовныя пѣсни, благозвучное псалмопѣніе, святыя молитвы, чистое и нескверное ложе, дѣвственное преспѣяніе, воздержную трапезу, прекрасно обѣщающую, что дѣва твоя сохранена будетъ нерастлѣнною.

Гдѣ же твоя степенная наружность, гдѣ благопристойный нравъ, и простая одежда, приличная дѣвѣ, прекрасный румянецъ стыда, и благолѣпная блѣдность, цвѣтущая отъ воздержанія и бдѣнія, и сіяющая пріятнѣе всякой добродѣтности? Сколько разъ, въ молитвахъ о сохраненіи дѣвства твоего не оскверненнымъ, проливала ты, можетъ быть, слезы. Сколько писемъ писала къ святымъ, и въ нихъ просила молиться за тебя не о томъ, чтобы тебѣ вступить въ человѣческій бракъ, лучше же сказать, впасть въ это безчестное растлѣніе, но о томъ, чтобы не отпасть отъ Господа Іисуса! Сколько даровъ получила ты отъ Жениха! Говорить ли о тѣхъ почестяхъ, какія ради Его воздавались тебѣ друзьями Его! Говорить ли о сожитіи съ дѣвами, и преспѣяніяхъ съ ними, о привѣтливости къ тебѣ дѣвъ, о похвалахъ за дѣвство, о дѣвственныхъ благословеніяхъ, о письмахъ, писанныхъ къ тебѣ, какъ къ дѣвѣ?

Но теперь, при маломъ возвѣяніи воздушнаго духа, дѣйствующаго нынѣ „въ сынѣхъ противленія“ (Ефес. 2, 2), отреклась ты отъ всего этого; драгоцѣнное свое достояніе, стоившее всѣхъ усилій, промѣняла на

непродолжительное удовольствіе, которое на время услаждаетъ твою гортань, а въ послѣдствіи окажется болѣе горькимъ, чѣмъ желчь. Кто при этомъ не скажетъ плачевно: „како бысть блудница градъ вѣрный Сіонъ“ (Иса. 1, 21)?

Самъ Господь не возглаголетъ ли къ кому либо изъ ходящихъ нынѣ, въ духѣ Іереміиномъ: „видишь ли, „яже сотвори“ Мнѣ „дѣва Израилева“ (Іер. 18, 13)? Я обручилъ ее Себѣ „въ вѣрѣ“ и въ нетлѣніи, „въ правдѣ и въ судѣ, и въ милости, и въ щедротахъ“, какъ обѣщалъ ей и чрезъ пророка Осію (Ос. 2, 19. 20). Но она возлюбила чужихъ, и хотя живъ Я—мужъ ея, именуется любодѣйцею, и не боится принадлежать мужу иному“.

Что жъ невѣстоводитель, божественный и блаженный Павелъ, какъ оный древній, такъ и сей новый, при посредствѣ и наставленіи котораго, оставивъ отеческій домъ, вступила ты въ союзъ съ Господомъ? Тотъ и другой, встревоженные такимъ бѣдствіемъ, не скажутъ ли: „страхъ бо, егоже ужасахся, пріиде ми, и егоже бояхся, срѣте мя“ (Іов. 3, 25); „обручихъ бо“ тя „единому мужу, дѣву чисту представити Христови“; и всегда боялся, „да не кого, яко же змій прельсти Еву лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы твоя“ (2 Кор. 11, 2. 3). Поэтому непрестанно старался и тысячами разныхъ сладкопѣній усмирять въ тебѣ мятежъ страстей, и тысячами разныхъ попеченій охранять невѣсту Господню, и всегда описывалъ тебѣ жизнь непосягшей, что „непосягшая печется о Господнихъ“ (1 Кор. 7, 34), чтобы ты была святая и тѣломъ, и духомъ, и изображалъ тебѣ достоинство дѣвства, и именуя тебя храмомъ Божіимъ, какъ бы придавалъ крылья усердію, восторгая тебя къ Іисусу; помогалъ и страхомъ бѣдствія, чтобы ты не пала, говоря: „аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ“ (1 Кор. 3, 17); присовокупилъ къ сему и то, что ограждалъ тебя молитвами, „да всесовершенно твое тѣло и душа, и духъ непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа сохранится“ (1 Сол. 5, 23). Но всѣмъ этимъ утомлялъ себя напрасно, и горекъ вышелъ у меня конецъ сладостныхъ трудовъ, для тебя понесенныхъ. Снова надобно воздыхать, о комъ надлежало радоваться; потому что вотъ обольщена ты зміемъ злѣе, нежели Ева. Не только помышленія твои растлѣны, но растлѣно съ ними и тѣло; и что ужасно, чего не желалъ бы выговорить, о чемъ не могу и умолчать (потому что „огнь горящъ и палящъ въ костяхъ моихъ, и разслабѣхъ отвсюду, и не могу носити“ (Іер. 20, 9), „вземъ уды Христовы“, сотворила ты „уды блудничи“ (1 Кор. 6, 15). Это — одно изъ золъ не сравнимое съ прочими, это новая дерзость въ мірѣ! Ибо сказано: „пріидите во островы Хеттимъ, и видите, и въ Кидаръ послите, и разсмотрите прилежно, аще сотворена бысть таковая: аще премѣниша языцы боги своя, и тіи не суть бози“

(Іер. 2, 10. 11)? Но дѣва измѣнила славу свою, и слава ея въ студѣ. „Ужасеся небо о семъ, и вострепета земля по премногу зѣло“ (12). И теперь глаголетъ Господь, что „два зла“ сотворила дѣва, „Мене оставила“ истиннаго святаго Жениха святыхъ душъ, и прибѣгла къ нечестивому и беззаконному растлителю вмѣстѣ души и тѣла; отступила отъ Бога Спасителя своего, и представила „уды“ своя „рабы нечистотѣ и беззаконію (Римл. 6, 13), а Мене забы, и хождаше въ слѣдъ похотника своего“ (Ос. 2, 13), который ей не поможетъ.

„Унѣе ему было бы, аще жерновъ осельскій облежалъ о выи его, и вверженъ въ море, неже да соблазнитъ“ кто дѣву Господню (Лук. 17, 2). Кичливый рабъ доходитъ до такого неистовства, что вторгается на Владычнее ложе! Подобно какому-то разбойнику впадаетъ въ такое безуміе, что касается даже принесеннаго въ даръ Богу, и не сосудовъ бездушныхъ, но живыхъ тѣлъ, въ которыхъ обитаетъ душа, сотворенная по образу Божію! Слыхано ли когда отъ вѣка, чтобы среди города въ ясный полдень осмѣлился кто на царскомъ изображеніи писать нечистыхъ свиней? „Отвергся“ ли „кто“ человѣческаго брака, „безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый“ и Ему обѣщавшуюся невѣсту растливший и духа дѣвства „укоривый“ (Евр. 10, 28. 29. Второз. 17, 5)?

Но скажешь: „она пожелала; я не дѣлалъ ей принужденія противъ воли.“ И похотливая госпожа, эта Египтянка, сама воспылала страстью къ прекрасному Іосифу, но неистовая страсть невоздержной не побѣдила добродѣтели цѣломудреннаго, и хотя насильственно удерживала его руками, однако же онъ не былъ принужденъ къ беззаконію.

Но „она сама, говоришь ты, рѣшилась на это, и уже не была дѣвою: если бы я не согласился, была бы растлѣна другимъ“. Сказано, что и Сыну человѣческому надлежало быть преданну, но „горе человѣку тому, имже“ преданъ (Марк. 14, 21); сказано, что и „соблазномъ пріити нужда: обаче горе, имже приходитъ“ (Матѳ. 18, 7). Сверхъ того, „еда падаяй не востаетъ? или отвращаяйся не обратится“ (Іерем. 8, 4?)

Для чего дѣва отвратилась безстыдно, хотя слышала, что Женихъ Христосъ говоритъ чрезъ Іеремію: „и рекохъ, повнегда любодѣйствовати ей во всѣхъ сихъ, ко Мнѣ обратися, и не обратися“ (Іер. 2, 7). „Или ритины нѣсть въ Галаадѣ? или врача нѣсть тамо? Чесо ради нѣсть исцѣлена дщерь людей Моихъ“ (8, 22)? И въ божественномъ Писаніи найдешь много пособій отъ сего зла, много врачевствъ спасающихъ отъ гибели;—таковы тайны касательно смерти и воскресенія, таковы словеса о страшномъ судѣ и вѣчномъ мученіи, ученія о покаяніи и отпущеніи грѣховъ, тысячекратные оные примѣры обращенія, драхма, овца и сынъ, который поглотилъ свое мнѣніе съ блудницами, „изгибълъ бѣ, и обрѣтеся,

мертвъ бѣ, и“ снова „оживе“. Воспользуемся сими пособіями отъ зла, исцѣлимъ ими душу свою.

Займись же размышленіемъ о послѣднемъ днѣ (ибо, безъ сомнѣнія, не будешь ты одна жить вѣчно); представь себѣ смятеніе, сокращеніе дыханія и часъ смертный, приближающійся Божій приговоръ, послѣшающихъ Ангеловъ, душу, въ страшномъ при этомъ смущеніи, немилосердно мучимую грѣшною совѣстію, обращающую жалостные взоры на тамошнее, наконецъ неотвратимую необходимость дальняго онаго преселенія.

Напиши въ мысли своей окончательный переворотъ въ общемъ житіи, когда Сынъ Божій прійдетъ во славѣ Своей со Ангелами Своими. Ибо „пріидетъ, и не премолчитъ“ (Псал. 49, 3); когда прійдетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и воздать каждому по дѣламъ его, когда оная труба, прозвучавъ нѣчто великое и страшное, возбудитъ уснувшихъ отъ вѣка, „и изъидутъ, сотворшіи благая, въ воскрешеніи живота, а сотворшіи злая, въ воскрешеніе суда“ (Іоан. 5, 29). Приведи себѣ на память видѣніе Даніила, какъ изводитъ онъ судъ предъ взоры наши. „Зряхъ“, говоритъ, „дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде, и одежда Его бѣла, аки снѣгъ, и власы главы Его аки волна чиста, колеса Его огнь палящъ. Рѣка огненная течаше исходящи предъ Нимъ: тысяща тысящъ служаху Ему, и тмы темъ предстояху Ему: судище сѣде, и книги отверзошася“ (Дан. 7, 9. 10). Доброе, худое, явное, тайное, дѣла, слова, помышленія все вдругъ ясно открывается во услышаніе всѣмъ, Ангеламъ и человѣкамъ. Въ какомъ же положеніи необходимо будутъ при этомъ жившіе худо? Гдѣ скроется душа, которая вдругъ предъ взорами столькихъ зрителей является исполненною срама? Каково будетъ состояніе тѣла у подвергшагося этимъ нескончаемымъ и нестерпимымъ мученіямъ тамъ, гдѣ огонь неугасимый, червь безсмертно мучительствующій, темное и ужасное дно адово, горькое рыданіе, необычайные вопли, плачъ и скрежетъ зубовъ, и нѣтъ конца страданіямъ? Отъ всего этого нѣтъ избавленія по смерти, нѣтъ ни способовъ, ни возможности избыть горькихъ мученій.

Можно избѣжать сего нынѣ. Пока есть возможность, возставимъ себя отъ паденія; и не будемъ отчаяваться въ себѣ, если исправимся отъ худыхъ дѣлъ. Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ грѣшныхъ спасти. „Пріидите поклонимся и припадемъ Ему, и восплачемся предъ“ Нимъ (Псал. 94, 6). Зовущее насъ къ покаянію Слово вопіетъ и взываетъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Матѳ. 11, 28). Итакъ есть путь спасенія, если желаемъ. „Пожре смерть возмогши“, но твердо знай, что „паки отъятъ Богъ всякую слезу отъ всякаго лица“ кающихся (Ис. 25, 8). „Вѣренъ Господь во всѣхъ

словесѣхъ Своихъ“ (Псал. 144, 13). Не лжетъ, когда говоритъ: „аще же будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю“ (Ис. 1, 18). Готовъ исцѣлить немощь твою великій Врачъ душъ, сей готовый Освободитель не одной твоей души, но и всѣхъ душъ порабощенныхъ грѣху. Его это слова, Его сладостныя и спасительныя уста изрекли: „не требуютъ здравіи врача, но болящіи. Не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе“ (Матѳ. 9, 12. 13). Какое же извиненіе у тебя или у кого либо другаго, когда Онъ вопіетъ сіе? Господь хочетъ избавить тебя отъ болѣзненной раны, и показать тебѣ свѣтъ изъ тмы. Тебя ищетъ добрый Пастырь, оставивъ незаблудшихъ овецъ. Если отдашься Ему; не замедлитъ, не погнушается Человѣколюбецъ понести тебя на раменахъ Своихъ, радуясь, что нашелъ овцу Свою изгибшую. Отецъ восталъ и ждетъ возвращенія твоего отъ заблужденія. Исправься только, и когда еще будешь далеко, Онъ притечетъ, падетъ на выю твою, и въ дружескія объятія заключитъ тебя, очищенную уже покаяніемъ. И въ „одежду первую“ облечетъ душу, совлекшуюся „ветхаго человѣка съ дѣяньми его“, и возложитъ „перстень“ на руки, смывшія съ себя кровь смерти, и обуетъ ноги, обратившіяся отъ пути злаго на стезю евангельскаго міра и объявитъ день веселія и радости Своимъ, и Ангеламъ и человѣкамъ, и всячески будетъ праздновать твое спасеніе. Аминь „глаголю вамъ“ говоритъ Онъ, „яко радость бываетъ на небеси предъ Богомъ о единомъ грѣшницѣ кающемся“ (Лук. 15, 7). Если кто изъ мнящихся стояти осудитъ, что скоро принята ты; то самъ благій Отецъ въ защищеніе твое скажетъ: „возвеселитися и возрадовати подобаше, яко сія“ дщерь Моя „мертва бѣ, и оживе, и изгибла бѣ, и обрѣтеся“ (32).

ОТДѢЛЪ II.

Письма, писанныя св. Василіемъ въ продолженіе его епископства (отъ 370 до 378 года).

44. Къ Евсевію, епископу Самосатскому (48) [1]).

Жестокостію зимы извиняясь въ томъ, что не писалъ, пересылаетъ письма изъ Антіохіи; извѣщаетъ о возведеніи Димофила на епископскій престолъ въ Константинополѣ и о возстановленномъ тамъ единомысліи; жалуется на несогласіе епископовъ въ Каппадокіи, изъявляетъ общее желаніе своей Церкви видѣть у себя Евсевія съ наступленіемъ весны. (Писано въ началѣ епископства).

Едва удалось мнѣ найдти человѣка, который доставилъ бы письмо твоему благочестію. Такъ оцѣпенѣли всѣ отъ стужи, что и на нѣсколько

[1]) Письмо у Гарніера 47-е исключено въ семъ изданіи, какъ принадлежащее св. Григорію Богослову и въ переводѣ сихъ послѣднихъ 36-е.

времени не могутъ выглянуть изъ домовъ. Ибо занесены мы такимъ множествомъ снѣга, что уже два мѣсяца погребенные въ самыхъ домахъ живемъ въ сихъ пещерахъ. Поэтому, зная несмѣлый нравъ и неповоротливость Каппадокіянъ, безъ сомнѣнія, извинишь, что не ранѣе послалъ я и довелъ до свѣдѣнія твоей чести о случившемся въ Антіохіи, о чемъ извѣщать тебя, вѣроятно, давно уже знающаго, конечно, то же, что угощать простывшимъ и заплѣснѣвѣлымъ; однако же, не вмѣняя себѣ въ трудъ донести объ извѣстномъ, посылаю къ тебѣ письма, полученныя съ чтецомъ. И объ этомъ довольно.

Константинополь, много уже тому времени, имѣетъ у себя Димофила, какъ разскажутъ и сіи письмоводители, и о чемъ, безъ сомнѣнія, еще прежде было извѣстно твоему преподобію. Всѣ прибывшіе оттуда согласно разглашаютъ о составленномъ будто бы имъ изложеніи правой вѣры и благочестія, также о томъ, что самые разномысленные въ городѣ пришли между собою въ согласіе, и нѣкоторые изъ окрестныхъ епископовъ приняли соединеніе.

А наши ни мало не оказались лучшими нашего чаянія. Ибо послѣ твоего отбытія, пришедши по слѣдамъ твоимъ, много наговорили и надѣлали непріятностей, и, наконецъ, удалились, утвердивъ у насъ раздѣленіе. Поэтому будетъ ли что лучшее, и оставятъ ли они свою злобу, никому неизвѣстно, кромѣ единаго Бога. Таково настоящее положеніе дѣлъ.

Остальная же Церковь, по благодати Божіей, непоколебима и желаетъ видѣть тебя въ нашей Церкви, и вмѣстѣ съ весною обновиться твоимъ благимъ ученіемъ. Мое тѣлесное здоровье ни мало не лучше обыкновеннаго.

45. Къ Аркадію епископу (49).

Благодаритъ за письмо и, изъявляя радость свою о построеніи Аркадіемъ храма Божія, обѣщаетъ прислать для сего храма, если найдетъ, св. мученическія мощи. (Писано въ началѣ епископства).

Возблагодарилъ я Святаго Бога, сподобившись писемъ отъ вашего благоговѣнія, и желаю, какъ себѣ быть достойнымъ той надежды, какую имѣете на меня, такъ и вамъ получить совершенную награду за честь, какую воздаете мнѣ о имени Господа Іисуса Христа.

Весьма обрадовался я, что, принявъ на себя попеченіе свойственное христіанину, воздвигнули вы домъ во славу имени Христова, и дѣйствительно „возлюбили“, по Писанію, „благолѣпіе дому Господня“ (Псал. 25, 8), украсивъ себѣ небесную обитель, уготованную въ упокоеніи любящимъ имя Христово. Если же будемъ имѣть возможность найдти мученическія мощи, то и сами желаемъ содѣйствовать вашему усердію.

Ибо, если въ память вѣчную будетъ праведникъ, то, конечно, и мы содѣлаемся участниками въ доброй памяти, какая будетъ о васъ по дару Святаго.

46. Къ Иннокентію епископу (50).

Благодаритъ сего Иннокентія, что, будучи старѣйшимъ изъ епископовъ, самъ благоволилъ первый писать къ нему. (Писано въ началѣ епископства).

И кому же другому было прилично придать смѣлости робкимъ и пробудить спящихъ, какъ не богочестію нашего Владыки, показавшаго свое во всемъ совершенство тѣмъ, что благоволилъ ты снизойдти и ко мнѣ смиренному, какъ истинный ученикъ Сказавшаго: „Азъ посредѣ васъ есмь“ не яко возлежай, но „яко служай“ (Лук. 22, 27)? Ибо соблаговолилъ самъ ты преподать мнѣ свое духовное веселіе, ободрить душу мою своимъ драгоцѣннымъ письмомъ, и дѣтскую мою простоту какъ бы принять въ объятія своего величія. Посему помолись (прошу этого у твоей доброй души), чтобы быть мнѣ достойнымъ и пріобрѣсти пользу отъ васъ великихъ мужей, и пріять уста и премудрость для дерзновеннаго отвѣта вамъ, водимымъ Духомъ Святымъ. Ибо, слыша, что ты угоденъ Духу и истинно прославляешь Его, приношу великую благодарность за твою твердую и неуклонную любовь къ Богу. Молюсь, чтобы и моя часть была съ истинными поклонниками, въ числѣ которыхъ, какъ увѣренъ, и твое совершенство, о чемъ и прошу Господа,—сего великаго и истиннаго Епископа, наполнившаго чудесами Своими цѣлую вселенную.

47. Къ Воспорію епископу (51).

Опровергаетъ клевету, будто бы предавалъ проклятію епископа кесарійскаго Діанія; сознается въ своей скорби о подписаніи Діаніемъ исповѣданія вѣры, принесеннаго изъ Константинополя Георгіемъ, но свидѣтельствуетъ также, что приступилъ къ общенію съ Діаніемъ, который во время болѣзни своей признался, что при упомянутой выше подписи не отвергалъ онъ исповѣданія Никейскаго. (Писано въ началѣ епископства).

Какую, думаешь, болѣзнь причинилъ душѣ моей слухъ объ этой клеветѣ, разсѣянной противъ меня нѣкоторыми, не боящимися Судіи, Который угрожаетъ всѣмъ „глаголющимъ лжу“ (Псал. 5, 7)?Едва не цѣлую ночь провелъ я безъ сна по причинѣ выраженій, какія употребила любовь твоя: такъ глубоко коснулась печаль моего сердца! Ибо подлинно клевета, по словамъ Соломона, „мужа смиряетъ“ (Притч. 29, 23); и нѣтъ человѣка столько нечувствительнаго, чтобы не пострадалъ душевно и не преклонился до земли, ставъ добычею языка, готоваго говорить ложь. Но необходимо все покрывать, все терпѣть, отмщеніе за себя предоставляя Господу, Который не презритъ насъ; потому что „оклеветаяй убогаго раздражаетъ Сотворшаго и“ (Притч. 14, 31).

Впрочемъ сложившіе эту новую хульную баснь на меня, должно быть, вовсе не вѣрятъ Господу, Который утвердительно сказалъ, что и за праздное слово воздадимъ отвѣтъ въ день суда (Матѳ. 12, 36). Скажи же мнѣ, я предавалъ проклятію блаженнаго Діанія? Ибо вотъ что донесено на меня. Гдѣ и когда? Въ чьемъ присутствіи? Подъ какимъ предлогомъ? Словесно ли только или письменно? Другимъ ли въ этомъ послѣдовалъ, или самъ былъ начинщикомъ и самовольнымъ распорядителемъ въ такой дерзости? Какое безстыдство въ людяхъ—обо всемъ говорить такъ легко! Какое презрѣніе судовъ Божіихъ! Развѣ къ выдумкѣ своей прибавятъ еще, что бывалъ я когда-нибудь не въ своемъ умѣ, и не понималъ собственныхъ словъ своихъ: потому что, сколько знаю, владѣя своимъ разсудкомъ, не сдѣлалъ я ничего подобнаго, да и съ начала не держалъ того въ мысли. Напротивъ того, гораздо болѣе сознаю въ себѣ, что съ первыхъ лѣтъ жизни воспитывался я въ любви къ Діанію, и взирая на сего мужа, видѣлъ только, какъ онъ почтенъ, какъ величественъ, сколько имѣетъ въ лицѣ священнолѣпія. А когда раскрылся во мнѣ уже разумъ, тогда узналъ я его и по душевнымъ совершенствамъ, и радовался, если бывалъ съ нимъ вмѣстѣ, изучая простоту и благородство и свободу его нравовъ, а также и другія свойства, мягкость сердца, великость духа и вмѣстѣ кротость, чинность, негнѣвливость, привѣтливость, доступность, соединенную съ сановитостью. Почему и причислялъ его къ мужамъ отличнѣйшимъ по добродѣтели.

Впрочемъ (не скрою правды), передъ кончиною его жизни, со многими изъ боящихся Господа въ отечествѣ моемъ, скорбѣлъ я о немъ тяжкою скорбію за подпись подъ изложеніемъ вѣры, принесеннымъ изъ Константинополя Георгіемъ. Потомъ по кротости нрава, и по скромности, желая всѣхъ несомнѣнно увѣрить въ отеческомъ сердоболіи, когда впалъ уже въ болѣзнь, отъ которой кончилъ и жизнь, призвавъ меня, сказалъ онъ: „свидѣтельствуюсь Господомъ, что, хотя въ простотѣ сердца согласился я на принесенное изъ Константинополя писаніе, однако въ ни мало не имѣлъ мысли отвергать вѣру, изложенную никейскими святыми отцами, и не инаково содержу въ сердцѣ, но какъ принялъ въ началѣ; и молюсь не быть отлученнымъ отъ части тѣхъ блаженныхъ трехсотъ осьмнадцати епископовъ, которые объявили вселенной благочестивое провозвѣстіе“. Почему послѣ такого удостовѣренія, уничтоживъ всякое сомнѣніе въ сердцѣ, какъ самому тебѣ извѣстно, приступилъ я къ общенію съ нимъ, и прекратилъ свою скорбь. Таковы мои отношенія къ этому мужу. Если же кто скажетъ, что онъ знаетъ какую-либо незаконную мою хулу на сего мужа, то пусть не въ углу, какъ рабъ, нашептываетъ объ этомъ, но, выступивъ противъ меня, явно обличитъ со всею свободою.

48. Къ монахинямъ (52).

Изъявляетъ свою радость, что стараніемъ епископа Воспорія уничтожены взаимныя сомнѣнія о православіи, какъ св. Василія, такъ и сихъ монахинь; разсуждаетъ о словѣ: „единосущный“, которое отвергали нѣкоторые, какъ и отцы антіохійскіе, не вполнѣ разумѣя оное, и которое ограждаетъ вѣру отъ ересей и Аріевой и Савеліевой; опровергаетъ утверждавшихъ, что Духъ прежде Отца и Сына по времени и порядку. (Писано въ началѣ епископства).

Сколько печалила меня прежде непріятная молва, поразившая слухъ мой, столько обрадовалъ боголюбивѣйшій епископъ, братъ нашъ Воспорій, разсказавъ лучшее о вашемъ благоговѣніи. Ибо увѣрилъ, по благодати Божіей, что все разглашаемое было выдумкою людей, не знающихъ точной правды о васъ. Присовокупилъ же, что нашелъ у васъ нечестивыя на меня клеветы, притомъ такого рода, что могли ихъ выговорить только люди, не думающіе и за праздное слово дать отчетъ Судіи въ праведный день воздаянія Его. Посему возблагодарилъ я Господа, и самъ исцѣлившись отъ несправедливаго о васъ мнѣнія, принятаго мною, какъ видно, въ слѣдствіе клеветы людской, и о васъ услышавъ, что оставили ложныя обо мнѣ мысли, какъ скоро узнали утверждаемое братомъ нашимъ, который, излагая вамъ собственное свое мнѣніе, конечно съ тѣмъ вмѣстѣ объявилъ и мое; потому что у насъ обоихъ одинъ образъ мыслей о вѣрѣ; такъ какъ мы наслѣдники тѣхъ же отцевъ, нѣкогда въ Никеѣ провозглашавшихъ великое провозвѣстіе благочестія, въ которомъ все прочее вовсе не подлежитъ пересудамъ, только слово: „единосущный“, худо будучи понимаемо, еще не принято нѣкоторыми. И таковыхъ справедливо иный укоритъ, но опять ихъ же удостоитъ и извиненія. Ибо кто не слѣдуетъ отцамъ, и реченіе ихъ не признаетъ болѣе несомнѣннымъ, чѣмъ свое мнѣніе, тотъ, конечно, заслуживаетъ обвиненіе, какъ человѣкъ исполненный киченія. Но съ другой стороны, кто оставляетъ сіе реченіе въ подозрѣніи, потому что оно опорочено другими, тотъ, повидимому, въ довольной мѣрѣ свободенъ отъ обвиненія. И дѣйствительно, отцы, собравшіеся по дѣлу Павла Самосатскаго, опорочивали сіе реченіе, какъ не совсѣмъ удачное. Они говорили, что слово: „единосущный“, заключаетъ въ себѣ понятіе о сущности и о томъ, что отъ сей сущности; почему раздѣленная уже сущность тѣмъ частямъ, на которыя она раздѣлена, даетъ наименованіе единосущнаго. Но такая мысль имѣетъ развѣ мѣсто въ разсужденіи мѣди и монетъ, сдѣланныхъ изъ мѣди; въ разсужденіи же Бога Отца и Бога Сына не усматривается такой сущности, которая была бы первоначальнѣе и выше Обоихъ; потому что и думать и говорить это—выше всякаго нечестія. Ибо что можетъ быть первоначальнѣе Нерожденнаго? Таковою хулою уничтожилась бы и вѣра въ Отца и Сына; потому что отъ одного происшедшіе суть уже между собою братья.

И поелику тогда еще были утверждавшіе, что Сынъ приведенъ въ бытіе изъ небытія: то, чтобы отсѣчь и это нечестіе, употребили слово: „единосущный“. Ибо соединеніе Сына со Отцемъ—не во времени и не въ пространствѣ. Но и предъидущія слова показываютъ, что отцы имѣли сію мысль: ибо, сказавъ: „Свѣтъ отъ Свѣта“, и отъ сущности Отца Сынъ „рожденъ, а не сотворенъ“, присовокупили къ сему слово „единосущный“, давая тѣмъ разумѣть, что какое понятіе придаетъ кто-либо слову „свѣтъ“ въ отношеніи къ Отцу, такое же приличествуетъ и въ отношеніи къ Сыну; ибо свѣтъ истинный, относительно къ самому понятію о свѣтѣ, не будетъ имѣть никакого различія съ свѣтомъ истиннымъ.—Итакъ, поелику Отецъ есть свѣтъ безначальный, а Сынъ—свѣтъ рожденный, но и Каждый изъ Нихъ есть свѣтъ и свѣтъ; то справедливо употребили слово: „единосущный“, чтобы выразить равночестность естества. Ибо не братія между собою называются единосущными, какъ понимали нѣкоторые; напротивъ того, когда и Виновникъ и имѣющій бытіе отъ Виновника суть одного и того же естества, тогда называются они единосущными. Но то же реченіе исправляетъ и зло, произведенное Савелліемъ; потому что уничтожаетъ тождество Ипостасей, и вводитъ совершенное понятіе о Лицахъ. Ибо единосущное не одно и то же съ самимъ собою, но иное съ чѣмъ-то инымъ. Почему прекрасно и благочестиво сіе реченіе; оно какъ опредѣляетъ свойство Ипостасей, такъ выражаетъ безразличіе естества.

А когда научаемся, что Сынъ отъ сущности Отца, и притомъ рожденъ, а не сотворенъ; тогда не впадаемъ въ плотскія понятія о страстяхъ. Ибо не отдѣлилась сущность отъ Отца въ Сына, и родила не истекши или отдѣливъ отъ себя нѣчто, какъ растенія производятъ плоды; но образъ Божія рожденія неизглаголанъ и недомыслимъ человѣческому разсудку. Ибо, дѣйствительно низкому и плотскому уму свойственно уподоблять вѣчное тлѣнному и привременному, и думать, что какъ раждается тѣлесное, такъ подобно сему раждаетъ и Богъ. Къ ученію благочестія должно восходить отъ противнаго. Поелику такъ раждаютъ смертныя; то не такъ раждаетъ Безсмертный. Посему не должно и отрицать Божія рожденія, и осквернять своей мысли понятіями плотскими.

А Духъ Святый и исчисляется со Отцемъ и Сыномъ, почему и выше твари; и поставляется на опредѣленномъ мѣстѣ, какъ научены мы въ евангеліи самимъ Господомъ, сказавшимъ: „шедше“, крестите „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Матѳ. 28, 19). Но кто ставитъ Его прежде Сына, или говоритъ, что Онъ первоначальнѣе Отца, тотъ противится Божію повелѣнію и чуждъ здравой вѣры, соблюдая не тотъ образъ славословія, какой принялъ, но самъ отъ себя, въ угодность людямъ, вымышляя новое ученіе. Ибо, если выше Бога, то не отъ Бога. Но написано:

„Духъ, Иже отъ Бога“ (1 Кор. 2, 12). Если же отъ Бога; то какъ первоначальнѣе Того, отъ Кого Онъ? Да и какое безуміе, когда одинъ Нерожденный, говоритъ, что иное нѣчто—выше Нерожденнаго? Но Духъ не первѣе и Единороднаго; потому что нѣтъ ничего средняго между Сыномъ и Отцемъ. Если же Духъ не отъ Бога, но чрезъ Христа; то Его вовсе нѣтъ. Посему нововведеніе въ порядкѣ ведетъ къ отрицанію самого бытія, и есть отрицаніе всей вѣры. А поэтому равно нечестиво, какъ низводить Духа на степень твари, такъ ставить Его прежде Сына или Отца, въ отношеніи или ко времени, или къ порядку. Вотъ отвѣтъ на то, о чемъ, какъ я слышалъ, спрашивало ваше благоговѣніе. Если же дастъ Господь, будемъ съ вами вмѣстѣ, то, можетъ быть, скажемъ о семъ нѣчто болѣе, и сами найдемъ у васъ удовлетворительное рѣшеніе на то, что и мы желаемъ знать.

49. Къ хорепископамъ (53).

Внушаетъ подчиненнымъ епископамъ, что не должно съ рукополагаемыхъ брать деньги, даже и подъ благовиднымъ предлогомъ, и угрожаетъ лишеніемъ сана тѣмъ, которые бы и послѣ письма сего покушались на такое мздоимство. (Писано въ началѣ епископства).

Гнусность дѣла, о которомъ пишу, какъ исполнила душу мою скорбію, потому что всѣми оно заподозрѣно и оглашено, такъ доселѣ еще кажется мнѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ. Поэтому и письмо о семъ, кто сознаетъ за собой дѣло, пусть пріметъ, какъ врачевство, а кто не сознаетъ,—какъ предостереженіе; человѣкъ же холодный (каковыхъ не желаю и найдти между вами),—какъ свидѣтельство противъ себя. Но что же это такое, о чемъ говорю я? Сказываютъ, будто бы нѣкоторые изъ васъ берутъ деньги съ рукополагаемыхъ, прикрываютъ же сіе именемъ благочестія. Но это и хуже всего. Ибо, если кто дѣлаетъ зло подъ личиною добра, то онъ достоинъ сугубаго наказанія, такъ какъ дѣлаетъ, что само по себѣ нехорошо, къ совершенію же худаго, какъ сказалъ бы иный, пользуется добрымъ содѣйственникомъ. Если этотъ слухъ справедливъ; то пусть впередъ этого не будетъ, и зло будетъ поправлено: ибо тому, кто беретъ деньги, необходимо сказать то же, что сказано было Апостолами хотѣвшему на серебро купить причастіе Святаго Духа: „серебро твое съ тобою да будетъ въ погибель“ (Дѣян. 2, 20). Легче еще грѣшитъ тотъ, кто по неопытности желаетъ купить даръ Божій, нежели тотъ, кто продаетъ его. Ибо это дѣйствительная продажа; а если торгуешь тѣмъ, что самъ получилъ даромъ; то какъ проданный сатанѣ, лишенъ будешь дарованія; потому что вводишь корчемство въ духовномъ и въ Церкви, гдѣ намъ ввѣрены тѣло и кровь Христовы. Этому такъ не должно быть. Какая же употребляется отговорка? Скажу и это. Думаютъ, будто бы не

грѣшатъ, потому что берутъ не до рукоположенія, но по рукоположеніи. Но когда ни взять—все значитъ взять.

Поэтому умоляю васъ, оставьте этотъ доходъ, лучше же сказать, этотъ входъ въ геенну, и оскверняя руки такими дарами, не дѣлайте себя недостойными совершать чистыя таинства. Но извините меня. Сперва, какъ не повѣрившій, а потомъ, какъ увѣренный, угрожаю вамъ: если кто послѣ этого моего письма сдѣлаетъ что-либо подобное, то да удалится отъ здѣшнихъ алтарей, и пусть ищетъ себѣ мѣста тамъ, гдѣ, покупая даръ Божій, можетъ перепродавать его. А мы и „Церкви Божіи таковаго обычая не имамы“ (1 Кор. 11, 16). Присовокупивъ одно слово, кончу тѣмъ рѣчь. Это дѣлается по сребролюбію, а сребролюбіе есть „корень всѣмъ злымъ“ (1 Тим. 3, 5). Поэтому ради небольшого количества сребра не предпочитайте идоловъ Христу и не дѣлайтесь новыми подражателями Іуды, за подарокъ вторично продавая единожды за насъ Распятаго: потому что и села и руки собирающихъ съ сего плоды наименуются Акелдама.

50. Къ хорепископамъ (54).

Вводитъ древній порядокъ при опредѣленіи церковнослужителей къ должностямъ въ селеніяхъ, и предписываетъ, какъ очистить Церковь отъ недостойныхъ церковнослужителей. (Писано въ началѣ епископства).

Очень прискорбно мнѣ, что отеческія правила уже не дѣйствуютъ, и всякая строгость изъ церквей изгнана. Боюсь же, чтобы съ этою постепенно возрастающей холодностію и дѣла Церкви не пришли въ совершенное замѣшательство. По обыкновенію, издревле утвердившемуся въ Церквахъ Божіихъ, принимали служителей церковныхъ не иначе, какъ по строгомъ во всемъ испытаніи; развѣдывали все ихъ поведеніе: не злоязычны ли они, не пьяницы ли, не склонны ли къ ссорамъ, обуздываютъ ли свою юность такъ, что въ состояніи отправлять касающееся до святыни, безъ которой никто не узритъ Господа. И сіе разъискивали пресвитеры вмѣстѣ съ живущими при нихъ діаконами: доносили же о томъ хорепископамъ, которые, собравъ голоса отъ свидѣтельствующихъ по истинѣ, и доведя до свѣдѣнія епископа, такимъ образомъ причисляли служителя къ чину священнослужащихъ. А нынѣ, во-первыхъ, взяли вы на себя все полномочіе, отстранивъ меня и не принимая на себя труда доносить мнѣ; а потомъ, нерадя сами о дѣлѣ, дозволили пресвитерамъ и діаконамъ вводить въ Церковь людей недостойныхъ, жизни неизвѣданной, кого пожелаютъ они, по пристрастію, или по родству, или по какимъ дружескимъ связямъ. Поэтому въ каждомъ селеніи много считается служителей, но нѣтъ ни одного достойнаго служить алтарю, какъ сами о томъ свидѣтельствуете, терпя недостатокъ въ людяхъ при избраніяхъ. Итакъ,

поелику вижу, что дѣло доходитъ уже до крайности, особливо теперь, когда многіе, боясь набора въ военную службу, приписываются въ церковнослужители; то доведенъ я необходимостію возобновить отеческія правила; и пишу къ вамъ, прося выслать мнѣ списокъ церковнослужителей въ каждомъ селеніи, съ означеніемъ, кѣмъ кто опредѣленъ, и какого рода жизни. Но и сами у себя заведите списокъ, чтобы сличать ваши записи съ хранящимися у меня, чтобы никому невозможно было приписать себя, когда хочетъ. Такимъ образомъ, если иные опредѣлены пресвитерами послѣ перваго распредѣленія, то да будутъ исключены въ число мірянъ; ваше же изслѣдованіе о нихъ да простется далѣе; и если которые окажутся достойными, то да будутъ приняты по вашему приговору. Очистите Церковь, удаливъ изъ нея недостойныхъ, а потомъ изслѣдуйте, кто достоинъ, и таковыхъ пріймите, но не вносите въ списокъ, не донеся мнѣ, или знайте, что принятый въ церковнослужители безъ моего вѣдома останется міряниномъ.

51. Къ Паригорію пресвитеру (55).

Внушаетъ сему пресвитеру, что напрасно старается оправдать себя въ томъ, что держитъ въ домѣ своемъ чужую женщину, вопреки и Василіеву запрещенію и правилу никейскаго Собора. И если не исправившись будетъ удерживать при себѣ священство, то угрожаетъ отлученіемъ отъ Церкви и ему и пріемлющимъ его. (Писано въ началѣ епископства).

Со всѣмъ терпѣніемъ читалъ я твое письмо, и дивился, почему, когда могъ ты коротко и легко оправдываться въ дѣлѣ, намѣреваешься оставаться при томъ, въ чемъ обвиненъ, и стараешься многословіемъ уврачевать неисцѣльное. Не мы первые, и не мы одни, Паригорій, узаконили, чтобы женщины не жили вмѣстѣ съ мужчинами. Но прочти правило изданное святыми отцами нашими на никейскомъ Соборѣ, которое явно запретило имѣть синизактовъ [1]). Безбрачная жизнь тѣмъ и почтенна, что мужчина удаляется отъ сожительства съ женщиною. Почему, если кто, нося на себѣ обѣтъ по имени, на дѣлѣ поступаетъ, какъ живущіе съ женами: то явно, что онъ только въ наименованіи домогается чести дѣвства, но не воздерживается отъ неблагопристойныхъ удовольствій. Тебѣ тѣмъ съ большимъ удобствомъ надлежало уступить моему требованію, что, какъ говоришь, свободенъ ты отъ всякой плотской страсти. Да и не думаю, чтобы семидесятилѣтній сталъ жить вмѣстѣ съ женщиною по страсти, и опредѣленное мною опредѣлено не потому, что дѣлается что либо непотребное, но потому, что научены мы Апостоломъ „не полагати

[1]) Правило 3: μητε Ἐπισκόπῳ, μητε Πρεσβυτέρῳ, μητε διακόνῳ, μητν ὅλως τινὶ τῶν ἐν κλήρῳ, ἐξεῖναι συνείσακτην ἔχειν.

претыканія брату въ соблазнъ“ (Рим. 14, 13). Знаю, что дѣлаемое однимъ разумно для другихъ служитъ поводомъ ко грѣху. По этой причинѣ, слѣдуя постановленію св. отцевъ, повелѣлъ я тебѣ разлучиться съ сею женщиною. Для чего же винишь хорепископа и упоминаешь о давней враждѣ? Для чего жалуешься на меня, будто бы охотно склоняю слухъ къ принятію клеветы, а не на себя самого, которому трудно отстать отъ привычки къ женщинѣ? Поэтому удали ее изъ своего дому, и помѣсти въ монастырѣ. Пусть она живетъ съ дѣвами, а тебѣ прислуживаютъ мужчины, чтобы имя Божіе не было хулимо васъ ради. А пока такъ поступаешь, не принесутъ тебѣ пользы тысячи отговорокъ, какія дѣлаешь въ письмахъ, но кончишь жизнь празднымъ и отдашь отчетъ Господу въ своей праздности. А если не исправившись осмѣлишься удерживать при себѣ священство, то будешь анаѳема всему народу и кто пріиметъ тебя, тѣ будутъ провозглашены отлученными во всей Церкви.

52. Къ Пергамію (56).

Извиняется Пергамію, что не отвѣчалъ на его письмо не по забвенію дружбы и не потому, что новый санъ сдѣлалъ его высокомѣрнымъ, а единственно по недосугамъ. (Писано въ началѣ епископства).

По природѣ склоненъ я къ забывчивости; къ этому присоединилось и множество дѣлъ, усилившее мой врожденный недостатокъ. Почему, хотя и не помню, чтобы получалъ письма отъ твоего благородства, однако же вѣрю, что писалъ ты ко мнѣ; потому что, конечно, не скажешь лжи. А въ томъ, что я не отвѣчалъ, виноватъ не я самъ, а не требовавшій у меня отвѣта. Теперь же идетъ къ тебѣ это письмо, которое заключаетъ въ себѣ оправданіе въ предшествовавшемъ, и полагаетъ начало новой перепискѣ. Поэтому, когда будешь писать ко мнѣ, представляй себѣ, что не тобою начатъ новый рядъ писемъ, но что отдаешь долгъ за настоящее мое письмо. Ибо, хотя письмо мое есть уплата за прежнее, однако же тѣмъ самымъ, что оно больше обыкновеннаго письма или даже вдвое противъ надлежащей мѣры, удовлетворитъ собою тому и другому порядку писемъ. Видишь ли, къ какимъ ухищреніямъ принуждаетъ меня лѣнь? А ты, превосходнѣйшій, перестань въ короткихъ словахъ возводить на меня великіе вины, которыхъ невозможно превзойдти и самымъ преступленіемъ. Ибо забвеніе друзей и презрѣніе ихъ въ слѣдствіе пріобрѣтенной власти заключаютъ уже въ себѣ все худое въ совокупности. Если не имѣемъ любви по заповѣди Господней, то нѣтъ на насъ и печати, положенной Господомъ. Если разгордѣвшись исполнились мы суетнаго о себѣ мнѣнія и высокомѣрія, то впадаемъ въ неизбѣжный судъ діавола. Почему, если съ такою обо мнѣ мыслію употребилъ ты сіи выраженія, то молись, чтобы избѣжать

мнѣ лукавства, какое нашелъ ты въ моемъ нравѣ. Если же языкъ напалъ на сіи реченія необдуманно, по привычкѣ, то утѣшусь самъ въ себѣ, а твою милость попрошу присовокупить свидѣтельство самыхъ дѣлъ: ибо будь увѣренъ въ томъ, что настоящая моя должность послужила для меня поводомъ къ смиренію. Поэтому развѣ тогда забуду тебя, когда самъ не буду узнавать себя; и ты моихъ недосуговъ никогда не обращай въ признакъ худаго поведенія и злонравія.

53. Къ Мелетію, архіепископу антіохійскому (57).

Проситъ Мелетія писать къ нему чаще, потому что письма его исполнены благодати и мудрости; изъявляетъ желаніе свое видѣться съ Мелетіемъ, а причину, по которой близкіе къ нему удерживаютъ отъ исполненія сего желанія, не ввѣряя письму, сообщаетъ чрезъ брата Ѳеофраста. (Писано 371 года).

Если бы твоему богочестію сколько-нибудь было извѣстно, какую великую радость доставляешь мнѣ каждымъ своимъ письмомъ; то знаю, что не пропустилъ бы ты ни одного встрѣтившагося случая писать ко мнѣ, но еще самъ сталъ бы придумывать всякій разъ, какъ сдѣлать, чтобы писемъ было много; потому что знаешь, какая награда уготована Человѣколюбцемъ Владыкою за упокоеніе скорбящихъ. Ибо все здѣшнее исполнено болѣзней, и мнѣ одно прибѣжище отъ золъ,—мысль о твоей святости; и сію мысль яснѣе во мнѣ дѣлаетъ бесѣда съ тобою чрезъ письма, исполненныя всякой мудрости и благодати. Почему, когда беру въ руки письмо твое, прежде всего смотрю на его мѣру, и чѣмъ болѣе избыточествуетъ оно величиною, тѣмъ для меня любезнѣе. Потомъ во время чтенія, при каждомъ встрѣчающемся словѣ радуюсь; но приближаясь къ концу письма, начинаю огорчаться. Такъ все, что ни говоришь въ письмѣ, исполнено доброты; потому что благъ избытокъ отъ благаго сердца.

Если же по молитвамъ твоимъ, пока я еще на землѣ, удостоюсь личнаго свиданія съ тобою, и сподоблюсь внимать полезнымъ урокамъ сего живаго гласа, или принять напутствіе для настоящаго и будущаго вѣка; то признаю сіе величайшимъ изъ благъ, и почту для себя началомъ Божія ко мнѣ благоволенія. И теперь уже предался бы я этому стремленію, если бы не удерживали меня мои ближайшіе, во всемъ братолюбивые; но, чтобы намѣренія ихъ не разглашать чрезъ письмо, пересказалъ я объ ономъ брату Ѳеофрасту, для донесенія въ подробности твоему совершенству.

54. Къ Григорію брату (58).

Выговариваетъ брату за два подложныя письма отъ имени дяди епископа, изъявляетъ свое подозрѣніе въ подлогѣ и третьяго подобнаго же письма, впрочемъ извѣщаетъ, что на сіе послѣднее письмо отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ; приглашаетъ брата къ себѣ и не отказывается ѣхать на свиданіе съ епископами, если получитъ несомнѣнное приглашеніе 371 года).

Какъ мнѣ препираться съ тобою письмами? Какъ побранить тебя надлежащимъ образомъ за твое во всемъ простодушіе? Скажи мнѣ, кто три раза попадаетъ въ тѣ же сѣти? Кто три раза попадаетъ въ одну петлю? И съ безсловесными не легко случиться этому. Ты принесъ мнѣ одно письмо подъ вымышленнымъ именемъ, будто бы отъ достопочтеннѣйшаго епископа и общаго нашего дяди, обманывая меня, не знаю для чего. Я принялъ письмо, какъ принесенное тобою отъ епископа. Да какъ было не принять? Отъ радости показывалъ его многимъ изъ друзей, и благодарилъ Бога. Подлогъ открылся; по тому что самъ епископъ изъ собственныхъ устъ своихъ отрекся отъ письма. Этимъ приведенъ я былъ въ стыдъ; подавленный упрекомъ въ подлогѣ и обманѣ желалъ, чтобы подо мною разступилась земля. Потомъ подали мнѣ другое письмо, присланное будто бы отъ самого епископа съ слугою твоимъ Астеріемъ. Но и этого также не посылалъ епископъ, какъ донесъ мнѣ достопочтеннѣйшій братъ Анеимъ. Еще третіе письмо принесъ мнѣ Адамантій. Какъ надлежало мнѣ принять его, когда прислано чрезъ тебя и чрезъ твоихъ? Желалъ бы имѣть каменное сердце, чтобы не помнить прошедшаго, не чувствовать настоящаго, подобно безсловеснымъ поникши взоромъ въ землю, перенести всякій ударъ. Но что мнѣ дѣлать съ своимъ разсудкомъ, который послѣ перваго и втораго опыта не можетъ принять сего безъ изслѣдованія? И сіе пишу, чтобы побранить тебя за простоту, которую нахожу и въ другое время не приличною христіанамъ, а тѣмъ болѣе несообразною съ настоящими обстоятельствами; по крайней мѣрѣ впередъ и себя побереги, и меня пощади; потому что (надобно же мнѣ поговорить съ тобою свободно) ты въ подобныхъ дѣлахъ служитель, не стоющій довѣрія. Впрочемъ, кто бы ни были приславшіе письмо, отвѣчалъ я имъ, какъ слѣдуетъ. Поэтому подвергаешь ли ты меня испытанію, если прислалъ письмо дѣйствительно полученное отъ епископовъ, отвѣтъ сдѣланъ.

Тебѣ же, какъ брату, который не забывалъ родства и смотритъ на меня не какъ на врага, слѣдовало бы въ настоящее время заботиться объ иномъ; потому что вступилъ я въ такую жизнь, которая, превышая мои силы, сокрушаетъ тѣло и тяготитъ душу. Даже, поелику велъ ты противъ меня такую войну, то и по этой причинѣ долженъ бы ты былъ теперь придти ко мнѣ и раздѣлить со мною дѣла: ибо сказано: „братія въ нуждахъ полезни да будутъ (Притч. 17, 17).

Если въ самомъ дѣлѣ достопочтеннѣйшіе епископы согласны на свиданіе со мною; то пусть назначатъ мнѣ опредѣленное мѣсто и время, и пригласятъ меня чрезъ собственныхъ своихъ людей. Ибо какъ не отказываюсь самъ прійдти на свиданіе съ моимъ дядею, такъ не потерплю, если приглашеніе будетъ сдѣлано не надлежащимъ образомъ.

55. Къ Григорію дядѣ (59).

Прерывая молчаніе, всѣ причины несогласія съ дядею находитъ въ собственныхъ грѣхахъ своихъ, и проситъ прекратить сіе несогласіе, вредное для цѣлыхъ городовъ и народовъ, съ своей же стороны соглашается на принятіе тѣхъ мѣръ, какія придумаетъ дядя. (Писано въ 371 году).

„Молчахъ, еда и всегда умолчу и потерплю“ (Иса. 42, 24) долѣе, чтобы противъ себя самого подтвердить, какъ несносенъ вредъ молчанія, когда не буду и самъ писать и слушать обращающаго ко мнѣ слово? Ибо, доселѣ терпѣливо державшись этой печальной мысли, нахожу для себя приличнымъ сказать словами Пророка: „терпѣхъ яко раждающая“,—терпѣлъ, всегда желая или свиданія или слова, и всегда не получая сего за грѣхи мои. Другой сему причины не могу и придумать, но увѣряюсь, что за старые свои грѣхи несу наказаніе въ раздѣленіи съ своею любовію, если только, кому бы то ни было, тѣмъ паче мнѣ, которому ты сначала былъ вмѣсто отца, дозволено будетъ въ разсужденіи тебя употребить это слово: „раздѣленіе“. Но теперь грѣхъ мой, подобно какому-то густому облаку облекая меня, произвелъ невѣдѣніе всего этого. Ибо, когда посмотрю, что случившееся, кромѣ причиненной мнѣ печали, не принесло никакого инаго плода; тогда не справедливо ли приписывать мнѣ настоящее грѣхамъ своимъ? Но если грѣхи причиною происшедшаго, то пусть это, по крайней мѣрѣ, положитъ конецъ непріятностямъ. И если тутъ было что по предусмотрѣнію, то намѣреніе, безъ сомнѣнія, выполнено; потому что не малое время несъ я утрату. Почему не удерживаясь долѣе, первый отверзъ я уста, и умоляю тебя вспомнить обо мнѣ, а также и о себѣ, который во всю жизнь больше, нежели сколько требовалось по твоему родству, показывалъ о мнѣ попеченія; умоляю ради меня полюбить теперь и городъ, а не чуждаться его по моей винѣ.

Итакъ, ежели есть какое утѣшеніе о Христѣ и какое общеніе Духа, и ежели есть сколько-нибудь сердоболія и сострадательности; то исполни мою просьбу, прекрати все приводившее въ уныніе, положи нѣкоторое начало тому, что веселило бы на будущее время; самъ веди другихъ къ лучшему, а не за другимъ слѣдуй, куда не должно; потому что и тѣлесныя черты нельзя признать кому либо такъ собственно принадлежащими, какъ душѣ твоей принадлежитъ миръ и кротость. Такому же человѣку прилично привлекать къ себѣ другихъ и дѣлать, чтобы всѣ приближаю-

щіеся къ тебѣ исполнились кротостію твоего нрава, какъ благовоніемъ нѣкоего мура. Ибо, ежели и есть теперь нѣчто противоборствующее, то въ скоромъ времени и оно познаетъ благо мира. Но пока отъ несогласія имѣютъ мѣсто клеветы, по необходимости непрестанно растутъ худыя подозрѣнія. Потому и имъ не прилично не порадѣть обо мнѣ, а болѣе всѣхъ неприлично твоей чести. Ибо, если и погрѣшаю въ чемъ, то вразумленный исправляюсь. Сіе же не возможно безъ свиданія. А если не сдѣлалъ я несправедливости; то за что меня ненавидятъ? И сіе-то представляю въ собственное свое оправданіе.

Но что скажутъ о себѣ церкви, которыя не на добро себѣ участвуютъ въ нашемъ несогласіи, объ этомъ лучше молчать. Ибо веду слово не для того, чтобы оскорбить, но, чтобы положить конецъ оскорбительному. Отъ твоего же благоразумія ничто, конечно, не сокрыто; напротивъ того и самъ въ умѣ своемъ изобрѣтешь и другимъ скажешь нѣчто такое, что гораздо важнѣе и совершеннѣе придуманнаго мною; потому что прежде меня видѣлъ ты вредъ, какой терпятъ церкви, и больше моего скорбишь о томъ, издавна наученный Господомъ не презирать никого изъ меньшихъ. Теперь же вредъ ограничивается не однимъ или двоими, но цѣлые города и народы участвуютъ въ нашихъ несчастіяхъ. Ибо нужно ли и говорить о той молвѣ, какая идетъ о насъ въ странахъ отдаленныхъ? Потому прилично твоему великодушію уступить любопрительность другимъ, лучше же сказать, если возможно, истребить ее и въ ихъ душѣ, самому препобѣдить огорчительное терпѣніемъ. Ибо мстить свойственно всякому прогнѣванному: а стать выше самаго гнѣва—это свойственно тебѣ одному, и развѣ тому, кто близокъ къ тебѣ по добродѣтели. Не скажу еще того, что негодующій на меня изливаетъ гнѣвъ свой на человѣка, не сдѣлавшаго никакой несправедливости. Поэтому или прибытіемъ своимъ, или письмомъ, или приглашеніемъ къ себѣ, или какимъ тебѣ угодно способомъ утѣшь мою душу. А мое желаніе, чтобы твое благочестіе явило себя Церкви, и самымъ лицезрѣніемъ твоимъ и словами твоей благодати подало врачеваніе мнѣ и вмѣстѣ народу. Поэтому, если возможно сіе, то всего лучше будетъ; а если угодно тебѣ и другое что, пріймемъ и то. Только снизойди на мою просьбу, и извѣсти навѣрное о томъ, что заблагоразсудится твоему благоразумію.

56. Къ нему же (60).

По прошенію Дороѳея яснѣе выражаетъ мысль высказанную въ предъидущемъ письмѣ, обѣщаетъ также согласиться на выборъ дядею времени и мѣста къ взаимному свиданію; наконецъ объясняетъ, почему не можетъ довѣрять брату. (Писано въ 371 г.).

И прежде съ удовольствіемъ видѣлся я съ братомъ своимъ. Да и можно ли было видѣться иначе, потому что онъ мнѣ братъ и имѣетъ

столько достоинствъ? И теперь, когда пришелъ онъ ко мнѣ, принялъ я его съ тѣмъ же расположеніемъ, ни мало не измѣнясь въ нѣжной своей любви къ нему. Не дай Богъ и испытать мнѣ что либо такое, что заставило бы меня забыть родство и быть во враждѣ съ своими! Напротивъ того, прибытіе его принялъ я за утѣшеніе и въ тѣлесныхъ недугахъ и въ другихъ душевныхъ скорбяхъ.

Письмами же, доставленными имъ отъ твоей досточестности, я крайне обрадованъ: давно уже желалъ я получить ихъ не ради инаго чего, а только, чтобы и о насъ не стали разглашать въ свѣтѣ печальнаго сказанія, что у ближайшихъ родственниковъ какое-то между собою несогласіе, которое врагамъ приноситъ удовольствіе, а друзьямъ бѣдствіе, и не угодно Богу, отличительнымъ признакомъ учениковъ Своихъ положившему совершенную любовь. Посему, признавая необходимымъ отвѣчать на письмо твое, прошу обо мнѣ помолиться и во всемъ прочемъ имѣть попеченіе, какъ о родномъ. Поелику же по невѣдѣнію самъ не могу выразумѣть, что значитъ происшедшее между нами, рѣшился признать истиннымъ тотъ смыслъ, какой ты соблаговолишь втолковать мнѣ.

Необходимо же, чтобы твой высокій умъ опредѣлилъ и все прочее, а именно взаимное наше съ тобою свиданіе, приличное для сего время и удобное мѣсто. Поэтому, если степенность твоя дозволитъ совершенно снизойдти къ моему смиренію и сообщить мнѣ какое-либо слово (угодно ли тебѣ будетъ, чтобы свиданіе наше было при другихъ, или на единѣ); я готовъ повиноваться, рѣшившись однажды навсегда служить тебѣ съ любовію, и всѣми мѣрами исполнять то, что къ славѣ Божіей повелитъ мнѣ твое благоговѣніе.

А почтеннѣйшаго брата ни мало не принуждалъ я пересказывать мнѣ изустно; потому что и прежде слово его не подтверждалось дѣломъ.

57. Къ Аѳанасію архіепископу александрійскому (61).

На письма Аѳанасія, въ которыхъ извѣщалъ онъ объ отлученіи отъ Церкви военачальника ливійскаго, родомъ изъ Каппадокіи, отвѣтствуетъ, что письма сіи сообщены имъ всей кесарійской Церкви, и что въ Кесаріи всѣ не хотятъ съ симъ военачальникомъ имѣть общенія ни въ водѣ, ни въ огнѣ, ни въ кровѣ. (Писано около 371 года).

Читалъ я письма твоей святости, въ которыхъ изъявлялъ ты скорбь свою о военачальникѣ Ливіи, человѣкѣ ненавистнаго имени. Сѣтуемъ и мы о своей родинѣ, что она—матерь и воспитательница такихъ худыхъ людей, и о сосѣдственной съ нашей родиною—Ливіи, которая терпитъ отъ насъ вышедшее зло, и предана звѣрскому нраву человѣка, живущаго жестокостію и вмѣстѣ распутствомъ. Въ семъ, конечно, исполняется премудрое изреченіе Екклесіаста: „горе тебѣ, граде, въ немже царь твой юнъ“. (а здѣсь есть нѣчто и этого худшее), и „князи твои не съ ночи

ядятъ“ (Екклез. 10, 16), но среди дня предаются распутству, несмысленнѣе скотовъ посягая съ неистовствомъ на чужія брачныя ложа.

Но какъ отъ праведнаго Судіи ожидаютъ его казни, которыя возмѣрятся ему тою же мѣрою, въ какой самъ онъ прежде мучилъ святыхъ Божіихъ, такъ по письмамъ твоего богочестія сталъ онъ и нашей Церкви извѣстенъ, и всѣ признаютъ его достойнымъ омерзѣнія, и не хотятъ имѣть съ нимъ общенія ни въ водѣ, ни въ огнѣ, ни въ крови, если людямъ, до такой степени преобладаемымъ зломъ, полезно сколько нибудь такое общеніе и единодушное осужденіе. Достаточнымъ же для него позоромъ служатъ и самыя письма, читаемыя повсюду; потому что не премину обнаружить его предъ всѣми, и родными, и друзьями, и чужими. Но, безъ сомнѣнія, если и не тотчасъ тронутъ его эти вразумленія, какъ Фараона, то впослѣдствіи будутъ для него служить тяжкимъ и мучительнымъ воздаяніемъ.

58. Къ Церкви Парнасской (62).

Утѣшаетъ Церковь сію, опечаленную смертію епископа; совѣтуетъ приложить стараніе о пользѣ Церкви, чтобы Господь далъ ей угоднаго Себѣ пастыря. (Писано около 371 года).

Слѣдуя древнему обычаю, утвердившемуся продолжительностію времени, и являя вамъ плодъ Духа—любовь по Богу, посѣщаю ваше благоговѣніе симъ письмомъ, раздѣляя съ вами скорбь о случившемся и заботу о дѣлахъ, которыя у васъ подъ руками.

Касательно печальнаго событія скажу только, что время уже намъ обратить вниманіе на заповѣди Апостола и не скорбѣть, „якоже и прочіи не имущіи упованія“ (1 Солун. 4, 13), то есть, не безстрастными быть къ случившемуся, но чувствовать потерю, только не падать подъ бременемъ скорби, ублажить же пастыря за его кончину, какъ разрѣшившагося отъ жизни въ старости маститой и упокоеннаго съ великими почестями отъ Господа.

Касательно же прочаго могу присовѣтовать вамъ, что надобно, отложивъ всякое уныніе, прійдти въ себя и заняться необходимымъ попеченіемъ о Церкви, чтобы и Святый Богъ возъимѣлъ попеченіе о собственной Своей паствѣ и по волѣ Своей даровалъ вамъ пастыря, пастырствующаго надъ вами разумно.

59. Къ неокесарійскому градоначальнику (63).

Привѣтствуетъ сего градоначальника, извѣстнаго ему по слуху и по словамъ общаго друга Елпидія, и проситъ включить и его въ число своихъ друзей. (Писано около 371 года).

Мудраго мужа, хотя въ дальней живетъ онъ землѣ, хотя никогда не вижу его своими очами, считаю я другомъ.—Это изреченіе трагика

Еврипида. Поэтому, хотя личное свиданіе не доставило мнѣ знакомства съ твоимъ высокородіемъ, однако же называю себя другомъ твоимъ и знакомымъ. Не пріими этихъ словъ за ласкательство; потому что нашу дружбу произвела слава, которая всѣмъ велегласно возвѣщаетъ о дѣлахъ твоихъ. А съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ я свиданіе съ достопочтеннѣйшимъ Елпидіемъ, столько узналъ тебя и такъ сильно плѣненъ тобою, какъ будто долгое время жили мы вмѣстѣ, и долговременнымъ опытомъ извѣдалъ я твои совершенства. Ибо Елпидій не переставалъ описывать въ подробности все, что знаетъ о тебѣ, величіе души твоей, возвышенный образъ мыслей, кротость нравовъ, опытность въ дѣлахъ, благоразуміе въ рѣшеніяхъ, степенность въ жизни растворенную съ веселостію, силу слова и многое другое, что перечислялъ онъ въ продолжительной со мною бесѣдѣ, и что невозможно описать мнѣ, не выступивъ изъ предѣловъ письма. Какъ же мнѣ не любить такого человѣка? Какъ удержаться, чтобы даже громко не выразить того, что чувствую въ душѣ своей? Поэтому, чудный мужъ, пріими привѣтствіе, приносимое истинной и не лестной дружбой; потому что я далекъ отъ раболѣпнаго ласкательства. Включи и меня въ списокъ друзей своихъ; частыми письмами напоминай о себѣ, и утѣшай меня въ томъ, что не могу видѣть тебя.

60. Къ Исихію (64).

Сего Исихія, давно ему извѣстнаго по любви къ наукамъ и по дружбѣ съ Терентіемъ, а еще болѣе выхваленнаго Елпидіемъ, приглашаетъ къ себѣ для личнаго свиданія. (Писано около 371 г.).

Къ твоей досточестности съ самаго еще начала многое привязывало меня,—и общая любовь къ наукамъ, о которой повсюду разглашаютъ извѣдавшіе ее, и давняя наша дружба съ чуднымъ Терентіемъ. Когда же достопочтеннѣйшій братъ Елпидій, человѣкъ во всемъ совершенный и составляющій для меня то же, что и самый близкій родный, разговорился со мною и описалъ въ подробности твои совершенства (а онъ способнѣе всякаго другаго и узнать въ человѣкѣ добродѣтель, и изобразить ее словомъ); тогда воспламенилъ во мнѣ такую любовь къ тебѣ, что прошу тебя посѣтить когда-нибудь старый кровъ мой, чтобы не слухомъ только, но и на опытѣ насладиться мнѣ твоими совершенствами.

61. Къ Атарвію (65).

Не смотря на старшинство свое предъ Атарвіемъ, рѣшается писать къ нему первый въ доказательство любви своей, и проситъ употребить все усердіе о примиреніи Церкви.

Будетъ ли конецъ молчанію, если я, ссылаясь на старшинство лѣтъ, стану выжидать, чтобы ты проглаголалъ первый, а твоя любовь захочетъ

долѣе оставаться при этомъ вредномъ намѣреніи продолжать безмолвіе? Но, впрочемъ, разсудивъ, что быть побѣжденнымъ въ дружескомъ дѣлѣ означаетъ побѣду, какъ признаю себя уступившимъ тебѣ честь оставаться, повидимому, при своемъ намѣреніи, такъ самъ первый начинаю писать, зная, что „любовь вся покрываетъ, вся терпитъ, не ищетъ своихъ си", а потому „николиже отпадаетъ" (1 Кор. 13, 5—8); ибо тотъ не унижается, кто подчиняется ближнему изъ любви. Какъ бы ни было, по крайней мѣрѣ и самъ ты, въ послѣдствіи показавъ въ себѣ первый и великій плодъ Духа—любовь, брось съ себя угрюмость человѣка гнѣвнаго, какимъ представляешься мнѣ по своему молчанію, пріими же въ сердце радость, миръ съ единодушными братіями, ревность и попечительность о продолженіи церквей Господнихъ. Ибо знай, что, если мы не вступимъ за церкви въ борьбу равносильную той, какую ведутъ противящіеся здравому ученію къ ниспроверженію и совершенному истребленію церквей, то ничто не воспрепятствуетъ, какъ погибнуть истинѣ, извращенной врагами, такъ намъ принять на себя часть осужденія за то, что не показали мы возможной попечительности о соединеніи церквей со всею рачительностію и ревностію въ единомысліи другъ съ другомъ и единодушіи по Богу. Посему умоляю тебя, не держи долѣе въ душѣ своей той мысли, что не имѣешь нужды въ общеніи съ кѣмъ либо другимъ. Ибо не тому, кто ходитъ въ любви и исполняетъ заповѣдь Христову, свойственно отсѣкать себя отъ союза съ братіями. Но вмѣстѣ желаю доброму твоему изволенію разсудить и то, что это зло—война, которая окружаетъ насъ отвсюду, со временемъ прійдетъ и къ намъ, и если будемъ на ряду съ прочими участвовать въ оскорбленіи другихъ, то и мы не найдемъ людей о насъ соболѣзнующихъ; потому что во время своего благоденствія не принесли состраданельности въ даръ терпѣвшимъ обиды.

62. Къ Аѳанасію архіепископу александрійскому (66).

Просить его побудить западныхъ епископовъ къ вспомоществованію Церкви на востокѣ и между тѣмъ самому своимъ благоразуміемъ прекратить раздоры въ Антіохіи. (Писано въ 371 году).

Думаю, что настоящее состояніе, лучше же сказать (если говорить правду), смятеніе церквей никого не печалитъ столько, какъ твою досточестность, когда сравниваешь настоящее съ давнимъ, и разсуждаешь, сколь одно съ другимъ различно. А если дѣла съ такою же стремительностію пойдутъ все хуже и хуже, ничто не воспрепятствуетъ церквамъ въ короткое время принять совершенно другой видъ. Часто размышляя я объ этомъ самъ съ собою: если худое состояніе церквей представляется и мнѣ такъ жалкимъ, то съ какимъ духомъ долженъ видѣть сіе тотъ

кому по опыту извѣстны древнее благосостояніе и единомысліе въ вѣрѣ церквей Господнихъ?

Но какъ большая часть скорбей касается собственно твоего совершенства; такъ думаю и большая часть попеченія о церквахъ должна лежать на твоемъ же благоразуміи. И самъ я, даже при скудномъ своемъ разумѣніи о дѣлахъ, давно знаю, что къ пособію нашимъ церквамъ одно извѣстное средство—единодушіе съ нами западныхъ епископовъ. Ибо, если бы ту же ревность, какую употребили по дѣлу одного или двоихъ уличенныхъ въ зловѣріи на западѣ, захотѣли они оказать и въ пользу нашей области; то, можетъ быть, произошла бы общая польза для Церкви, потому это и державствующіе уважаютъ, что признано достовѣрнымъ многими, а народъ вездѣ слѣдуетъ имъ безпрекословно. Но кто же способнѣе твоего благоразумія совершить это? Кто скорѣе твоего увидитъ, что должно дѣлать? Кто искуснѣе приведетъ въ дѣйствіе, что полезно? Кто сострадательнѣе къ утомленнымъ братіямъ? Кто на всемъ западѣ уважается почтеннѣе твоей сѣдины? Оставь міру какой-нибудь памятникъ, достойный твоей жизни, досточестнѣйшій отецъ! Тысячи твоихъ подвиговъ за благочестіе укрась еще этимъ однимъ дѣломъ. Изъ святой Церкви, тобой управляемой, пошли къ западнымъ епископамъ нѣсколько мужей сильныхъ въ здравомъ ученіи, извѣсти ихъ о постигшихъ насъ бѣдствіяхъ, укажи способъ какъ подать помощь, будь для церкви Самуиломъ, злопострадди съ людьми, которыхъ тѣснятъ враги, вознеси мирныя молитвы, испроси благодать у Господа, чтобы остался въ церквахъ какой-нибудь памятникъ мира. Знаю, что письма недостаточны къ совѣщанію о такомъ дѣлѣ; но ты такъ же не имѣешь нужды въ поощреніи другихъ, какъ и доблестные борцы въ провозглашеніи дѣтей; и я не невѣдущаго учу, а только поддерживаю стремительность текущаго борца.

Для прочихъ дѣлъ на востокѣ нужно, можетъ быть, тебѣ содѣйствіе и большаго числа помощниковъ, а потому необходимо подождать западныхъ. Но благоустройство антіохійской Церкви очевидно зависитъ отъ твоего благочестія; поэтому однихъ устрой, другихъ успокой, и возврати Церкви крѣпость согласіемъ. А что тебѣ, по примѣру мудрыхъ врачей, надлежитъ начать врачеваніе съ самаго главнаго, это самъ ты знаешь подробнѣе всякаго. Что же для вселенскихъ Церквей важнѣе Антіохіи? Если бы она пришла въ единомысліе; то ничто не воспрепятствовало бы ей, какъ оздравѣвшей главѣ, сообщить здравіе всему тѣлу. Дѣйствительно же недуги этого града требуютъ твоей мудрости и твоего евангельскаго состраданія; онъ не только разсѣкается на части еретиками, но даже расторгается тѣми, которые говорятъ о себѣ, что они другъ съ другомъ держатся одного образа мыслей. Соединить это и привести въ стройный составъ единаго тѣла можетъ Тотъ одинъ, Кто Своею неизре-

ченною силою и сухимъ костямъ даетъ возможность облечься опять жилами и плотію. Но безъ сомнѣнія, Господь великія дѣла Свои творитъ чрезъ достойныхъ Его. Потому и на этомъ опять основаніи надѣемся, что твоей великой душѣ прилично служеніе столь важному дѣлу, то есть, утишить смятеніе въ народѣ, прекратить: частныя заступничества, подчинить же всѣхъ другъ другу въ любви, и возвратить Церкви древнюю крѣпость.

63. Къ Аѳанасію архіепископу александрійскому (67).

Извѣщаетъ дядю, что съ радостію принялъ брата и доставленныя имъ отъ дяди письма, что, для успокоенія Антіохіи, епископомъ оной долженъ быть утвержденъ Мелетій, по желанію всего востока и не въ противность епископамъ западнымъ, какъ видно изъ писемъ, принесенныхъ Силуаномъ. (Писано въ 371 году).

Въ прежнемъ письмѣ доказывалъ я твоей досточестности одно то, что въ святой антіохійской церкви всѣхъ, кто твердъ въ вѣрѣ, надобно привести въ одно согласіе и единеніе. И сего казалось мнѣ достаточнымъ къ внушенію той мысли, что раздѣленное нынѣ на многія части надлежитъ совокупить боголюбивѣйшему епископу Мелетію. Но поелику сей самый возлюбленный нашъ сослужитель Дороѳей потребовалъ яснѣйшаго о семъ напоминанія, то по необходимости объявляемъ, что весь Востокъ желаетъ Мелетія, и намъ, съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ соединеннымъ, желательно видѣть его правителемъ Церкви Господней; потому что онъ и въ вѣрѣ не укоризненъ, и по жизни не имѣетъ никакого сравненія съ другими, и такъ сказать, уже самъ собой владычествуетъ надъ цѣлымъ тѣломъ Церкви; такъ что все прочее не болѣе, какъ только отсѣки частей. Потому во всѣхъ отношеніяхъ необходимо и вмѣстѣ полезно вступить въ единеніе съ симъ мужемъ и другимъ, какъ меньшимъ рѣкамъ съ большею рѣкою. Касательно же прочихъ надобно сдѣлать распоряженіе и имъ приличное, и примиряющее народъ, и сообразно съ твоимъ благоразуміемъ и всѣми прославляемою дѣятельностію и ревностію. Конечно же, не сокрыто отъ твоего несравненнаго благоразумія, что то же самое угодно и единодушнымъ съ тобою западнымъ епископамъ, какъ показываютъ письма, принесенныя къ намъ блаженнымъ Силуаномъ.

64. Къ Мелетію архіепископу антіохійскому (68).

Совѣтуется съ Мелетіемъ о томъ, чтобы Дороѳея послать въ Римъ для приглашенія италійскихъ епископовъ; извѣщаетъ о прибытіи Евипія и объ ожиданіи другихъ Армянъ. (Писано въ 371 году).

Хотѣлось намъ удержать пока у себя благоговѣйнѣйшаго брата, сіакона Дороѳея, чтобы, отпустивъ по окончаніи дѣлъ, извѣстить чрезъ него твою досточестность въ подробности о всемъ, что сдѣлано. Поелику

же, отлагая день за днемъ промедлили много времени, и вмѣстѣ, какъ случается въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, встрѣтились у насъ и нѣкоторыя разсужденія о предстоящихъ дѣлахъ; то послали мы упомянутаго выше Дороѳея отыскать вашу святость, и какъ самому отъ себя пересказать обо всемъ, такъ показать и нашу записку, чтобы ваше совершенство приняли на себя трудъ привести въ исполненіе придуманное нами, если окажется оно полезнымъ. А короче сказать, превозмогло у насъ то мнѣніе, чтобы сей самый братъ нашъ Дороѳей отправился въ Римъ, и побудилъ нѣкоторыхъ италійскихъ епископовъ посѣтить насъ, во избѣжаніе же препятствій пріѣхать къ намъ моремъ; потому что, какъ знаемъ мы, имѣющіе силу у державнаго и не хотятъ и не въ состояніи напомнить ему объ изгнанникахъ, но и въ томъ уже находятъ выгоду, что не видятъ въ церквахъ ничего худшаго. Поэтому, если и твоему благоразумію намѣреніе сіе представится полезнымъ, то соблаговоли и письма написать и снабдить его запискою, съ кѣмъ, и о чемъ надобно переговорить ему. А чтобы письма имѣли нѣкоторую достовѣрность, для сего, безъ сомнѣнія, присовокупишь и единомысленныхъ съ нами, хотя они и не присутствуютъ.

Здѣшнія дѣла не приведены еще въ ясность; хотя Евипій и прибылъ, но доселѣ ничего не объявлялъ. Впрочемъ угрожаютъ какимъ-то стеченіемъ своихъ единомышленниковъ изъ арменскаго Тетраполя и изъ Киликіи.

65. Къ Аѳанасію архіепископу александрійскому (69).

Благодаритъ св. Аѳанасія за попеченіе о всѣхъ церквахъ и за присланнаго къ нему пресвитера Петра; проситъ Дороѳея, отправляющагося въ Римъ, снабдить совѣтами; объясняетъ, за чѣмъ отправляютъ его въ Римъ, и почему нужно, чтобы, западные осудили Маркелла; проситъ о немедленномъ отправленіи Дороѳея и о томъ чтобы, по прибытіи западныхъ, сохраненъ былъ миръ въ Церкви, особливо антіохійской. (Писано въ 371 году).

То мнѣніе, какое издавна имѣли мы о твоей досточестности, съ теченіемъ времени непрестанно утверждается, лучше же сказать, возрастаетъ въ насъ по мѣрѣ новыхъ событій; потому что для большей части другихъ достаточно смотрѣть каждому, что собственно до него касается, тебѣ недостаточно этого; напротивъ того, такая же у тебя забота о всѣхъ церквахъ, какая и о церкви, собственно тебѣ ввѣренной общимъ нашимъ Владыкою; почему не оставляешь ни одного случая бесѣдовать, подавать совѣты, писать и посылать каждый разъ людей, способныхъ предложить что-либо самое лучшее.

И теперь съ великою радостію приняли мы достопочтеннѣйшаго брата Петра, присланнаго священнымъ соборомъ подчиненнаго тебѣ клира, и одобрили благую цѣль его путешествія, которую онъ выполняетъ

на самомъ дѣлѣ, по наказамъ твоей досточестности, приводя къ одному направленію стремящееся розно и сочетавая расторгнутое.

Посему и мы, возжелавъ сколько-нибудь участвовать въ усердіи о семъ, разсудили, что положимъ самое приличное начало дѣламъ, если прибѣгнемъ къ твоему совершенству, какъ общей всѣхъ главѣ, и употребимъ тебя совѣтникомъ и вождемъ въ дѣлахъ. Потому и брата Дороѳея, діакона Церкви, которою управляетъ досточестнѣйшій епископъ Мелетій, доселѣ руководившагося благою ревностію по правотѣ вѣры и желающаго видѣть миръ церквей, рѣшился послать къ твоему богочестію, чтобы, слѣдуя твоимъ совѣтамъ, за благонадежность которыхъ ручаются и лѣта твои, и опытность въ дѣлахъ и то, что паче всѣхъ подаются тебѣ внушенія Духа, и онъ приступилъ къ преднамѣреваемому. И ты пріими его и воззри миролюбивыми очами, подкрѣпивъ пособіемъ молитвы и напутствовавъ письмами, лучше же сказать, присоединивъ къ нему нѣсколько своихъ достойныхъ людей, руководи его въ исполненіи предположеннаго.

А для насъ показалось благовременнымъ писать къ римскому епископу, чтобы обратить вниманіе на здѣшнія дѣла, и подать ему мысль, чтобы, по затруднительности послать кого-либо изъ тамошнихъ по общему и соборному опредѣленію, самъ себя уполномочилъ въ этомъ дѣлѣ, избравъ людей, которые были бы способны перенести труды путешествія, а кротостію и постоянствомъ нрава могли бы привести въ разумъ совратившихся у насъ, употребляли слово кстати и осмотрительно, имѣли при себѣ все, что учинено послѣ арминскаго Собора къ уничтоженію сдѣланнаго тамъ по принужденію. Обо всемъ же этомъ никто не долженъ знать, и посланымъ надо прибыть сюда безъ шума, моремъ, прежде нежели дойдетъ сіе до свѣдѣнія враговъ мира.

Нѣкоторыми же изъ здѣшнихъ, какъ и намъ самимъ кажется, необходимо требуется еще и то, чтобы отринули и они [1]) Маркеллову ересь, какъ несносную, зловредную и чуждую для здравой вѣры. Ибо донынѣ во всѣхъ письмахъ, какія пишутъ, хотя не перестаютъ злоименнаго Арія предавать проклятіямъ всякаго рода, и отлучать отъ Церкви, и однако же не дѣлаютъ, кажется, никакого упрека Маркеллу, который обнаружилъ въ себѣ нечестіе, противоположное Аріеву, нечестиво училъ о самомъ осуществленіи Божества въ Единородномъ, и неправо принималъ наименованіе Слова. Онъ говоритъ, что, хотя Словомъ именованъ Единородный, исшедшій по нуждѣ и на время, однако же опять возвратился въ Того, изъ Кого исшелъ, какъ прежде исшествія нѣтъ Его, такъ по возвращеніи Онъ не существуетъ. И доказательствомъ сего остаются сохранившіяся у насъ книги этого мерзкаго сочиненія. Однако же никогда

[1]) Западные епископы.

кажется, не укоряютъ его за сіе, имѣя на себѣ и ту вину, что въ началѣ, по незнанію истины, приняли его въ общеніе церковное. Итакъ настоящія дѣла требуютъ и о немъ упомянуть приличнымъ образомъ, чтобы ищущіе предлога не имѣли предлога, потому что здравые въ вѣрѣ, въ единеніи съ твоимъ преподобіемъ, и хромлющіе въ истинной вѣрѣ стали для всѣхъ явными, такъ что, наконецъ, извѣстны намъ единомысленные съ нами, и не поставлены мы въ затрудненіе, какъ въ ночномъ сраженіи, не находить никакого различія между друзьями и врагами.

Совѣтуемъ только упомянутаго выше діакона послать немедленно при первой возможности къ плаванію, чтобы по крайней мѣрѣ на слѣдующій годъ могло быть исполнено что-нибудь изъ того, о чемъ просимъ.

Но, конечно, и прежде нашего напоминанія, самъ ты уразумѣешь сіе и заботишься, чтобы они, если угодно будетъ Богу, прибывъ къ намъ, не внесли въ церкви расколовъ, но всѣми мѣрами убѣдили къ единенію имѣющихъ одинакій образъ мыслей, хотя бы и оказалось, что есть у нихъ свои нѣкоторые предлоги къ разногласію между собою, и чтобы православный народъ не дѣлился на многія части, увлекаясь за предстоятелями. Ибо надобно постараться, чтобы всему предпочтенъ былъ миръ, а прежде всего приложено было попеченіе о Церкви антіохійской, и правовѣрная сторона не изнемогала въ ней, дѣлясь на части по приверженности къ тому или другому лицу. Лучше же сказать, самъ ты въ послѣдствіи позаботишься обо всемъ этомъ, когда, чего и желаемъ, при содѣйствіи Божіемъ достигнемъ, что всѣ ввѣрять тебѣ все касающееся до благосостоянія церквей.

66. Безъ надписи (70).

Изображеніемъ бѣдствій Церкви и примѣромъ римскаго епископа Діонисія убѣждаетъ (вѣроятно, римскаго же епископа Дамаса) оказать свое пособіе Церквамъ на востокѣ, приславъ туда западныхъ епископовъ. (Писано въ 371 году).

Возобновить уставы древней любви, и миръ отцевъ—этотъ небесный и спасительный даръ Христовъ, увядшій съ теченіемъ времени, опять привести въ цвѣтущее состояніе—для насъ необходимо и полезно; а очень знаю, что покажется сіе пріятнымъ и твоему христолюбивому сердцу. Ибо что восхитительнѣе, какъ видѣть, что раздѣленные такимъ множествомъ странъ, единеніемъ любви связуются въ единый стройный составъ членовъ въ тѣлѣ Христовомъ? Весь почти востокъ, достопочтеннѣйшій отецъ (а подъ востокомъ разумѣю страны отъ Иллирика до Египта), приводится въ колебаніе великою бурею и волненіемъ; потому что ересь, давно посѣянная врагомъ истины, Аріемъ, снова нынѣ возникла съ безстыдствомъ, и какъ горькій корень, принеся плодъ, одерживаетъ уже верхъ тѣмъ, что предстоятели праваго ученія во всѣхъ епархіяхъ по клеветамъ насиль-

ственно лишены своихъ Церквей, и управленіе дѣлами передано уловляющимъ души людей простосердечныхъ. И мы ожидали, что единственнымъ избавленіемъ отъ этого будетъ посѣщеніе вашего сердоболія; всегда утѣшали себя необычайностію вашей любви въ прошлое время, не надолго укрѣплялись въ духѣ радостнымъ слухомъ, что посѣтите насъ какъ-нибудь. Но надежда наша не исполнилась; и не удерживаясь долѣе, приступаемъ къ письменному изложенію нашего прошенія, чтобы востали вы на помощь нашу, и прислали кого-либо изъ единодушныхъ съ нами, и они бы, или сблизили ставшихъ между собою далекими, или привели опять въ содружество церкви Божіи, или яснѣе показали вамъ виновниковъ неустройства, чтобы и вамъ уже стало извѣстно, съ кѣмъ надлежитъ имѣть общеніе. Безъ сомнѣнія же, мы требуемъ не новаго чего, но бывшаго въ обычаѣ и у прочихъ древнихъ блаженныхъ и боголюбивыхъ мужей, а особенно у васъ. Ибо знаемъ по преемству памяти, наученные отцами нашими и посланіями, понынѣ еще у насъ сохранившимися, что блаженнѣйшій епископъ Діонисій [1]), отличавшійся у васъ и правотою вѣры и прочими добродѣтелями, посѣщалъ своими письмами и нашу кесарійскую Церковь, утѣшалъ посланіями отцевъ нашихъ, и присылалъ нарочныхъ людей выкупать изъ плѣна рабства. А нынѣ дѣла наши еще болѣе въ затруднительномъ и печальномъ положеніи, и требуютъ усильнѣйшаго попеченія; потому что оплакиваемъ не земныхъ зданій разрушеніе, но отъятіе у насъ церквей, и видимъ не тѣлесное рабство, но плѣненіе душъ, ежедневно производимое поборниками ереси; почему, если теперь не подвигнетесь на помощь, то чрезъ нѣсколько времени не найдете, кому подать руку; потому что всѣ будутъ покорены преобладающею ересію.

67. Къ Григорію (71).

Изъявляетъ скорбь свою, что люди, весьма къ нему расположенные, охотно выслушиваютъ клеветника, противъ котораго не почитаетъ нужнымъ защищаться; винитъ Григорія, что не проводитъ съ нимъ большую часть года, и проситъ его вспомоществованія противъ своего противника. (Писано 371 года).

Получилъ я письмо твоего благоговѣнія съ достопочтеннѣйшимъ братомъ Еллиніемъ, и что начерталъ ты мнѣ, то онъ пересказалъ изустно; а съ какимъ расположеніемъ выслушалъ это я, безъ сомнѣнія, въ томъ не сомнѣваешься. Впрочемъ, поелику рѣшился я любовь къ тебѣ ставить выше всякой скорби, то и сіе принялъ, какъ надлежало, и молю святаго Бога, чтобы остальные дни и часы сохранить мнѣ себя въ томъ же къ тебѣ расположеніи, въ какомъ пребылъ въ предшествовавшее сему время,

---

[1]) Преемникъ папы Сикста съ 261 года.

въ которое, какъ самъ сознаю, не погрѣшилъ предъ тобою ни въ чемъ, ни въ великомъ, ни въ маломъ. Если же человѣкъ, не давно принявшій на себя трудъ приникнуть въ жизнь христіанскую, а потомъ возмечтавшій, что принесетъ ему нѣкоторую честь столкновеніе со мною, слагаетъ, чего не слыхалъ, и разсказываетъ, чего не выразумѣлъ; то и сіе не удивительно. А удивительно и странно то, что между самыми искренними ко мнѣ у васъ братьями находитъ онъ слушателей для такихъ разсказовъ, даже не только слушателей, но, какъ видно, и учениковъ. Точно, при другихъ обстоятельствахъ было бы это странно, что подобный человѣкъ учитъ, и что очерняетъ онъ меня; но эти несчастныя времена научили меня ничѣмъ не оскорбляться. Ибо давно по грѣхамъ моимъ привыкъ я встрѣчать и большее сего безчестіе.

Итакъ, не далъ я еще братіямъ его извѣдать мое мнѣніе о Богѣ, и теперь ничего не могу отвѣчать. Ибо кого не убѣдило продолжительное время, тѣхъ убѣдитъ ли краткое письмо? Если же достаточно и прежняго, то пусть почтены будутъ бреднями слова клеветниковъ. По крайней мѣрѣ, если не обузданнымъ устамъ и не обученнымъ сердцамъ дозволимъ говорить, что захотятъ, а сами будемъ имѣть готовый слухъ къ принятію сего, то пусть не только мы принимаемъ чужія рѣчи, но и другіе принимаютъ наши.

Причиною же сему то, о прекращеніи чего давно уже просилъ я, и о чемъ нынѣ утомившись молчу, именно, что мы съ тобою не видимся другъ съ другомъ. Ибо, если бы, по старымъ условіямъ и ради лежащаго на насъ попеченія о церквахъ, большую часть года проводили мы вмѣстѣ; то не имѣли бы къ намъ доступа клеветники. Но ты, если угодно, оставь ихъ въ покоѣ; самъ же склонись на мою просьбу, раздѣли мой трудъ въ предлежащемъ подвигѣ, и выступи со мною противъ ополчившагося на меня. Ибо, если только явишься, остановишь его стремленіе, разсыплешь собравшихся на ниспроверженіе благоустройства въ отечествѣ, какъ скоро дашь имъ о себѣ знать, что самъ ты по благодати Божіей предводительствуешь нашимъ соборомъ; и заградишь всякія неправедныя уста глаголющихъ на Бога беззаконіе. Если будетъ это, то сами дѣла покажутъ, кто твой послѣдователь въ прекрасномъ, и кто храмлетъ, и по робости измѣняетъ слову истины. А если дѣло Церкви будетъ предано, то не велика для меня важность убѣдить словами тѣхъ, которые столько же оказываютъ ко мнѣ уваженія, сколько оказали бы люди не научившіеся еще полагать мѣру себѣ самимъ. Ибо вскорѣ, по благодати Божіей, свидѣтельство самыхъ дѣлъ изобличитъ клевету; потому что ожидаю за слово истины пострадать, можетъ быть, и большее что-нибудь, а если не такъ, то, безъ сомнѣнія, быть изгнаннымъ изъ Церкви и отечества. Если же ожидаемое не исполнится, то не далекъ судъ Христовъ. Почему, если желаешь сви-

данія ради Церквей, готовъ я прійдти къ тебѣ, куда ни позовешь: а если желаешь для того, чтобы отразилъ я клеветы, то нѣтъ у меня времени отвѣчать теперь на это.

68. Къ Исихію (72).

Просить его содѣйствовать въ умилостивленіи Каллисѳена, раздраженнаго противъ Евстохія. (Писано около 371 года).

Знаю и любовь твою ко мнѣ и ревность къ прекрасному. Почему, имѣя нужду упросить возлюбленнѣйшаго сына Каллисѳена, разсудилъ, этой заботѣ. Каллисѳенъ раздраженъ противъ ученѣйшаго Евстохія, и этой заботѣ. Каллисѳенъ раздраженъ противъ ученѣйшаго Евстохія, и раздраженъ справедливо. Онъ жалуется на дерзость и наглость передъ нимъ Евстохіевыхъ служителей. Мнѣ желательно упросить его, чтобы, удовольствовавшись страхомъ, въ какой привелъ и покусившихся на дерзость и ихъ господъ, явилъ свою милость и прекратилъ тяжбу. Ибо чрезъ это пріобрѣтетъ то и другое, и почтеніе у людей, и благоволеніе у Бога, если къ страху соблаговолитъ присоединить и великодушіе. Посему и ты, если была у тебя какая дружба и пріязнь съ Каллисѳеномъ, проси у него этой милости, и если знаешь кого въ городѣ, кто въ состояніи уговорить его, пріими таковыхъ въ общники въ семъ дѣлѣ, сказавъ имъ, что сдѣланное ими будетъ мнѣ весьма пріятно. Отпусти и содіакона по окончаніи имъ того, за чѣмъ былъ присланъ. Ибо стыдно мнѣ, что не могу ничего сдѣлать полезнаго для людей ко мнѣ прибѣгающихъ.

69. Къ Каллисѳену (73).

Хвалитъ его за то, что рѣшеніе по дѣлу о служителяхъ Евстохія предоставляетъ св. Василію, и недоумѣваетъ, для чего требуетъ къ себѣ на лице сихъ служителей, какъ бы не удовлетворяясь судомъ церковнымъ. (Писано около 371 года).

Прочитавъ письма твоего благородства, возблагодарилъ я Бога, во-первыхъ, за то, что пришло ко мнѣ привѣтствіе отъ человѣка, вознамѣрившагося почтить меня, потому что высоко цѣню бесѣду съ людьми совершенными; во-вторыхъ, за доставленную мнѣ радость, что заслужилъ я добрую о себѣ память. А знакомъ памяти—письмо, изъ котораго какъ скоро получилъ и вникнулъ въ смыслъ его, съ удивленіемъ увидѣлъ, что дѣйствительно, по общему всѣхъ предположенію, воздано мнѣ отеческое уваженіе. Ибо то самое, что человѣкъ разгоряченный, прогнѣванный, готовый мстить огорчившимъ его, много сократилъ свою стремительность и на мою волю предоставилъ сіе дѣло, даетъ мнѣ поводъ порадоваться о тебѣ, какъ о духовномъ сынѣ. Поэтому, что иное остается, какъ пожелать тебѣ за сіе благъ, да будешь друзьямъ пріятенъ, врагамъ страшенъ, а всѣмъ равно досточестенъ, чтобы и не воздавшіе тебѣ чего либо долж

наго, пришедши въ сознаніе твоей кротости, сами себя укорили, что погрѣшили противъ такого человѣка?

Итакъ, поелику, приказывалъ ты привести служителей на то мѣсто, гдѣ произвели они безпорядокъ, то желаю знать намѣреніе, съ какимъ требуетъ сего твоя доброта. Ибо, если самъ прибудешь, и самъ предашь наказанію дерзкихъ, то служители явятся. Да и чему быть иначе, если такъ рѣшено тобою? Впрочемъ, не знаю, какую же милость получимъ мы, если не въ состояніи будемъ избавить служителей отъ наказанія. А если задержатъ тебя какія дѣла на дорогѣ; кто встрѣтитъ тамъ этихъ людей? Кто будетъ вмѣсто тебя наказывать ихъ? Но если тебѣ угодно, чтобы явились они къ тебѣ на глаза, и это непремѣнно рѣшено; то прикажи имъ представляться къ тебѣ на дорогѣ до Сасимовъ, а самъ покажи кротость и великодушіе своего нрава. Ибо, получивъ въ свою власть раздражившихъ тебя, и тѣмъ доказавъ, что нельзя презирать твоего достоинства, оставь ихъ, какъ просилъ я въ прежнемъ письмѣ, невредимыми, и мнѣ оказавъ тѣмъ милость, и отъ Бога ожидая себѣ воздаянія за свой поступокъ.

И говорю это не потому, что такъ и должно кончиться, но уступая душевному твоему движенію, и опасаясь, чтобы не осталось въ тебѣ не переварившейся сколько нибудь раздражительности, и какъ воспаленнымъ глазамъ самыя нѣжныя пособія кажутся болѣзненными, такъ и слово мое теперь не ожесточило тебя больше, чѣмъ успокоило. Ибо всего прилитнѣе было бы предоставить взысканіе мнѣ; это и тебѣ послужило бы великимъ украшеніемъ, и мнѣ доставило бы достаточный поводъ къ похвалѣ предъ друзьями моими и сверстниками. Безъ сомнѣнія же, если и поклялся ты предать ихъ наказанію по законамъ, то мое вразумленіе не легче для наказываемыхъ, и законъ Божій не маловажнѣе узаконеній, получившихъ силу въ общежитіи. Но возможно было и то, чтобы они, исправленные по нашимъ законамъ, въ которыхъ и самъ ты полагаешь надежду спасенія, и тебя освободили отъ необходимости давать клятву, и сами понесли наказаніе, соразмѣрное ихъ проступкамъ.

Но опять дѣлаю письмо свое длиннымъ; ибо отъ великаго усилія сдѣлаться для тебя убѣдительнымъ не могу смолчать, какъ скоро приходитъ мнѣ что нибудь на мысль, опасаясь, чтобы просьба моя не осталась недѣйствительною отъ того, что предложенное мною наставленіе недостаточно. А ты, досточестнѣйшій и истинный питомецъ Церкви, подтверди и мои надежды, какія на тебя имѣю теперь, и согласные всѣхъ отзывы о твоей чинности и кротости, и напиши приказаніе—скорѣе оставить насъ этому воину, который доселѣ не упускалъ случая досаждать и обижать, рѣшившись лучше тебя одного не оскорбить, чѣмъ приблизить къ себѣ и сдѣлать друзьями всѣхъ насъ.

70. Къ Мартиніану (74).

Изображеніемъ бѣдствій своего отечества убѣждаетъ, лично или письменно представить императору о гибельныхъ послѣдствіяхъ раздѣленія Каппадокіи. (Писано въ 371 году).

Какъ высоко, думаешь ты, оцѣнилъ бы я это счастіе—встрѣтиться намъ когда нибудь другъ съ другомъ, и пробыть мнѣ съ тобою столько времени, чтобы насладиться всѣми твоими совершенствами? Ибо, если сильнымъ доказательствомъ учености служитъ—увидѣть многолюдные города и узнать ихъ нравы; то, думаю, это же самое въ короткое время доставитъ твоя бесѣда. И какая разность, видѣть ли многихъ по одному, или одного, совмѣстившаго въ себѣ опытность всѣхъ? Но скорѣе и въ большей мѣрѣ назвалъ бы я превосходнымъ то, что доставляетъ не затруднительное вѣдѣніе прекраснаго и собираетъ познанія добродѣтели, чистыя отъ примѣси съ худшимъ. Отличный ли поступокъ, слово ли достойное памятованія, постановленія ли мужей, которые стали гораздо выше другихъ,—все это собрано въ сокровищницѣ души твоей; такъ что не одинъ только годъ, какъ Алкиной Улисса, но цѣлую жизнь свою желалъ бы слушать тебя, и согласился бы, чтобы для этого самая жизнь была продолжительна, сколько ни обременяюсь я своею жизнію.

Итакъ почему же теперь пишу, когда надлежало бы прійти самому? Потому, что зоветъ меня къ себѣ страждущее отечество. Ибо не безъизвѣстно тебѣ, превосходнѣйшій, что потерпѣло оно; его, какъ Пенеея, растерзали какіе-то, въ подлинномъ смыслѣ, демоны, Менады; его дѣлятъ и подраздѣляютъ на части, какъ худые врачи, своею неопытностію, дѣлаютъ раны еще болѣе неизлечимыми. Поэтому, поелику оно страждетъ отъ раздѣленія, нужно уврачевать его, какъ недужное. Потому граждане писали ко мнѣ прося поспѣшить; и необходимо идти не потому, что помогу чѣмъ нибудь дѣлу, но для того, чтобы самому избѣжать упрека, если оставлю безъ помощи. Ибо самъ знаешь, что находящіеся въ затруднительномъ положеніи, какъ легко предаются надеждѣ, такъ скоры бываютъ на упреки, всегда слагая вину на то, въ чемъ сдѣлано упущеніе.

Впрочемъ, и по этому самому надлежало бы мнѣ свидѣться съ тобою, и сообщить тебѣ свою мысль, лучше же сказать, попросить тебя, чтобы придумалъ ты что нибудь отважное и приличное твоему благоразумію, не презрѣлъ нашего отечества, преклонившаго колѣна, но, явясь въ воинскій станъ, сказалъ съ свойственнымъ тебѣ дерзновеніемъ: „не думайте, что вмѣсто одной области пріобрѣли вы двѣ; потому что не изъ другаго какого царства взяли другую, но поступили подобно человѣку, который, пріобрѣтя себѣ коня или вола, и потомъ разсѣкши его на-двое думаетъ, что вмѣсто одного стало у него два; между тѣмъ какъ не только не сдѣлалъ двухъ, но испортилъ и одного“; а также и сильнымъ при Дворѣ сказалъ

бы: „не этимъ способомъ расширяйте царство: сила не въ числѣ, а въ самыхъ вещахъ“. Ибо думаю, что теперь не обращаютъ вниманія на происходящее, одни, можетъ быть, по незнанію истины, другіе потому, что не хотятъ огорчить словами, и иные потому, что нѣтъ имъ дѣла до этого. А если бы можно было дойдти тебѣ къ самому царю, это всего лучше помогло бы дѣлу, и сообразно было бы съ прекраснымъ предначертаніемъ жизни твоей. Если же это сколько нибудь трудно и по времени года и по лѣтамъ, съ которыми, какъ самъ говоришь, неразлучна лѣность; то нѣтъ никакого труда написать тебѣ. Почему, оказавъ помощь отечеству письмомъ своимъ, во-первыхъ, самъ въ себѣ будешь сознавать, что не преминулъ сдѣлать все, по мѣрѣ силъ своихъ, а потомъ, и страждущимъ подашь достаточное утѣшеніе тѣмъ самымъ, что покажешь себя сострадательнымъ.

Но, если бы можно было самому тебѣ вступиться въ дѣла и своими глазами увидѣть горестное положеніе! Тогда, можетъ быть, подвигнутый самою ясностью видимаго, изрекъ бы ты какое нибудь слово, приличное и высотѣ твоего духа и унынію города. Не откажись же вѣрить тому, что пересказываемъ мы. Подлинно, намъ нуженъ Симонидъ, или другой подобный стихотворецъ, умѣющій трогательно оплакивать бѣдствія. Но что говорю: Симонидъ? Надлежало бы сказать, чтобы Есхилъ, или другой кто подобный ему, живо изображающій великость несчастія, сталъ велегласно сѣтовать. Прекратились уже у насъ эти собранія, и рѣчи, и сходбища на площади мужей ученыхъ, и все, что дѣлало прежде городъ нашъ именитымъ. Почему рѣже теперь увидишь, чтобы выступилъ кто на площадь изъ занимающихся обученіемъ или витійствомъ, нежели какъ видали прежде въ Аѳинахъ—людей заклейменныхъ безчестіемъ или съ нечистыми руками. А на мѣсто ихъ введено туда невѣжество какихъ то Скиѳовъ или Массагетовъ. Только и слышенъ голосъ объявляющихъ искъ, подвергаемыхъ взысканію, наказываемыхъ бичами. Крытые переходы, съ обѣихъ сторонъ оглашаемые печальными звуками, повидимому, сами издаютъ голосъ, стеная о происходящемъ. Опасеніе за самую жизнь не позволяетъ намъ подумать о томъ, что училища закрыты, и по ночамъ не бываетъ освѣщенія. Ибо не мала опасность, когда съ удаленіемъ властей, какъ съ паденіемъ подпоръ, все рушится. И какое слово изобразить наши бѣдствія? Иные, и именно составляющіе у насъ не худую часть совѣтодательнаго сословія, предаются бѣгству, вѣчное изгнаніе предпочитая Поданду. А когда говорю о Подандѣ, представляй себѣ лакедемонскій Кеадъ [1]), или другую, самой природою изрытую пропасть,

[1]) „Кеадомъ“ называлась пропасть, въ которую Лакедемоняне низвергали приговоренныхъ къ смерти. См. Павзанія кн. 4, гл. 18.

если видалъ ты во вселенной одну изъ тѣхъ пропастей, дышащихъ тле-творнымъ воздухомъ, которыя инымъ само собою пришло на мысль на-зывать Хароніями[1]). Подобнымъ чему-то такому представляй себѣ и этотъ Подандъ. Итакъ изъ трехъ частей одни спасаются бѣгствомъ, под-нявшись съ своими женами и домами, другіе уводятся какъ плѣнники, и это большая часть людей знаменитыхъ въ городѣ; они составляютъ жалкое зрѣлище для друзей, на нихъ выполняются желанія враговъ, если только дѣйствительно былъ у насъ такой зложелатель. Остается же третья часть; и они-то, не перенося разлуки съ людьми близкими, и вмѣстѣ сознавая себя безсильными удовлетворить своимъ нуждамъ, от-рекаются отъ самой жизни.

Сіе-то просимъ тебя сдѣлать явнымъ для всѣхъ, изобразить соб-ственнымъ своимъ словомъ и съ свойственнымъ тебѣ дерзновеніемъ, на которое даетъ тебѣ право жизнь твоя; просимъ предсказать ясно, что, если не перемѣнятъ вскорѣ своего намѣренія, то не будетъ уже и тѣхъ, кому бы могли оказать свое человѣколюбіе. Этимъ или принесешь ты пользу общему дѣлу, или, по крайней мѣрѣ, поступишь какъ Солонъ, ко-торый, не въ состояніи будучи защищать оставленныхъ гражданъ, потому что городская крѣпость была уже взята, облекшись въ оружіе, сѣлъ у дверей, и своимъ вооруженіемъ давалъ знать, что не согласенъ онъ на то, что сдѣлано. Вѣрно же знаю, что, если кто и не пріймет теперь твоего мнѣнія, то вскорѣ потомъ воспишетъ тебѣ самую высокую похвалу за доброе расположеніе и благоразуміе, когда увидитъ дѣла исполнившимися по твоему предреченію.

71. Къ Авургію.

Изображеніемъ бѣдствій отечественнаго города убѣждаетъ его употребить силу свою на вспоможеніе гражданъ. (Писано въ 371 году).

Изъ многаго, что возвысило нравъ твой надъ другими, ничто тебѣ столько не свойственно, какъ усердіе къ отечеству; и ты воздаешь ему справедливый долгъ, потому что, начавъ службу въ немъ, достигъ такой высоты, что въ цѣлой вселенной извѣстна твоя знаменитость. И сіе-то отечество, которое тебя произвело и воспитало, дошло до неимовѣрности повѣствуемаго въ древнихъ сказаніяхъ; никто изъ пришедшихъ въ нашъ городъ, хотя бы и очень былъ съ нимъ знакомъ, не узналъ бы его. Такъ внезапно превратился въ совершенную пустыню; потому что многіе изъ должностныхъ людей и прежде были у него отняты, а нынѣ почти всѣ переселены въ Подандъ. Остальные же, лишась ихъ, и сами впа-

[1]) Названіе: „Харонія“ первоначально принадлежало одному источнику въ хре-немъ Лаціумѣ, котораго воды издавали заразительные пары. Плин. Естест. Истор. кн. 2 глава 23.

въ совершенное отчаяніе, и во всѣхъ произвели такое тяжкое уныніе, что оскудѣваетъ уже и число жителей въ городѣ, и здѣсь стала страшная пустыня, жалкое зрѣлище для друзей, но доставляющее много радости и отваги тѣмъ, которые издавна ждутъ нашего паденія. Чье же дѣло— подать намъ руку, или кому прилично пролить о насъ сострадательную слезу, какъ не твоей кротости? Ты оказалъ бы состраданіе и къ чужому городу въ подобныхъ злостраданіяхъ, а не только къ тому, который произвелъ тебя на свѣтъ. Поэтому, если имѣешь какую силу, покажи намъ ее теперь въ настоящей нуждѣ. Но безъ сомнѣнія, ты получилъ большій вѣсъ отъ Бога, Который не оставилъ тебя ни въ какое время, и далъ тебѣ много доказательствъ Своего благоволенія; если только самъ ты захочешь рѣшительно приступить къ попеченію о насъ, и какую имѣешь силу, употребить на помощь гражданамъ.

72. Къ Софронію магистру (76).

По причинѣ болѣзни и попеченія о Церкви, не имѣя возможности ѣхать къ Софронію, проситъ его вступиться въ бѣдственное положеніе Каппадокіи. (Писано въ 371 году).

Великость бѣдствій, постигшихъ наше отечество, принуждала самого меня идти въ воинскій станъ, и о печали, въ какую облеченъ нашъ городъ, пересказать твоему высокородію и всѣмъ прочимъ, которые имѣете наибольшую силу въ дѣлахъ. Но поелику удерживаютъ меня и тѣлесная немощь и попеченіе о Церквахъ; то поспѣшилъ я пока въ письмѣ излить скорбь свою предъ твоимъ великодушіемъ, извѣщая тебя, что ни одна ладья, сильнымъ порывомъ вѣтровъ потопляемая въ морѣ, никогда не исчезала такъ внезапно, и ни одинъ городъ, сокрушенный землетрясеніемъ или затопленный водами, не подвергался такому внезапному уничтоженію, какъ мгновенно нашъ городъ, поглощенный этимъ новымъ распорядкомъ дѣлъ, дошелъ до совершенной погибели. И мы сдѣлались притчею. Ибо не стало у насъ градоправленія, все сословіе гражданъ въ унынии объ утратѣ правителей: они оставили свое жительство въ городѣ и скитаются по селамъ. Нѣтъ уже распоряженія въ самомъ необходимомъ, и совершенно невиданнымъ зрѣлищемъ сталъ городъ, хвалившійся прежде мужами учеными и всѣмъ прочимъ, чѣмъ изобилуютъ города не бѣдные. Но въ сихъ бѣдствіяхъ, какъ разсудили мы, одно для насъ утѣшеніе,—оплакать свои страданія предъ твоей кротостію и просить, чтобы ты, если можешь, подалъ руку помощи нашему городу, преклонившему колѣна. А какимъ способомъ долженъ ты пособить дѣлу нашему, не могу объяснить сего самъ, безъ сомнѣнія же, и легко изобрѣсти тебѣ это по своему благоразумію, и не трудно воспользоваться изобрѣтеннымъ по данной тебѣ отъ Бога силѣ.

73. Безъ надписи (77).

Чиновнику правителя каппадокійскаго Ѳирасія (вѣроятно, Елпидію) совѣтуетъ раздѣлить съ нимъ правителемъ труды его по случаю раздѣленія Каппадокіи на двѣ области, и надѣется на скорое съ нимъ свиданіе. (Писано въ 371 году).

Въ доброе начальство великаго Ѳирасія наслаждались мы и тѣмъ, что часто видѣли прибытіе къ намъ твоей учености. И въ этомъ же терпимъ утрату, лишившись градоправителя. Но поелику однажды даровалное намъ Богомъ пребываетъ постоянно, и съ помощію памяти переходя отъ одного къ другому, вселяется въ душахъ нашихъ; то, хотя и раздѣлены мы тѣлесно, будемъ по крайней мѣрѣ часто писать и сообщать другъ другу, что нужно, особливо теперь, когда зима заключила съ нами это кратковременное перемиріе. Надѣюсь же, что не оставишь ты сего дивнаго мужа Ѳирасія, признавъ для себя приличнымъ участвовать съ нимъ въ подобныхъ заботахъ и не безъ разума воспользовавшись случаемъ, который доставляетъ возможность и тебѣ видѣть друзей, и имъ тебя. Многое и о многомъ имѣю говорить съ тобою, но откладываю сіе до свиданія, почитая не безопаснымъ подобныя вещи повѣрять письму.

74. Безъ надписи (78).

Проситъ исходатайствовать у правителя Каппадокіи, чтобы Елпидій былъ оставленъ на службѣ въ сей области. (Писано въ 371 году).

Не безъизвѣстно мнѣ доброе твое усердіе къ достопочтеннѣйшему товарищу моему Елпидію; потому что, по обычному своему благораумію, доставилъ ты градоправителю случай оказать человѣколюбіе. Поэтому теперь письмомъ симъ прошу тебя довершить эту милость и напомнить градоправителю, чтобы надлежащимъ предписаніемъ утвердилъ начальникомъ въ нашемъ отечествѣ этого человѣка, на которомъ лежала вся почти забота о дѣлахъ общественныхъ. Почему можешь представить градоправителю много благовидныхъ предлоговъ, по которымъ необходимо прикажетъ остаться ему въ нашемъ отечествѣ. А въ какомъ положеніи здѣшнія дѣла, и сколько способенъ къ дѣламъ этотъ человѣкъ, о семъ, конечно, не потребуешь свѣдѣній отъ меня; потому что самъ, по своему благоразумію и мудрости, сіе знаешь.

75. Къ Евстаѳію, епископу севастійскому (79).

Благодаритъ его за письмо и за доставившаго оное Елевсинія, который помогъ св. Василію въ борьбѣ съ градоправителемъ и царскимъ постельничимъ. (Писано въ 371 году).

И до полученія письма зналъ я, сколько заботишься о всякой душѣ, а преимущественно о моемъ смиреніи, потому что изведенъ я на этотъ

подвигъ. А получивъ письмо отъ досточестнѣйшаго Елевсинія и увидѣвъ самое его прибытіе, прославилъ я Бога, Который въ подвигѣ за благочестіе даровалъ мнѣ таковаго защитника и сподвижника, оказавшаго духовное вспомоществованіе. Да знаетъ же несравненное твое богочестіе, что у меня были уже нѣкоторыя и притомъ сильныя ошибки съ великими градоправителями, при чемъ градоначальникъ и постельничій пристрастно говорили въ пользу противниковъ. Но пока непоколебимо выдержалъ я всѣ нападенія, по милости Бога, Который даровалъ мнѣ содѣйствіе Духа, и Самъ облекъ силою мою немощь.

76. Къ Аѳанасію, архіепископу александрійскому (80).

Проситъ его, какъ единственную надежду бѣдствующей Церкви, не оставлять своими молитвами и письмами, особенно же изъявляетъ желаніе съ нимъ видѣться. (Писано въ 371, или въ началѣ 372 года).

Въ какой мѣрѣ распространяются недуги въ Церквахъ, въ такой же и мы всѣ обращаемся къ твоему совершенству, увѣренные, что намъ остается одно утѣшеніе въ бѣдахъ—твое покровительство. Кто, хотя сколько нибудь, по слуху или по опыту, знаетъ твое совершенство, всѣ равно увѣрены, что ты спасешь насъ отъ этой страшной непогоды и силою молитвъ, и нужными свѣдѣніями, какъ придумать въ дѣлахъ наилучшее. Поэтому не переставай и молиться о душахъ нашихъ, и одобрять насъ письмами. Если бы зналъ ты, какая польза отъ твоихъ писемъ; то никакъ не преминулъ бы ни одного представившаго случая писать къ намъ. А если бы при содѣйствіи твоихъ молитвъ удостоились мы увидѣть тебя и насладиться тѣхъ благъ, какими ты преисполненъ, и къ сказанію о нашей жизни присовокупить свиданіе съ твоей подлинно великою и апостольскою душею; то, безъ сомнѣнія, заключили бы о себѣ, что, по Божію человѣколюбію, пріобрѣли мы утѣшеніе, вознаграждающее за всѣ скорби, какія претерпѣли въ цѣлой жизни своей.

77. Къ епископу Иннокентію (81).

Отрекаясь, по смерти Иннокентія, принять на себя попеченіе о Церкви его, предлагаетъ ему въ преемники одного пресвитера, и обѣщаетъ прислать его вмѣсто другаго, котораго просилъ самъ Иннокентій. (Писано въ 372 году).

Сколько радъ я былъ, получивъ письмо любви твоей, столько же опечалился, что наложилъ ты на меня бремя заботы, превышающей силы мои. Ибо какъ буду въ состояніи изъ такого отдаленія съ успѣхомъ распорядиться такимъ множествомъ дѣлъ? Пока Церковь имѣетъ еще васъ, она покоится, какъ на собственныхъ своихъ опорахъ. А если Господь строитъ что-нибудь о вашей жизни, то кого равночестнаго вамъ

здѣсь могу послать для попеченія о братіи? Чего требовалъ ты в письмѣ, это дѣло прекрасное и благоразумное: желаешь при жизни знать, кто будетъ по тебѣ управлять избраннымъ стадомъ Господнимъ; и блаженный Моисей желалъ знать это, и узналъ. Но поелику городъ великъ и знатенъ, и трудъ твой пресловутъ у многихъ, времена же трудныя; по причинѣ непрестанныхъ бурь и волненій, воздвигающихся на Церковь, потребенъ кормчій сильный: то почелъ я не безопаснымъ для души своей распорядиться симъ дѣломъ неосмотрительно, особливо при поминая писанное тобою, что станешь противъ меня предъ Господомъ, и будешь судиться со мною за нерадѣніе о Церквахъ. Итакъ, чтобы не вступить съ тобою въ судъ, а лучше найдти въ тебѣ сообщника къ оправданію моему предъ Христомъ, обозрѣвъ весь сонмъ градскихъ пресвитеровъ, избралъ я честнѣйшій сосудъ, воспитанника блаженнаго Гермогена, который на великомъ Соборѣ написалъ великое и непререкаемое исповѣданіе вѣры, много уже лѣтъ пресвитерствующаго въ церкви, постояннаго нравомъ, свѣдующаго въ церковныхъ правилахъ, строгаго въ вѣрѣ, до нынѣ пребывающаго въ воздержаніи и подвижничествѣ, хотя непрерывность суровой его жизни изможднла уже тѣло его, человѣка бѣднаго, у котораго нѣтъ никакихъ прибытковъ въ этомъ мірѣ, почему и хлѣба не имѣетъ въ достаткѣ, но трудами рукъ, вмѣстѣ съ братіями съ нимъ живущими, добываетъ пропитаніе. Его-то рѣшаюсь послать. Итакъ, если нуженъ тебѣ такой человѣкъ, а не другой кто моложе лѣтами, и годный только для одного, чтобы послать куда и исправить жи тейскія потребы; то благоволи скорѣе написать при первомъ случаѣ, чтобы выслалъ я къ тебѣ сего мужа, подлинно Божія избранника, спо собнаго къ дѣлу, почтеннаго для собесѣдующихъ съ нимъ и съ кротостію вразумляющаго противомыслящихъ. Я могъ бы послать его и те перь. Но поелику самъ ты предварительно требовалъ себѣ человѣка, хотя въ другихъ отношеніяхъ прекраснаго и мнѣ любезнаго, но въ сравнени съ упомянутымъ теперь мужемъ во многомъ недостаточнаго; то разсудил я открыть тебѣ свою мысль, чтобы, если нуженъ тебѣ такой человѣкъ или прислалъ ты кого изъ братій взять его съ собою около поста, или на писалъ ко мнѣ, когда не къ кому у тебя принять на себя трудъ совершить къ намъ путешествіе.

78. Къ Аѳанасію, архіепископу александрійскому (82).

Проситъ написать общее посланіе ко всѣмъ епископамъ, желающимъ единенія, и если и дозрѣваетъ ихъ, прислать оное къ св. Василію. (Писано въ 371, или въ началѣ 372 года

Когда обращаемъ вниманіе на дѣла, и видимъ затрудненія, кото рыми всякое доброе дѣйствіе, какъ бы какими узами задерживаемо

останавливается; тогда приходимъ о себѣ въ совершенное отчаяніе. А когда обратимъ опять взоръ на твое священнолѣпіе, и разсудимъ, что Господь соблюлъ намъ тебя врачемъ церковныхъ недуговъ; тогда возвращаемъ себѣ разсудокъ, и изъ глубокаго отчаянія востаемъ къ надеждѣ лучшаго. Разслабѣваетъ вся Церковь, какъ не безъизвѣстно и твоему благоразумію; и конечно, какъ бы съ высокаго какого стражбища, созерцающимъ умомъ своимъ видишь ты, гдѣ что ни дѣлается; видишь, что какъ среди моря, при великомъ числѣ вмѣстѣ плывущихъ, отъ сильнаго волненія всѣ вдругъ сталкиваются другъ съ другомъ, и кораблекрушеніе постигаетъ частію отъ внѣшней причины, приводящей море въ сильное движеніе, а частію отъ смятенія пловцевъ, которые другъ на друга напираютъ, и другъ друга тѣснятъ... Но достаточно и того, если остановимъ слово на семъ подобіи; потому что твоя мудрость и не требуетъ большаго, а положеніе дѣлъ не дозволяетъ намъ говорить смѣло. И кто же для этого будетъ надежнымъ кормчимъ? На кого можно положиться, что пробудитъ Господа, да запретитъ вѣтру и морю (Мате. 8, 26)? На кого другаго, кромѣ потрудившагося съ дѣтства въ подвигахъ за благочестіе? Итакъ, поелику нынѣ всѣ, сколько есть насъ здравыхъ по вѣрѣ, искренно стремятся къ общенію и единенію съ единомыслящими; то смѣло обращаемся съ прошеніемъ къ твоему незлобію; напиши всѣмъ намъ одно посланіе, въ которомъ бы заключался совѣтъ, что намъ дѣлать. Ибо такъ хотятъ, чтобы тобою положено было начало сихъ общительныхъ бесѣдъ. А поелику, можетъ быть, по воспоминанію о прошедшемъ, кажутся они тебѣ подозрительными; то поступи такъ, благолюбивѣйшій отецъ: письма къ епископамъ перешли ко мнѣ, или чрезъ кого либо изъ вѣрныхъ тебѣ, или чрезъ брата Дороѳея, нашего содіакона: и я, взявъ ихъ, не прежде отдамъ, какъ получивъ отъ нихъ отвѣты. А если не такъ, то „грѣшенъ буду къ тебѣ вся дни“ жизни моей (Быт. 43, 9). Безъ сомнѣнія же, не больше надлежало страшиться тому, кто первоначально сказалъ сіе отцу своему, сколько страшно теперь мнѣ, который говорю это тебѣ—духовному отцу. Если же ни подъ какимъ видомъ не соглашаешься на сіе; то, по крайней мѣрѣ, не обвиняй меня за это служеніе, какъ приступившаго къ сему ходатайству и посредству безъ коварства и хитрости, по тому только, что желаю мира и взаимнаго единенія между нами, единомудрствующими о Господѣ.

79. Чиновнику, облагающему податьми (83).

Проситъ его облегчить бѣдствія Каппадокіи и уменьшить подати съ имѣнія одного друга въ окрестностяхъ Хаманины. (Писано въ 372 году).

Очень непродолжительно было у меня знакомство и личное свиданіе съ твоимъ благородіемъ, но не мало и не маловажно, что знаю о тебѣ по

слуху, по какимъ свѣдѣніямъ въ связи я со многими изъ людей знатныхъ. Имѣю ли я и для тебя какое значеніе также по слухамъ, объ этомъ лучше знать тебѣ самому; но наше о тебѣ мнѣніе точно таково, какъ сказалъ я. Поелику Богъ позвалъ тебя на дѣло, представляющее случай показать человѣколюбіе, и которымъ можетъ быть поправлено наше отечество, совершенно втоптанное въ землю; то почитаю для себя приличнымъ напомнить твоей добротѣ, чтобы, въ надеждѣ воздаянія отъ Бога, благоволилъ ты явить себя милостивымъ, и какъ удостоиться безсмертной памяти, такъ содѣлаться наслѣдникомъ вѣчныхъ успокоеній, облегчивъ скорбь угнетенныхъ.

А какъ и у меня есть имѣніе въ окрестностяхъ Хаманины; то прошу позаботиться о немъ, какъ о своемъ собственномъ. Не дивись же, если называю своимъ принадлежащее друзьямъ, научившись, сверхъ прочихъ добродѣтелей, и дружбѣ, и помня мудрое изреченіе, что другъ есть другой я. Итакъ имѣніе значительное для друга поручаю твоей досточестности, какъ свое собственное, и умоляю тебя, обративъ вниманіе на затруднительное положеніе сего дома, дать имъ отраду и за прошлое время, и въ будущемъ сдѣлать для нихъ пріятнымъ это жилище, теперь ненавистное и неприступное по множеству наложенныхъ на него податей. Но постараюсь и самъ, свидѣвшись съ твоею вѣжливостію, переговорить обо всемъ совершеннѣе.

80. Къ правителю области (84).

Учтиво привѣтствуетъ сего правителя Каппадокіи, вѣроятно, Илію, и вмѣстѣ выговариваетъ, что четырехлѣтняго внука одного старца сдѣлалъ членомъ совѣта. (Писано въ 372 году).

Почти невѣроятно, что намѣреваюсь писать; однако же будетъ сіе написано ради истины, а именно: имѣя все желаніе, сколько возможно чаще бесѣдовать съ твоею правотою, когда открылся этотъ случай писать къ тебѣ, не кинулся я на сію нечаянную прибыль, но помедлилъ и не пользовался случаемъ. Итакъ странно въ семъ то, что прежде желалъ этого, а когда случилось, не принималъ. Причина же въ томъ, что стыжусь подать о себѣ мысль, будто всякій разъ пишу не чисто изъ дружбы, но удовлетворяя какой нибудь нуждѣ. Но и то пришло мнѣ на мысль (а желаю, чтобы и ты, разсудивъ это, не думалъ уже, будто вступаю съ тобою въ собесѣдованіе болѣе изъ выгодъ, нежели изъ дружбы): разговоръ съ начальниками долженъ имѣть какое нибудь отличіе отъ разговора съ людьми частными. Не одинаково надобно вести слово и съ врачемъ, съ первымъ встрѣчнымъ, съ начальникомъ, и съ человѣкомъ частнымъ, но должно употреблять стараніе, чтобы воспользоваться чѣмъ-либо для себя отъ искусства перваго и отъ власти другаго. Поэтому какъ за тѣмъ

кто ходитъ на солнцѣ, непремѣнно слѣдуетъ тѣнь, хотя бы и не желали того сами: такъ и бесѣда съ начальниками сопровождается, какъ придаточною какою выгодою, вспомоществованіемъ людямъ страждущимъ. Итакъ первою причиною письма пусть будетъ самое привѣтствіе твоему великодушію; это надо почесть добрымъ содержаніемъ письма, хотя бы не было никакого инаго предлога писать. И таково мое привѣтствіе тебѣ, превосходнѣйшій: да будешь хранимъ ты для цѣлаго свѣта, восходя отъ одной начальственной должности къ другой, и благодѣтельно покровительствуя то тѣмъ, то другимъ! Такое благожеланіе для меня обратилось уже въ привычку, а обязаны имъ тебѣ и тѣ, которые, хотя нѣсколько, испытывали твои начальственныя доблести.

Въ слѣдъ же за благожеланіемъ пріими и просьбу объ этомъ жалкомъ старцѣ, котораго и царская грамота освободила отъ общественныхъ должностей, лучше же сказать, которому еще прежде царя сама природа дала необходимое освобожденіе отъ дѣлъ. Но ты и самъ подтвердилъ оказанную свыше милость изъ уваженія къ природѣ, и, какъ мнѣ кажется, по предусмотрительности о благѣ народномъ, чтобы человѣкомъ, который по лѣтамъ выживаетъ уже изъ ума, не было подвергнуто опасности общее дѣло. Но для чего же ты, чудный, другимъ путемъ, самъ того не замѣчая, опять выводишь его на среду? Ибо внуку его, которому нѣтъ еще и четырехъ лѣтъ отъ рожденія, приказавъ участвовать въ совѣтодательномъ собраніи, что иное дѣлаешь, какъ не старца опять въ лицѣ внука снова вводишь въ дѣла общественныя? Но теперь прошу тебя умилосердиться надъ тѣмъ и другимъ возрастомъ, и обоихъ уволить, изъ жалости, приличной тому и другому. Ибо одинъ не видалъ и не зналъ родителей, но чужими руками введенъ въ сію жизнь, еще въ пеленахъ оставшись сиротою безъ отца и матери; а другой столько времени сохраняется для жизни, что ни одинъ родъ несчастій не миновалъ его: онъ видѣлъ преждевременную смерть сына, видѣлъ домъ, оставшійся безъ наслѣдниковъ; и теперь, если самимъ тобою не будетъ придумано что либо достойное твоего человѣколюбія, увидитъ, что и эта отрада въ безчадіи обратилась для него въ источникъ тысячи бѣдствій; потому что малолѣтній ни въ совѣтники включенъ не будетъ, ни податей собирать не станетъ, ни воинамъ заготовлять жизненные припасы, не по необходимости опять покроется стыдомъ сѣдина бѣднаго старца. Итакъ окажи милость согласную съ законами и сообразную съ природой, повелѣвъ одному быть въ покоѣ до мужескаго возраста, а другому на одрѣ ожидать смерти. А непрерывностію дѣлъ и настоятельностію нужды пусть отговариваются другіе. Ибо не въ твоемъ нравѣ—или оставлять безъ вниманія несчастныхъ, или не оказывать уваженія законамъ, или не дѣлать снисхожденія просящимъ друзьямъ. хотя бы люди завалили тебя дѣлами.

81. О томъ, что не должно клясться (85).

Святый Василій, который часто въ общихъ собраніяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ предлагалъ, чтобы сборщики податей не принуждали поселянъ къ клятвамъ, предлагаетъ о томъ же письменно. (Писано въ 372 году).

И при всякомъ собраніи не перестаю свидѣтельствовать, и наединѣ при свиданіяхъ говорить то же, чтобы при взысканіи общественныхъ податей сборщики не доводили поселянъ до клятвъ. Оставалось и на письмѣ предъ Богомъ и человѣками засвидѣтельствовать о томъ же, а именно, что надобно перестать вамъ, и не причинять смерти душамъ человѣческимъ, но придумать какіе нибудь другіе способы взысканій, и людямъ сдѣлать эту милость, чтобы души ихъ были невредимы. Пишу къ тебѣ объ этомъ не потому, что имѣешь ты нужду въ словесномъ увѣщаніи (у тебя и свои есть побужденія бояться Господа), но, чтобы всѣ, кто въ твоей зависимости, научились у тебя не раздражать Святаго, и въ запрещенномъ дѣлѣ худою привычкою не доводить себя до равнодушія къ Нему. Ибо нѣтъ имъ пользы отъ клятвъ и для самыхъ взысканій, а въ душѣ своей даютъ мѣсто всѣми признанному злу. Какъ скоро люди научаются нарушать клятву, они не спѣшатъ уже платить должное, но думаютъ, что клятва изобрѣтена для нихъ въ орудіе обмана и въ предлогъ къ отсрочкѣ платежа. Итакъ или скорое воздаяніе отъ Господа постигнетъ клятвопреступниковъ, и не кому будетъ исполнять требуемое, потому что подвергаемые суду истреблены уже наказаніемъ, или Владыка по долготерпѣнію Своему медлитъ наказаніемъ, и, какъ сказалъ я уже прежде, испытавшіе терпѣніе Господне презираютъ и благость Господню. Пусть же не нарушаютъ напрасно законовъ, и не раздражаютъ противъ себя Бога. Мною сказано, что былъ обязанъ я сказать: непокорные увидятъ это

82. Къ правителю области (86).

Проситъ, чтобы пресвитеру Дороѳею возвратили хлѣбный запасъ тѣ самые, кто расхитилъ его. (Писано въ 372 году).

Знаю, что у твоей досточестности самая великая и первая забота—всѣми мѣрами удовлетворять правосудію, а вторая—благодѣтельствовать друзьямъ и защищать прибѣгающихъ подъ покровительство твоего высокаго ума. Въ настоящемъ случаѣ все это стеклось вмѣстѣ. Дѣло, о которомъ приношу просьбу, и справедливо и пріятно мнѣ, котораго удостоилъ ты считать въ числѣ друзей своихъ, и нельзя въ немъ отказать призывающимъ твердость твою на помощь въ томъ, что они претерпѣли. Хлѣбный запасъ, какой былъ для необходимаго поддержанія жизни у возлюбленнѣйшаго брата Дороѳея, расхитили нѣкоторые изъ имѣющихъ

въ рукахъ своихъ правленіе общественными дѣлами въ Вирисахъ, дошедши до сего насилія, или сами собою, или по внушенію другихъ. Впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ поступокъ ихъ неизвинителенъ. Кто меньше дѣлаетъ несправедливости, тотъ ли, кто самъ въ себѣ худъ, или кто услуживаетъ злобѣ другихъ? Для потерпѣвшихъ обиду вредъ одинаковъ. Прошу, чтобы Дороеей получилъ съ тѣхъ, кѣмъ отнято, и чтобы имъ не дозволено было на другихъ слагать вину дерзкаго поступка. А въ какой мѣрѣ важно избѣжать нужды отъ недостатка въ пропитаніи, въ такой и мы оцѣнимъ милость твоего высокородія, если благоволишь оказать ее.

83. Безъ надписи (87).

Ходатайствуетъ о томъ же дѣлѣ.

Удивительно мнѣ, какъ при твоемъ посредствѣ осмѣлились такъ худо поступить съ сопресвитеромъ, что расхитили у него единственное, какое имѣлъ онъ, пособіе къ пропитанію. И что всего хуже, отважившіеся на сіе вину сдѣланнаго ими слагаютъ на тебя, которому надлежало не дозволять подобныхъ дѣлъ, а напротивъ того всѣми силами препятствовать, чтобы, если только можно, ни съ кѣмъ такъ не поступали, въ противномъ же случаѣ, по крайней мѣрѣ, съ пресвитерами и съ тѣми изъ нихъ, которые съ нами единодушны и идутъ тѣмъ же путемъ благочестія. Поэтому, если заботишься сколько нибудь о нашемъ спокойствіи, постарайся скорѣе поправить сдѣланное. Ибо съ Божіею помощію можешь и это, и еще большее этого, сдѣлать, если захочешь. Писалъ я и къ начальнику отечественнаго города, чтобы, если сами собою не захотятъ сдѣлать справедливости, то принудили ихъ къ этому, побудивъ судебнымъ порядкомъ.

84. Безъ надписи (88).

Проситъ отсрочить взносъ сборныхъ съ города денегъ или отослать до времени въ казнохранилище не полное ихъ количество. (Писано въ 372 году).

Досточестность твоя болѣе всякаго знаетъ затруднительность въ сборѣ запаснаго [1]) золота. У насъ нѣтъ еще другаго свидѣтеля нашей бѣдности, подобнаго тебѣ, который по великому человѣколюбію былъ къ намъ сострадателенъ, доселѣ поступалъ по возможности снисходительно, и изъ кроткаго состоянія нравовъ своихъ никогда не былъ выводимъ боязнію высшихъ властей. Итакъ, поелику намъ изъ всего количества остается еще внести нѣсколько золота, и это нужно собирать складчиною,

[1]) Съ восточныхъ областей Римской Имперіи, за исключеніемъ Озроены и Исавріи, на отдѣленіе воиновъ собиралось не вещами, но деньгами, и этотъ взносъ назывался πραγματευτικὸν Χρυσίον (запасное золото).

къ которой пригласили весь городъ, то просимъ твою снисходительность продолжить намъ нѣсколько срокъ, чтобы дать о семъ знать и живущимъ внѣ града; ибо какъ и самъ ты знаешь, многіе изъ состоящихъ въ окладѣ живутъ по селамъ. Поэтому, если возможно отослать деньги безъ такого числа литръ, сколько намъ осталось внести, то просимъ тебя сдѣлать это, а остальное будетъ послано въ послѣдствіи. Если же совершенно необходимо выслать въ казнохранилище все вдругъ; то, о чемъ я просилъ въ началѣ, положи намъ болѣе продолжительный срокъ.

85. Къ Мелетію, архіепископу Антіохійскому (89).

Выражая свое желаніе видѣться съ Мелетіемъ, проситъ молитвъ его о себѣ чрезъ Дороѳея, отправляемаго на западъ съ письмами, которыя предоставляетъ сочинить самому Мелетію. Извѣщаетъ о себѣ, къ кому изъ западныхъ писалъ уже; напоминаетъ Мелетію, что имъ должно быть положено начало къ общенію съ Аѳанасіемъ. (Писано въ 372 году).

Благій Богъ, открывая намъ случаи привѣтствовать твою досточестность, утоляетъ стремительность нашего желанія. Ибо Самъ Онъ свидѣтель, сколько вожделѣнно для насъ увидѣть лице твое и насладиться добрымъ и душеполезнымъ твоимъ ученіемъ. И теперь благоговѣйнѣйшему и ревностнѣйшему брату, содіакону Дороѳею, который идетъ къ тебѣ, поручаю просить тебя прежде всего помолиться обо мнѣ, чтобы не быть мнѣ преткновеніемъ для народа и препятствіемъ умилостивить Господа своими молитвами. А потомъ напоминаю, чтобы благоволилъ ты устроить все чрезъ упомянутаго брата. И если должно писать о чемъ къ западнымъ, такъ какъ письма необходимо должны быть доставлены къ нимъ кѣмъ нибудь изъ нашихъ, заставь написать письма сіи съ твоихъ словъ. Ибо я, встрѣтившись съ діакономъ Савиномъ, который присланъ къ намъ западными, писалъ къ иллирійскимъ, также къ италійскимъ и галльскимъ епископамъ, и къ нѣкоторымъ изъ писавшихъ ко мнѣ часто. А приличіе требуетъ, чтобы кто нибудь отъ общаго собранія посланный доставилъ имъ вторыя письма, которыя самъ прикажи написать.

И о достопочтеннѣйшемъ епископѣ Аѳанасіи напоминаю твоей совершенной мудрости, подробно знающей дѣло сіе, что мое письмо не можетъ имѣть успѣха и произвести что либо полезное, если не будетъ какимъ либо образомъ отъ васъ предложено ему то общеніе, въ которое тогда медлили вы принять его. Ибо сказываютъ: самъ онъ весьма склоненъ вступить съ нами въ сношенія и по возможности сблизиться, но огорченъ тѣмъ, что и тогда былъ отпущенъ непринятымъ въ общеніе, и до нынѣ остаются обѣщанія не исполненными.

А что дѣлается на востокѣ, конечно, не укрылось отъ слуха и твоего богочестія; подробнѣе же обо всемъ перескажетъ упомянутый братъ самъ

отъ себя. Соблаговоли послать его вскорѣ послѣ пасхи, потому что ожидаетъ отвѣтовъ изъ Самосатовъ. Прійми усердіе его, и укрѣпивъ молитвами, пошли на предлежащее дѣло.

86. Святѣйшимъ братіямъ и епископамъ на западѣ (90).

Описываетъ радость, съ какою на востокѣ приняты посланія западныхъ епископовъ и доставившій оныя Савинъ; изъявляетъ надежду свою на помощь западныхъ христіанъ, а для сего изображаетъ бѣдствія Церкви восточной; наконецъ свидѣтельствуетъ о согласіи восточныхъ на все, что сдѣлано западными на основаніи правилъ. (Писано въ 372 году).

Благій Богъ, Который всегда вмѣстѣ съ скорбями соединяетъ и утѣшеніе, и нынѣ при множествѣ болѣзней далъ намъ обрѣсти не малое нѣкое утѣшеніе въ письмахъ, которыя переслалъ къ намъ досточестнѣйшій отецъ нашъ, епископъ Аѳанасій, получивъ ихъ отъ вашего правдолюбія, и которыя содержатъ въ себѣ свидѣтельство здравой вѣры и доказательство вашего ненарушимаго единомыслія и единодушія, открывая намъ, что пастыри идутъ по слѣдамъ отцевъ, и народъ Господень пасутъ разумно. Все сіе такъ насъ обрадовало, что положило конецъ нашему унынію, и произвело въ душахъ нашихъ нѣкоторое кратковременное осклабленіе, при всемъ печальномъ положеніи дѣлъ, въ какомъ нынѣ находимся.

Господь же подалъ намъ еще большее утѣшеніе чрезъ сына нашего, благоговѣйнѣйшаго содіакона Савина, который, обстоятельно пересказавъ, что есть хорошаго у васъ, напиталъ души наши, и на опытѣ узнавъ наши дѣла, ясно извѣститъ васъ, чтобы прежде всего вступили вы за насъ въ подвигъ усильной и прилежной молитвы ко Господу, а потомъ не отказались подать и возможное съ вашей стороны утѣшеніе бѣдствующимъ Церквамъ. Ибо въ затрудненіи здѣшнія дѣла, досточестнѣйшіе братія; и при непрестанныхъ нападеніяхъ противниковъ, подобно какому нибудь кораблю, который среди моря сокрушаютъ одинъ за другимъ слѣдующіе удары волнъ, Церковь изнемогаетъ, если только не посѣтитъ ее вскорѣ благость Господня. Посему какъ взаимное ваше единомысліе и единеніе почитаемъ собственнымъ своимъ благомъ, такъ и васъ просимъ оказать состраданіе къ нашимъ раздѣленіямъ, и не отлучать насъ отъ себя потому, что удалены мы отъ васъ мѣстнымъ положеніемъ, но принять насъ въ стройный составъ единаго тѣла, потому что соединены мы съ вами общеніемъ по Духу.

А наши бѣдствія извѣстны, хотя бы мы и не говорили о нихъ; потому что ими оглашена уже цѣлая вселенная. Пренебрегаются ученія отцевъ, уничижаются апостольскія преданія; въ Церквахъ получаютъ силу изобрѣтенія нововводителей; люди только хитрословятъ, а не богословствуютъ; мірская мудрость беретъ первенство, отринувъ похвалу

креста; пастыри изгоняются, а на мѣсто ихъ вводятся „волцы тяжцы", расточающіе стадо Христово (Дѣян. 20, 29); молитвенные домы стоятъ пусты безъ присутствующихъ, а пустыни наполнены сѣтующими; сѣтуютъ старцы, сравнивая древнее съ настоящимъ, а еще болѣе достойны сожалѣнія юноши, не знающіе, чего они лишены. Сего достаточно, чтобы подвигнуть къ состраданію тѣхъ, которые обучены любви Христовой: но описаніе, сравниваемое съ самою дѣйствительностію дѣлъ, во многомъ не достигаетъ до полнаго ихъ изображенія. Итакъ, ежели есть какое утѣшеніе любви, ежели есть какое общеніе Духа, ежели есть какое сердоболіе жалости: то подвигнетесь на помощь нашу; воспріимите ревность по благочестію, и избавьте насъ отъ этой бури. И нами да изрекается съ дерзновеніемъ это благое провозвѣстіе отцевъ, низлагающее злоименную ересь Аріеву, назидающее же Церкви здравымъ ученіемъ, по которому Сынъ исповѣдуется единосущнымъ Отцу, и Святый Духъ равночестно числимымъ вмѣстѣ и спокланяемымъ, чтобы, какія вамъ далъ Господь, и дерзновеніе защищать истину, и похваленіе исповѣданіемъ Божественной и спасительной Троицы, тѣ же и намъ дарованы были вашими молитвами и вашимъ содѣйствіемъ.

А подробности перескажетъ вашей любви самъ упомянутый выше содіаконъ. Мы согласились на все, что сдѣлано вашею досточестностію, на основаніи правилъ, одобривъ вашу апостольскую ревность по православію.

87. Уалеріану, епископу иллирійскому (91).

Отвѣчая на письмо, полученное съ Савиномъ, чрезъ него же проситъ молиться о Церкви, бѣдствующей на востокѣ отъ аріанъ, и изъявляетъ надежду свою, что западные послужатъ къ обновленію здравой вѣры на востокѣ, чтобы тѣмъ вознаградить за блага, съ востока ими полученныя. (Писано въ 372 году).

Благодареніе Господу, Который даетъ намъ въ твоей чистотѣ видѣть плодъ древней любви! Столько удаленный отъ насъ тѣломъ, ты привелъ себя въ соприкосновеніе съ нами посредствомъ письма, и объявъ насъ духовною и святою своею любовію, произвелъ въ душахъ нашихъ какую-то невыразимую къ тебѣ привязанность. Ибо на самомъ дѣлѣ узнали мы силу притчи, что „якоже души жаждущей вода студеная, тако вѣсть благая издалеча" (Притч. 25, 26). Сильный у насъ глодъ любви, досточестнѣйшій братъ. А причина сему очевидна; потому что „за умноженіе беззаконія изсякла любы многихъ" (Матѳ. 24, 12). Потому и письмо показалось намъ стоящимъ великой цѣны, и воздаемъ тебѣ за него съ тѣмъ же благоговѣйнѣйшимъ содіакономъ и братомъ нашимъ Савиномъ, чрезъ котораго увѣдомляемъ тебя и о себѣ, и просимъ бодрствовать въ молитвахъ за насъ, да подастъ святый Богъ и здѣшнимъ

дѣламъ со временемъ тишину и безмолвіе, и да запретитъ сему вѣтру и морю, чтобы избавиться намъ отъ этого волненія и смятенія, въ какомъ находимся теперь, непрестанно ожидая совершеннаго потопленія.

Но и это великій даръ намъ отъ Господа въ настоящемъ положеніи, когда слышимъ, что вы пребываете между собою въ точномъ согласіи и единеніи, и что у васъ безпрепятственно возвѣщается проповѣдь благочестія. Ибо, если только не заключены уже времена міра сего, и остаются еще дни житія человѣческаго, то необходимо, чтобы нѣкогда вами обновлена была вѣра на востокѣ, и чтобы при времени вознаградили вы востокъ за тѣ блага, какія получали отъ него. Ибо здѣсь здравая часть христіанъ, защищающихъ благочестіе отцевъ, довольно изнемогла; діаволъ, по пронырству своему, привелъ ее въ потрясеніе, многократно и разнообразно нападая на нее съ своими кознями. Но вашими молитвами, любящіе Господа, да угасится лукавая и вводящая людей въ обманъ ересь Аріева зловѣрія, да возсіяетъ же доброе ученіе отцевъ нашихъ, собравшихся въ Никеѣ, чтобы блаженной Троицѣ воздалось славословіе, согласное съ спасительнымъ крещеніемъ.

88. Къ италійскимъ и галльскимъ епископамъ (92).

Отъ имени восточныхъ епископовъ, которые не только находятъ утѣшеніе въ разсказѣ своихъ бѣдствій, но и питаютъ надежду, что западные, узнавъ отъ Савина о дѣлахъ на востокѣ, прійдутъ къ нимъ на помощь, изображаетъ бѣдствія восточныхъ Церквей, и проситъ епископовъ поспѣшить своимъ вспомоществованіемъ дѣлу Церкви. (Писано въ 372 году).

Боголюбивѣйшимъ и преподобнѣйшимъ братіямъ, сослужителямъ въ Италіи и Галліи, единодушнымъ епископамъ, Мелетій, Евсевій, Василій, Вассъ, Григорій, Пелагій, Павелъ, Аѳеимъ, Ѳеодотъ, Виѳъ, Авраамій, Іовинъ, Зинонъ, Ѳеодоритъ, Маркіанъ, Варахъ, Авраамій, Ливаній, Ѳалассій, Іосифъ, Воиѳъ, Іатрій, Ѳеодотъ, Евстаѳій, Варсума, Іоаннъ, Хосрой, Іосакесъ, Нарсесъ, Марисъ, Григорій, Дафнъ желаютъ радоваться о Господѣ.

Душамъ болѣзнующимъ приноситъ нѣкоторое облегченіе и вздохъ, часто исторгающійся изъ сердечной глубины, иногда же и источенныя слезы разсѣвали большую часть скорби. А намъ высказать страданія свои предъ вашей любовію доставляетъ болѣе утѣшенія, чѣмъ воздыханія и слезы, даже лелѣетъ насъ нѣкоторая добрая надежда, что, если объявимъ вамъ свои огорченія, то, можетъ быть, возбудимъ васъ оказать намъ помощь, которой давно ожидали отъ васъ восточнымъ Церквамъ, но еще не получили, конечно, потому, что Богъ, премудро распоряжая нашими дѣлами по незримымъ судамъ Своей правды, устроилъ такъ,

чтобы мы долѣе боролись съ сими искушеніями. Ибо вамъ, досточестнѣйшіе братія, не безъизвѣстны дѣла наши, о которыхъ слухъ дошелъ и до крайнихъ предѣловъ вселенной, и вы не лишены сострадательности къ единодушнымъ съ вами братіямъ, будучи учениками Апостола, который учитъ, что любовь къ ближнему есть „исполненіе закона“ (Рим. 13, 10). Но какъ сказалъ я, стремленіе ваше удерживалъ праведный судъ Божій, продолжающій время исполненія скорби, наложенной на насъ за грѣхи наши.

Но теперь, по крайней мѣрѣ, просимъ васъ возбудиться ревностію по истинѣ и состраданіемъ къ намъ, когда и то все, что доселѣ избѣгало вашего слуха, узнали вы отъ благоговѣйнѣйшаго брата нашего, содіакона Савина, который можетъ самъ отъ себя пересказать вамъ, что и не входитъ въ письмо. Чрезъ него просимъ васъ облечься „во утробы щедротъ“ (Кол. 3, 12), отложить всякое медленіе, принять же на себя трудъ любви, и не брать въ разсчетъ ни дальности пути, ни домашнихъ недосуговъ, ни другихъ человѣческихъ препятствій.

Не одна Церковь въ опасности, даже не двѣ или три Церкви подвергаются жестокой этой бурѣ: почти отъ предѣловъ Иллирика до Ѳиваиды свирѣпствуетъ зловредная ересь, которой лукавыя сѣмена брошены сперва злоименнымъ Аріемъ, глубоко же укорененныя многими, которые послѣ Арія прилежно воздѣлывали нечестіе, произрастили теперь тлетворные плоды. Догматы благочестія извращены, уставы Церкви нарушены; любоначаліе людей, не боящихся Господа, кидается за начальственными должностями, и предсѣдательство въ-явь уже предлагается въ награду за нечестіе: почему, кто произносилъ болѣе тяжкія хулы, тотъ предпочтительнѣе другихъ избираетъ на епископство въ народѣ; изчезла сановность священническая; мало людей, пасущихъ стадо Господне разумно: сбереженное для бѣдныхъ честолюбцы непрестанно тратятъ на свои удовольствія и на раздачу подарковъ; не видно точнаго исполненія церковныхъ правилъ; много стало свободы—грѣшить: ибо достигающіе начальства человѣческимъ усердіемъ въ благодарность за сіе самое усердіе воздаютъ тѣмъ, что все дозволяютъ въ угодность грѣшащимъ. Погибъ правдивый судъ; всякій ходитъ по волѣ сердца своего; порокъ не знаетъ себѣ мѣры; народъ не слушаетъ увѣщаній; въ предстоятеляхъ не достаетъ дерзновенія; потому что пріобрѣтшіе себѣ власть чрезъ людей стали рабами оказавшихъ имъ милость. У иныхъ придумано уже и оружіе для междоусобной брани, именно защита православія, и прикрывая частныя свои вражды, выставляютъ на видъ, что враждуютъ за благочестіе. А другіе, отклоняя отъ себя обличеніе въ самыхъ гнусныхъ дѣлахъ, доводятъ народъ до неистовства, поощряя къ взаимнымъ спорамъ, чтобы общими бѣдствіями прикрыть свое худое со-

стояніе. Поэтому брань сія не примирима; сдѣлавшіе худое страшатся общаго мира; потому что онъ обнаружитъ „тайная“ ихъ „срама“. Сверхъ этого невѣрные смѣются, маловѣрные колеблются; вѣра сомнительна, невѣдѣніе проливается въ души, потому что злонамѣренно искажающіе ученіе поддѣлываются подъ истину. Молчатъ уста благочестивыхъ, развязанъ всякій хульный языкъ, святое осквернено; здравомыслящіе въ народѣ бѣгутъ отъ молитвенныхъ домовъ, какъ отъ училищъ нечестія и по пустынямъ со стенаніями и слезами подъемлютъ руки къ небесному Владыкѣ. Конечно, и до васъ достигло, что дѣлается въ большей части городовъ; народъ съ женами, дѣтьми и даже старцами, внѣ городскихъ стѣнъ, подъ открытымъ небомъ, совершаютъ молитвы, съ великимъ терпѣніемъ перенося страданія отъ воздушныхъ перемѣнъ, и ожидая себѣ помощи отъ Господа. Какой плачъ соотвѣтственъ симъ бѣдствіямъ? Какіе источники слезъ будутъ достаточны для столькихъ несчастій?

Итакъ, пока еще нѣкоторые, по видимому, не пали, пока хранится еще слѣдъ древняго состоянія, прежде нежели постигло Церкви совершенное крушеніе, поспѣшите къ намъ, поспѣшите уже, ей! просимъ васъ, искреннѣйшіе братія; подайте руку падшимъ на колѣна. Да воздвигнется къ намъ братское ваше сердоболіе, да проліются слезы сострадательности! Не пренебрегите тѣмъ, что половина вселенной погружена въ заблужденіе. Не потерпите, чтобы угасла вѣра у тѣхъ, у кого возсіяла первоначально.

А что сдѣлать вамъ въ пособіе дѣламъ, и какъ оказать состраданіе къ скорбящимъ, этому, безъ сомнѣнія, не нужно учить васъ, но Самъ Духъ Святый внушитъ вамъ сіе. Впрочемъ скажемъ, что нужно скорость въ спасеніи оставшихся и прибытіе большаго числа братій, чтобы прибывшіе составили полный соборъ, и для поправленія дѣлъ имѣли достовѣрность не только по важности прославшихъ, но и по числу своему. Пусть они возобновятъ исповѣданіе вѣры, составленное отцами нашими въ Никеѣ, изгонятъ ересь, предложатъ Церквамъ слово мира, приведя къ единодушію одинаково думающихъ. Ибо, конечно, всего болѣе достойно сожалѣнія, что и здоровое по видимости раздѣлилось само въ себѣ, и обстоятъ насъ бѣдствія, какъ видно, подобныя тѣмъ, въ какихъ прежде былъ Іерусалимъ во время осады Веспасіановой. Ибо Іерусалимляне вмѣстѣ и стѣснены были внѣшнею войной, и въ то же время истребляемы внутреннимъ мятежемъ единоплеменниковъ. А у насъ, сверхъ открытой брани еретиковъ, воздвигнутая еще брань тѣми, которыя признаются православными, довела Церкви до крайняго изнеможенія. Потому и имѣемъ особенную нужду въ вашей помощи, чтобы исповѣдавшіе апостольскую вѣру, прекративши у себя выдуманные ими расколы, подчинились, наконецъ, полномочію Церкви, и тѣло Христово содѣлалось

совершеннымъ, будучи снова всѣми членами приведено во всецѣлость; и не только ублажили мы блага, видимыя у другихъ, какъ дѣлаемъ теперь, но и у себя самихъ увидѣли Церкви воспріявшими похвалу древняго православія. Ибо подлинно достойно высочайшаго ублаженія дарованное отъ Господа вашему богочестію, различать поддѣльное отъ стоющаго цѣны и чистаго, проповѣдывать же отъ всякаго отступленія вѣру отцевъ, которую мы приняли, и признаемъ изображенною начертаніями, взятыми у Апостоловъ, согласуясь и съ нею и со всѣмъ, что по правиламъ и уставамъ поставлено въ соборномъ посланіи.

89. Къ Кесаріи женѣ патриція, о пріобщеніи (93).

Одобряя ежедневное пріобщеніе св. Таинъ, извѣщаетъ, что въ Кесаріи совершается оное четырекратно въ недѣлю, и отвѣчаетъ на вопросъ, позволительно ли мірянамъ пріобщаться изъ своихъ рукъ дома. (Писано около 372 года).

Хорошо и преполезно каждый день пріобщаться и принимать святое тѣло и кровь Христову: потому что Самъ Христосъ ясно говоритъ: „ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный“ (Іоан. 6, 54). Ибо кто сомнѣвается, что непрестанно быть причастникомъ жизни не иное что значитъ, какъ жить многообразно? Впрочемъ пріобщаемся четыре раза каждую седмицу: въ день Господень, въ среду, въ пятокъ и въ субботу, также и въ иные дни, если бываетъ память какого святаго. А что ни мало не опасно, если кто, во время гоненій, за отсутствіемъ священника или служащаго, бываетъ въ необходимости принимать причастіе собственною своею рукою, излишнимъ было бы это и доказывать; потому что долговременный обычай удостовѣряетъ въ этомъ самымъ дѣломъ. Ибо всѣ монахи, живущіе въ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ іерея, храня причастіе въ домѣ, сами себя пріобщаютъ. А въ Александріи и Египтѣ и каждый крещенный мірянинъ по большей части имѣетъ причастіе у себя въ домѣ, и самъ собою пріобщается, когда хочетъ. Ибо, когда іерей единожды совершилъ и преподалъ Жертву; принявшій ее какъ всецѣлую, причащаясь ежедневно, справедливо долженъ вѣровать, что принимаетъ и причащается отъ самаго преподавшаго. Ибо и въ Церкви іерей преподаетъ часть, и пріемлющій съ полнымъ правомъ держитъ ее, и такимъ образомъ собственною своею рукою подноситъ къ устамъ. Потому одну имѣетъ силу, пріемлетъ ли кто отъ іерея одну часть, или вдругъ многія части.

90. Иліи, правителю области (94).

Св. Василій, обвиненный предъ правительствомъ въ огромныхъ постройкахъ и въ чемъ-то иномъ, оправдывается въ первомъ, что зданія сіи общеполезны, служатъ украшеніемъ городу, и начаты не безъ воли императора, а оправданіе во всемъ прочемъ отлагаетъ до свиданія съ правителемъ, которому совѣтуетъ подражать Александру. (Писано въ 372 году).

Собирался я и самъ идти къ твоей досточестности, чтобы, если не прійду, не взяли передо мною преимущества клеветники. Но поелику воспрепятствовалъ тѣлесный недугъ, который напалъ на меня гораздо сильнѣе обыкновеннаго, то необходимо дошло дѣло до письма. Видѣвшись съ тобою, чудный мужъ, въ послѣдній разъ имѣлъ я намѣреніе сообщить твоему благоразумію о всѣхъ своихъ житейскихъ дѣлахъ, имѣлъ также намѣреніе повести слово и о Церквахъ, чтобы послѣ сего не осталось уже никакого мѣста клеветамъ. Но удержался, разсуждая, что было бы совершенно излишне и сверхъ мѣры надменно, на человѣка, обремененнаго такимъ множествомъ дѣлъ, возлагать еще заботы кромѣ необходимыхъ. А вмѣстѣ (пусть будетъ сказано правда) побоялся я и по другой причинѣ,—чтобы не прійти въ необходимость уязвить взаимными противорѣчіями душу твою, которая должна въ чистомъ благоговѣніи къ Богу получить совершенную награду за богочестіе. Ибо дѣйствительно, если обращу вниманіе твое на себя; то мало оставлю тебѣ времени для дѣлъ общественныхъ, и поступлю подобно тому, кто кормчаго, который въ великую бурю правитъ вновь оснащеннымъ кораблемъ, сталъ бы обременять прибавкою груза, когда надлежало бы убавить поклажу и, сколько можно, облегчить корабль. Посему, кажется мнѣ, и великій царь, узнавъ, что у насъ такъ много заводится дѣлъ, дозволилъ, чтобы мы сами собою распоряжались въ Церквахъ.

Впрочемъ желаю спросить тѣхъ, которые тревожатъ твой не знающій коварства слухъ: чѣмъ хуже стали отъ насъ общественныя дѣла? Что большее или малое въ общихъ дѣлахъ потерпѣло ущербъ отъ нашего управленія Церквами? Развѣ кто скажетъ: и то приноситъ вредъ дѣламъ, что воздвигли мы Богу нашему молитвенный домъ, великолѣпно устроенный, и около него жилыя зданія, одно изящнаго вида отдѣленное для предстоятеля, другія ниже его распредѣленныя по порядку служителямъ Божіимъ; а сіи же зданія назначаются для общаго употребленія и вамъ градоначальникамъ, и сопровождающимъ васъ. Кому же дѣлаемъ обиду, если строимъ пристанища странникамъ, бывающимъ здѣсь мимоходомъ и по немощи имѣющимъ нужду въ какой-нибудь услугѣ, или заводимъ необходимо къ ихъ успокоенію, ходящихъ за больными, врачей, вьючныхъ животныхъ, проводниковъ? За симъ неотъемлемо

должны слѣдовать и искусства, какъ необходимыя для жизни, такъ и изобрѣтенныя для приличнаго препровожденія оной; и еще иные домы приспособленныя для работъ, что все служитъ украшеніемъ городу и обращается въ похвалу нашему градоначальнику, потому что сіе распространяетъ добрую славу о немъ. Ты не для того вынужденъ начальствовать надъ нами, что одинъ имѣешь достаточныя силы величіемъ своего изволенія возстановить падшее, населить не населенное, и однимъ словомъ, пустыни преобразить въ города. Поэтому, что было бы сообразнѣе изгонять ли и обижать содѣйствующаго въ этомъ, или почтить и любить его? И не подумай, превосходнѣйшій, что сказанное мною существуетъ только на словахъ. Мы приступили уже къ дѣлу, записывая пока нужное для постройки. И это сказано мною въ оправданіе предъ градоначальникомъ.

А что долженъ я отвѣчать на упреки людей, любящихъ приносить жалобы, и отвѣчать тебѣ, какъ христіанину и другу, который заботится о мнѣніи, какое имѣютъ обо мнѣ; то теперь необходимо о семъ умолчать, потому что это превосходитъ мѣру письма, и сверхъ того не безопасно повѣрять сіе бездушнымъ письменамъ. Но чтобы тебѣ, до свиданія со мною увлекшись чьими-либо клеветами, не быть принужденнымъ уменьшить сколько-нибудь свое ко мнѣ благоволеніе, поступи какъ Александръ. Ибо о немъ сказываютъ, что когда клеветали ему на одного изъ приближенныхъ, открылъ онъ одно ухо клеветнику, а другое тщательно зажалъ рукою, показывая тѣмъ, что намѣревающійся судить правильно долженъ не весь вдругъ увлекаться предваряющими, но половину слуха своего сохранить неприкосновенно, чтобы выслушать потомъ оправданіе отсутствующаго.

91. Къ Евсевію, епископу самосатскому (95).

Св. Василій, приглашенный Мелетіемъ и Ѳеодотомъ на свиданіе съ ними, писалъ о томъ съ діакономъ Ѳеофрастомъ къ Евсевію, и его приглашая на свиданіе. Поелику же діаконъ, не передавъ письма, умеръ; то пишетъ о томъ же вторично съ Евстаѳіемъ за 33 дня до срока, назначеннаго для ихъ свиданія. (Писано въ 372 году).

Давно писавъ къ твоему благочестію, какъ о другихъ дѣлахъ, такъ и о взаимномъ нашемъ съ тобою свиданіи, обманулся я въ надеждѣ потому что письмо не дошло въ руки твоей досточестности. Блаженный діаконъ Ѳеофрастъ взялъ письмо у меня, когда я по необходимости отправлялся въ какой-то объѣздъ, но не передавалъ его твоему богочестію, потому что его предупредила болѣзнь, отъ которой онъ скончался. Поэтому такъ поздно принимаюсь писать, что нѣтъ и надежды, чтобы, по причинѣ весьма стѣсненныхъ обстоятельствъ, была какая польза отъ сего письма.

Боголюбивѣйшій епископъ Мелетій и Ѳеодоръ приказали мнѣ прійдти къ нимъ, предлагая сіе свиданіе въ знакъ любви и желая, что нѣсколько поправлено было то, что производитъ теперь огорченіе. А временемъ свиданія назначили мнѣ средину наступающаго мѣсяца іюня, мѣстомъ же селеніе Фаргамъ, знаменитое славою мучениковъ и многолюдствомъ собора, совершаемаго ими ежегодно. Поелику же мнѣ, который по возвращеніи узналъ объ успеніи блаженнаго діакона и о лежащемъ у меня безъ дѣла письмѣ, должно было не покою предаваться; то, поелику мнѣ осталось еще до срока тридцать три дня, поспѣшно отослалъ я письмо сіе къ достопочтеннѣйшему брату и сослужителю моему Евстаѳію, чтобы имъ передано было твоей степенности, и опять въ скорости принесенъ ко мнѣ отвѣтъ. Ибо, если можно, или даже пріятно тебѣ прійти туда же; и я буду. А если нѣтъ, то самъ я свиданіемъ своимъ, ежели угодно будетъ Богу, воздамъ прошлогодній долгъ: если же опять по грѣхамъ моимъ будетъ какое препятствіе, то посѣщеніе епископовъ отложу до другаго времени.

92. Къ Софронію магистру (96).

Изображаетъ, какую потерю понесла Каппадокія въ лицѣ отнятаго у нея по клеветамъ правителя (вѣроятно, Иліи), и проситъ Софронія представить его царю и защитить предъ нимъ. (Писано въ 372 г.).

Кто такъ любитъ отечество, какъ ты, который наравнѣ съ родителями почитаешь произведшую тебя на свѣтъ и воспитавшую родину, желаешь благъ и вообще всему городу и въ частности каждому, даже не только желаешь, но и подтверждаешь свои благожеланія собственными дѣлами? Ибо ты, съ Божіею помощію можешь дѣлать подобныя дѣла, и о, если бы, при такой своей добротѣ, могъ и, какъ можно, долѣе дѣлать ихъ! Впрочемъ и при тебѣ отечество наше богатѣло только во снѣ. Попеченіе о немъ ввѣрено было человѣку, которому, какъ говорятъ знающіе что было у насъ въ старину, доселѣ не бывало другаго равнаго начальника. Но у него вскорѣ отнятъ этотъ человѣкъ по навѣту людей, которые благородный и не льстивый нравъ сего мужа обратили въ поводъ къ враждѣ на него и сложили клеветы, не допустивъ сего до слуха твоего совершенства. Потому всѣ мы вообще сѣтуемъ, лишившись начальника, который одинъ могъ возстановить нашъ городъ, преклонившій уже колѣна, былъ истиннымъ стражемъ правды, былъ доступенъ обиженнымъ, страшенъ преступникамъ закона, равно и бѣднымъ и богатымъ, и что всего важнѣе, возвратилъ христіанству древнюю честь его. А то, что былъ онъ самый неподкупный изъ извѣстныхъ намъ людей и въ угодность кому-либо не дѣлалъ ничего вопреки справедливости, прехожу молчаніемъ, какъ самое малое между прочими его доблестями.

Правда, что свидѣтельствую объ этомъ, пропустивъ надлежащее время, утѣшая самъ себя, какъ поющій про одного себя, и не принося никакой пользы дѣлу. Впрочемъ не безполезно и сіе, что въ великой душѣ твоей останется памятованіе о семъ человѣкѣ, и возъимѣешь къ нему благодарность, какъ къ благодѣтелю твоего отечества и если кто изъ раздражающихся тѣмъ, что его не предпочли справедливости, станетъ нападать на него, ты заступишься и защитишь, для всякаго сдѣлавъ явнымъ, что почитаешь для себя этого человѣка своимъ, достаточною причиною къ таковому признанію полагая доброе о немъ свидѣтельство, и дѣйствительный опытъ, превышающій собою мѣру времени; потому что, чего бы не сдѣлалъ другой во многіе годы, то совершено имъ въ кроткое время. А достаточная для насъ милость и достаточное утѣшеніе въ постигшемъ насъ, если представишь его царю и разрушишь взведенныя на него клеветы. Воображай, что все отечество говоритъ тебѣ это однимъ моимъ голосомъ, а таково общее всѣхъ желаніе, чтобы этотъ человѣкъ, при содѣйствіи твоего совершенства, остался въ дѣлахъ своихъ не безуспѣшнымъ.

93. Къ совѣтодательному собранію въ Тіанѣ (97).

Выражаетъ ревность свою о соблюденіи мира и при томъ раздорѣ, какой произошелъ съ Аноимомъ, по случаю раздѣленія Каппадокіи. (Писано въ 372 г.).

Открывающій глубины и „объявляющій совѣты сердечные“ (1 Кор. 4, 5). Господь далъ и смиреннымъ разумѣніе ухищреній, какъ думаютъ дѣлъ бы правильно, если бы не имѣлъ сообщникомъ себѣ другаго, и не скрыто все, что ни сдѣлано. Но впрочемъ я не вижу и не слышу ничего другаго, кромѣ одного—мира Божія, и того, что ведетъ къ нему. Хотя другіе и сильны и велики, и сами въ себѣ увѣрены; но я ничего не значу, ничего не стою: почему никогда не возьму на себя столько, чтобы почесть себя имѣющимъ довольно силъ одному и самому собой преодолѣть трудность дѣлъ, но твердо знаю, что гораздо болѣе имѣю нужды въ вспомоществованіи каждаго изъ братіи, нежели сколько одна рука нуждается въ пособіи другой; потому что и самымъ устройствомъ тѣла нашего Господь научилъ насъ необходимости общенія. Ибо, когда разсматриваю эти самые члены свои, и вижу, что ни одинъ не достаточенъ самъ по себѣ для дѣйствованія, тогда могу ли подумать, что я самъ по себѣ достаточенъ для отправленія дѣлъ житейскихъ? Нога не ходила бы твердо, если бы вмѣстѣ съ нею не подпирала тѣло другая; глазъ не видѣлъ бы правильно, если бы не имѣлъ сообщникомъ себѣ другаго, и не согласно съ нимъ устремлялся на видимые предметы. Вѣрнѣе слухъ, который принимаетъ звуки обоими путями; крѣпче схватываешь вещь при взаимномъ общеніи перстовъ. И однимъ словомъ—не вижу, чтобы ка-

кое естественное или свободное дѣйствіе совершалось безъ единодушія тѣхъ, которые принадлежатъ къ тому же роду; потому что и сама молитва, когда нѣтъ согласія въ молящихся, бываетъ гораздо безсильнѣе самой себѣ, и Господь обѣщалъ быть посреди двоихъ или троихъ призывающихъ Его въ единодушіи (Матѳ. 18, 20). Но и самое домостроительство принялъ на себя Господь, чтобы „умиротворить кровію креста“ Своего, „аще ли земная, аще ли небесная“ (Колос. 1, 20). А по всему этому желаю въ мирѣ пребывать остальные дни свои; прошу, чтобы съ миромъ было успеніе мое. Поэтому рѣшился я для мира не избѣгать, какого бы то ни было, труда, не отказываться говорить и дѣлать что-либо унизительное, не брать въ расчетъ дальности пути, не бояться какихъ-либо другихъ безпокойствъ, только бы сподобиться наградъ, обѣщанныхъ миротворцамъ. Если кто слѣдуетъ моему въ этомъ руководству, то сіе всего лучше, и составляетъ конецъ моихъ желаній. А если кто повлечетъ въ противоположную сторону, то и въ этомъ случаѣ не отступлю отъ своего рѣшенія. Но въ день воздаянія всякій самъ узнаетъ плоды своего дѣланія.

94. Къ Евсевію епископу самосатскому (98).

Объясняетъ, почему отложилъ поѣздку въ Никополь, когда и для чего намѣренъ быть тамъ и въ Самосатахъ, также почему нужно ему свиданіе съ епископами второй Каппадокіи; описываетъ свое свиданіе съ Евстаѳіемъ; извиняется въ недоставленіи Евсевію писемъ отъ епископовъ; изъявляетъ свое желаніе, чтобы св. Григорій Назіанзенъ былъ епископомъ; извѣщаетъ о Палматіи, зоветъ Евсевія къ себѣ. (Писано въ 372 году).

При всемъ стремленіи быть въ Никополѣ, по полученіи письма отъ твоего преподобія съ отказомъ прійдти туда, желаніе во мнѣ ослабѣло, и вдругъ напомянулись всѣ мои недуги. А пришло на мысль и малое усердіе звавшихъ, потому что, сдѣлавъ мнѣ начальное приглашеніе чрезъ достопочтеннѣйшаго брата Еллинія, который уравниваетъ подати въ Назіанзѣ, не соблаговолили прислать кого либо для напоминанія о томъ же, или для сопровожденія моего въ пути. Итакъ поелику, по грѣхамъ своимъ, я для нихъ подозрителенъ; то побоялся свѣтлость ихъ торжества омрачить сколько нибудь своимъ присутствіемъ. Ибо, вмѣстѣ съ твоимъ великодушіемъ, не откажусь вступить въ борьбу съ великими искушеніями; но безъ тебя не имѣю достаточныхъ силъ взглянуть прямо въ лице и малой скорби.

Поелику же видѣться съ ними мнѣ нужно по церковнымъ дѣламъ; то пропустилъ я время празднества, отложилъ свиданіе до другаго спокойнаго и не шумнаго времени, и призналъ лучшимъ, пріѣхавъ въ Никополь, переговорить о церковныхъ нуждахъ съ боголюбивѣйшимъ епископомъ Мелетіемъ, если онъ откажется отъ путешествія въ Самосаты. А

ежели не откажется, то съ нимъ отправлюсь въ путь, какъ скоро получу о семъ извѣщеніе отъ обоихъ, то есть, и онъ пришлетъ отвѣтъ на мое объ этомъ письмо (потому что я писалъ уже къ нему) а, также отвѣтитъ и твое богочестіе.

Нужно же мнѣ повидаться съ епископами второй Каппадокіи, которые послѣ того, какъ стали именоваться принадлежащими къ другой области, задумали уже, что сдѣлались для меня иноземными и иноплеменными, и даже не знаютъ меня, какъ будто и никогда не заводили знакомства и не промолвили со мной ни одного слова.

Ожидалось также свиданіе съ достопочтеннѣйшимъ епископомъ Евстаѳіемъ, которое и было у меня съ нимъ. Поелику многіе вопіяли противъ него, будто бы повредилъ онъ что-то въ вѣрѣ; то имѣлъ я съ нимъ бесѣду, и при помощи Божіей нашелъ, что благомысленно держится всякаго праваго ученія.

Письма епископовъ не доставлены твоему богочестію по винѣ тѣхъ самыхъ, которые должны были переслать и мои письма; да и я объ этомъ забылъ, потому что непрерывныя заботы исторгли изъ памяти.

Что касается до брата Григорія, то и мнѣ было бы желательно, чтобы онъ управлялъ Церковію соразмѣрно его силамъ; а таковою была бы развѣ вся во едино совокупленная подъ солнцемъ Церковь. Но какъ сіе не возможно; то пусть будетъ епископомъ, не по мѣсту уважаемымъ, но доставляющимъ уваженіе мѣсту. Ибо въ подлинномъ смыслѣ великъ тотъ, кто не только достаточенъ для великихъ дѣлъ, но силою своею и малое дѣлаетъ великимъ.

Что же надобно сдѣлать съ Палматіемъ, который послѣ столькихъ братскихъ увѣщаній услуживаетъ еще Максиму въ гоненіяхъ? Впрочемъ, и теперь не лѣнятся писать къ нему; потому что видѣться съ нимъ не дозволяютъ и тѣлесная немощь и домашніе недосуги.

Но знай, боголюбивѣйшій отецъ, что дѣла наши имѣютъ великую нужду въ твоемъ присутствіи и что тебѣ необходимо еще разъ потрудить честную старость свою, чтобы поддержать колеблющуюся уже и близкую къ паденію Каппадокію.

95. Къ Терентію Комиту (99).

Оправдывается въ томъ, что не могъ дать епископовъ Арменіи, какъ предписано было императоромъ, и слагаетъ вину на епископа Ѳеодота, который не хотѣлъ имѣть общенія съ св. Василіемъ по причинѣ сношенія его съ Евстаѳіемъ, потомъ перечисляетъ, что сдѣлано имъ въ пользу армянской Церкви, во время пребыванія его въ Самосатахъ. (Писано въ 372 году).

Весьма много прилагалъ я старанія оказаться послушнымъ и царскому отчасти указу и дружескому письму твоей досточестности, какъ

увѣренный, что всякое твое слово и всякая мысль исполнены праваго намѣренія и добраго разумѣнія; однако же не могъ привести въ дѣйствіе усерднаго своего желанія. А первою и самою вѣрною причиною тому—мои грѣхи, которые вездѣ меня предваряютъ и препинаютъ на каждомъ шагу; второю же причиною—отчужденіе отъ меня епископа, который данъ мнѣ въ содѣйствіе. Ибо не знаю, что сдѣлалось съ достопочтеннѣйшимъ братомъ нашимъ Ѳеодотомъ, который съ начала обѣщался во всемъ мнѣ содѣйствовать, и усердно сопровождалъ меня изъ Гитасъ до Никополя, но какъ скоро увидѣлъ меня въ этомъ городѣ, такъ возгнушался мною и до того убоялся грѣховъ моихъ, что не допустилъ меня съ собой ни къ утренней, ни къ вечерней молитвѣ, въ чемъ относительно ко мнѣ поступилъ онъ, правда, справедливо и сообразно съ моею жизнію, но не подумавъ о томъ, полезно ли сіе для общаго состоянія Церквей. Причину же на сіе выставлялъ мнѣ ту, что согласился я принять въ свое общеніе достопочтеннѣйшаго епископа Евстаѳія.

Но дѣло было у меня такъ. Приглашенный на Соборъ, который былъ созванъ братомъ Ѳеодотомъ, и подвигнутый любовію съ послушаніемъ исполнить приглашеніе, чтобы не подумали о нашемъ собраніи, будто сходимся безъ дѣла и по напрасну, постарался я вступить въ собесѣдованіе съ упомянутымъ выше братомъ Евстаѳіемъ. Я поставилъ ему на видъ тѣ обвиненія касательно вѣры, какія взноситъ на него братъ Ѳеодотъ, и требовалъ: если слѣдуетъ правой вѣрѣ, то объявить мнѣ о семъ, чтобы могъ я быть съ нимъ въ общеніи; а если чуждъ намъ по вѣрѣ, то знать навѣрно, что и я буду для него чуждымъ. Итакъ рѣчей у насъ между собой было много; весь этотъ день проведенъ въ разсужденіяхъ о семъ; и когда наступилъ уже вечеръ, мы разошлись, не приведя своего разговора къ желаемому концу. На слѣдующій же день, начавъ опять засѣданіе съ утра, стали бесѣдовать о томъ же; къ намъ присоединился уже и братъ Пименій, пресвитеръ севастійскій, и сильно держалъ слово противъ меня. Такимъ образомъ по немногу и самъ себя оправдывалъ я, въ чемъ думали они обвинять меня, и ихъ доводилъ до согласія на требуемое мною; и по благодати Господа оказалось, что мы даже и въ самыхъ малостяхъ не разногласимъ между собою. Итакъ около девятаго почти часа возстали мы на молитву, принося благодареніе Господу, подающему, что и мыслимъ едино и говоримъ едино!

Сверхъ того мнѣ надобно было взять у Евстаѳія и письменное какое либо исповѣданіе, чтобы согласіе его сдѣлалось извѣстнымъ и его противникамъ, и чтобы у прочихъ было достаточное доказательство намѣреній сего мужа. Но для большей точности, вознамѣрился я, при свиданіи съ братомъ Ѳеодотомъ, у него взять письменное изложеніе вѣры, и предложить оное упомянутому Евстаѳію, чтобы достигнуть вмѣстѣ и того,

и другаго, — и Евстаѳіемъ исповѣдана была правая вѣра и братія несомнѣнно убѣдились, не имѣя никакого повода къ прекословію, когда Евстаѳіемъ приняты собственныя ихъ предложенія. Впрочемъ, прежде, нежели узнано, для чего шелъ я на свиданіе, и какая цѣль моей бесѣды, епископъ Ѳеодотъ не соблаговолилъ пригласить меня на Соборъ. Съ половины пути воротился я назадъ, приведенный въ уныніе тѣмъ, что труды мои о мирѣ Церквей дѣлаются не достигшими своего конца.

Послѣ сего, поелику настояла нужда мнѣ идти въ Арменію, зная особенный нравъ Ѳеодота и желая при достовѣрномъ человѣкѣ, как самъ оправдаться въ своемъ поступкѣ, такъ и его вывести изъ сомнѣнія, пришелъ я въ Гитасы—село, принадлежащее боголюбивѣйшему епископу Мелетію, гдѣ со мною былъ и этотъ выше упомянутый Ѳеодотъ. И такимъ образомъ, поелику онъ обвинялъ меня за связь съ Евстаѳіемъ, разсказалъ я тамъ объ успѣхѣ моего свиданія, а именно, что нашелъ Евстаѳія во всемъ съ ними единомысленнымъ. Ѳеодотъ утверждалъ, что Евстаѳій, разставшись со мною, отрекся отъ сего единомыслія и самъ подтвердилъ собственнымъ ученикамъ своимъ, что касательно вѣры ни въ чемъ со мною не согласенъ. Я сталъ возражать на сіе, и смотри, досточудный мой, не весьма ли справедливы и неоспоримы отвѣты, какіе я сдѣлалъ на это? Я говорилъ: „Заключая по постоянству сего человѣка во всемъ другомъ, увѣренъ я, что не такъ легко мѣняетъ онъ мысли свои, и не станетъ нынѣ исповѣдывать, а завтра отрицать, что самъ сказалъ: это человѣкъ, который и въ неважномъ чемъ нибудь бѣгаетъ лжи, какъ чего-то страшнаго, паче никогда не захочетъ противиться истинѣ въ предметахъ такой важности и всѣми столько утверждаемыхъ. А если бы случилось, что справедливо разглашаемое вами, то надобно предложить ему писаніе, заключающее въ себѣ полное показаніе правой вѣры. Если найду, что изъявляетъ онъ свое согласіе и письменно, то останусь съ нимъ въ общеніи. А если замѣчу, что уклоняется отъ сего, то прекращу съ нимъ всякую связь“.

Поелику рѣчь сію одобрили епископъ Мелетій и братъ сопресвитеръ Діодоръ (ибо и онъ находился при этомъ); то и достопочтеннѣйшій братъ Ѳеодотъ согласился тамъ, и пригласивъ прійдти въ Никополь, чтобы и Церковь его посѣтить, и отправляясь въ Саталы, самого его взять спутникомъ, оставилъ меня въ Гитасахъ. Когда же пришелъ я въ Никополь, тогда забылъ, и что слышалъ отъ меня, и на что согласился со мною, отпустилъ же меня отъ себя съ тѣми оскорбленіями и безчестіями, какія не задолго предъ симъ описалъ я тебѣ.

Поэтому, о достопочтеннѣйшая глава, какъ было можно сдѣлать что нибудь изъ предписаннаго, и дать Арменіи епископовъ, при такомъ

расположеніи ко мнѣ сообщника въ порученномъ дѣлѣ, отъ котораго ожидалъ, что съ его помощію найду людей способныхъ; потому что въ епархіи его есть мужи благоговѣйные, разумные, знающіе языкъ и имѣющіе свѣдѣнія и о прочихъ свойствахъ сего народа, извѣстные мнѣ и по именамъ; но съ намѣреніемъ умолчу о нихъ, чтобы не послужило сіе препятствіемъ воспользоваться ими Арменіи по крайней мѣрѣ въ другое время? И теперь, при такомъ состояніи дѣла дошедши до Саталъ, по благодати Божіей устроилъ я, кажется, все прочее, примирилъ армянскихъ епископовъ, и переговорилъ съ ними, о чемъ слѣдовало, чтобы отложили обычное свое хладнокровіе, и возъимѣли искреннее усердіе о Церквахъ Господнихъ; а касательно того, что и въ Арменіи съ такимъ равнодушіемъ нарушаются законы, далъ я имъ начертанія правилъ, какъ надобно имъ прилагать свое попеченіе. Отъ Церкви же въ Салатахъ получилъ я и приговоры съ прошеніемъ, чтобы далъ я имъ епископа. Была у меня забота и о томъ, чтобы разъискать справедливость хулы, распространенной о братѣ нашемъ Кириллѣ, епископѣ арменскомъ; и по благодати Божіей нашелъ я, что она пропущена ложно, по клеветѣ его ненавистниковъ, въ чемъ они открыто признались мнѣ. Кажется, что довольно благосклоннымъ къ нему сдѣлалъ я и жителей сатальскихъ, и они не бѣгаютъ уже общенія съ нимъ. Если же все это маловажно и не имѣетъ никакой цѣны, то я не могъ сдѣлать ничего большаго, по причинѣ взаимнаго, по діавольскому ухищренію, у меня съ ними несогласія. О семъ надлежало бы мнѣ молчать, чтобы не показаться разглашающимъ, что самому мнѣ служитъ въ укоризну. Но поелику иначе не возможно и оправдаться предъ твоимъ высокопородіемъ, то приведенъ я въ необходимость донести всю истину, какъ было.

96. Къ Евсевію, епископу самосатскому (100).

Благодаритъ за письмо, полученное имъ отъ Евсевія близъ Арменіи; изъявляетъ давнее свое желаніе быть въ Самосатахъ, не смотря на болѣзнь свою и множество дѣлъ; приглашаетъ Евсевія къ себѣ на праздникъ св. Епифанія (7 дня сентября) для общаго разсужденія о дѣлахъ, особливо же о томъ, что терпитъ св. Василій отъ простодушія св. Григорія нисскаго. (Писано въ 372 году).

На письмо любви твоей къ странѣ, сосѣдственной съ Арменіею, смотрѣлъ я такъ же, какъ смотрѣли бы мореходцы на разведенный на берегу огонь, видный на морѣ издали, особливо когда море свирѣпѣетъ еще отъ вѣтровъ. Ибо письмо твоей степенности и само по себѣ заключало въ себѣ много утѣшительнаго, а тѣмъ болѣе увеличивали его пріятность тогдашнія обстоятельства, о которыхъ каковы бы ни были и сколько бы меня не огорчили, ничего не скажу самъ, однажды навсегда рѣшившись

забывать все непріятное, разскажетъ же твоему благочестію мой с
діаконъ.

А тѣло у меня совершенно отказалось служить; даже и малѣйшаго
движенія не могу переносить безъ боли. Впрочемъ молюсь, чтобы по кра
ней мѣрѣ теперь, при помощи молитвъ твоихъ, можно мнѣ было вы
полнить давнее желаніе, хотя бы поѣздка сія ввела меня въ великое за
трудненіе, потому что дѣла по моей Церкви столько времени оставались
въ пренебреженіи.

Но если соблаговолитъ Богъ, что, пока еще на землѣ, увижу твое
благочестіе въ Церкви своей; то возъимѣю подлинно благія надежды и
о будущемъ, какъ не вовсе лишенный даровъ Божіихъ. Если возможно
сіе; то прошу исполнить во время Собора, который ежегодно бываетъ у
насъ въ приближающуюся уже память блаженнаго мученика Евпсихія
въ седьмый день мѣсяца сентября. Ибо у меня есть дѣла достойныя
вниманія, требующія твоего содѣйствія и касающіяся какъ поставленія
епископовъ, такъ разсужденія и совѣщанія о томъ, что замышляетъ про
тивъ меня простодушіе Григорія нисскаго, который созываетъ Соборъ въ
Анкиру, и ничего не опускаетъ, чтобы дѣйствовать вопреки мнѣ.

97. Утѣшительное (101).

Возвращаясь изъ Арменіи, по случаю чьей-то смерти утѣшаетъ кого-то, особенно огор
ченнаго сею смертію. (Писано въ 372 году).

Кто посылаетъ первое письмо, тому справедливо желать, чтобы со
держаніе письма было радостное. Это согласовалось бы и съ моимъ рас
положеніемъ; потому что всѣмъ, рѣшившимся жить благочестно, во во
продолженіе жизни желаю благоуспѣшности въ добромъ. Но поелику
распоряжающій жизнію нашею Господь, по неизреченной Своей премудро
сти, безъ сомнѣнія, къ душевной нашей пользѣ, опредѣлилъ совершиться
тому, что жизнь твою сдѣлало горестною, а меня, который соединенъ съ
тобою любовію по Богу, и о случившемся съ тобою узналъ отъ братій на
шихъ, привело въ состраданіе: то показалось мнѣ необходимымъ, по воз
можности, предложить тебѣ утѣшеніе. Поэтому, если бы можно было
дойдти до мѣста, гдѣ случается проживать твоему благородію, то прежде
всего сдѣлалъ бы я это. Поелику же и тѣлесная немощь и множество ле
жащихъ на мнѣ дѣлъ, даже и то путешествіе, которое уже мною совер
шается, обратили въ великій вредъ для нашихъ Церквей: то за лучше
призналъ я посѣтить твою степенность письмомъ, напоминая тебѣ, что
самыя скорби, по волѣ посѣщающаго насъ ими Господа, приключаются
рабамъ Божіимъ не напрасно, но для извѣданія на опытѣ истинно
любви къ сотворившему насъ Богу. Ибо какъ борцовъ подъятые во вре

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г. Изд. годъ 27-й.

(Подписной годъ считается съ 1 ноября 1911 г. по 1 ноября 1912 г.).

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Редакторъ Ф. С. ГРУЗДЕВЪ. *Издатель П. П. СОЙКИНЪ.*

52 №№ ЖУРН., въ изящн. цвѣтн. обложкахъ, съ рисунк. и чертеж., свыше **2.000** столбц. большого формата.

Въ теченіе года помѣщается около 1000 обстоятельныхъ, практическихъ, общедоступныхъ статей по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Большая часть статей иллюстрирована.

Отдѣлъ **ОТВѢТОВЪ, даваемыхъ безплатно подписчикамъ, поставленъ такъ широко,** какъ ни въ одномъ другомъ сельско-хозяйств. журналѣ. *За 26 лѣтъ существованія журнала „Сельскій Хозяинъ" дано свыше 23.000 обстоятельныхъ отвѣтовъ.*

12 КНИГЪ ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО около 800 стран. большого формата.

— СПЕЦІАЛЬНАГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ХУТОРЯНЪ. —

Кромѣ цѣлаго ряда статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, изложенныхъ простымъ, понятнымъ и для начинающихъ хозяевъ языкомъ, въ «Хуторскомъ Хозяйствѣ» помѣщаются обзоры всего лучшаго изъ другихъ сельско-хозяйственныхъ журналовъ. Такимъ образомъ, по истеченіи года, книги эти составляютъ **полную энциклопедію практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ быту хуторянина.**

5 ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ:

1) **Крупный рогатый скотъ.** *Профессора М. И. Придорогина.*
2) **Воздѣлываніе масличныхъ растеній.** *Д. В. Федорова.*
3) **Разведеніе и содержаніе домашней птицы.** *А. А. Бѣлова.*
4) **Выборъ и уходъ за нефт. и керос. двигателями.** *К. И. Дебу.*
5) **Кожевенное производство.** *И. П. Кривцова.*

— Всѣ руководства снабжены многочисленными рисунками. —

АЛЬБОМЪ. Устройство раціональнаго отопленія и кладка печей. Гражданскаго инженера *С. Е. Зарина.*

Съ подробнымъ описаніемъ кладки русской, голландскихъ и утермаркскихъ печей, каминовъ, кухонныхъ очаговъ и т. п. и 85 таблицами рисунковъ печей.

3 КНИГИ ОСОБ. ПРИЛОЖ.: 1) **Новое въ сельск. хозяйствѣ.** (Обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній въ области сельск. хоз.). Сост. *Б. Н. Усовскій.*

2 и 3) **Коренныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ** (меліораціи).

— Обширный трудъ въ 2-хъ томахъ, большого формата, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главные отдѣлы: —

1) **Мѣстныя улучшенія почвъ** (удаленіе камней, навозка земель, известкованіе и мергеленіе почвы, обработка залежи, перелоговъ и т. п.).
2) **Раздѣлка пустырей, верещатниковъ и лѣсныхъ пространствъ.**
3) **Осушка низинныхъ мѣстъ. Дренажъ.**
4) **Культура болотъ и торфяниковъ.**
5) **Орошеніе и обводненіе полей и луговъ.**
6) **Способы задержанія зимней влаги на поляхъ.**
7) **Орошеніе садовъ и огородовъ.**
8) **Укрѣпл. и облѣсеніе летучихъ песковъ.**
9) **Борьба съ оврагами.**

КАЛЕНДАРЬ Сельск. Хоз. на 1912 г. въ изящномъ переплетѣ.

Кромѣ всевозможныхъ справочныхъ свѣдѣній, въ календарѣ будутъ помѣщены адреса хозяйствъ, гдѣ можно покупать скотъ, сѣмена, птицу, посадочный матеріалъ и т. п.

БЕЗПЛАТНЫЕ ОТВѢТЫ. ✻ СѢМЕНА — НОВИНКИ.

ПОДИСНАЯ ЦѢНА: НА ЖУРНАЛЪ „СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ" со всѣми прилож. за годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи **6** РУБ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 рубля и къ 1 мая 3 рубля.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12.

27-й г. изданія. ПОДПИСКА на **1912** г. ОТКРЫТА. 27-й г. изданія.

ОДОБРЕНЪ ВСѢМИ ВѢДОМСТВАМИ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

52 **№№ ЖУРНАЛА,** въ изящныхъ цвѣтныхъ ОБЛОЖКАХЪ, до **2000** ст. текста изв. духовныхъ и свѣтскихъ писателей, свыше **600** иллюстрацій, отражающихъ духовно-нрав. жизнь прошлаго и настоящаго.

Въ журналѣ дается мѣсто исключительно такому чтенію, которое находитъ откликъ во всякой душѣ, ищущей назиданія и умиротворенія.

8 **КНИГЪ** 1.200 стран. большого формата. — **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.**

Творенія этого знаменитаго «отца церкви» имѣютъ громадное значеніе **для каждаго православнаго христіанина.** Св. Григорій Богословъ считается основоположникомъ христіанской догмы, уяснившимъ истинный смыслъ всего христіанскаго вѣроученія.

15 **КНИГЪ** до 2.500 ст. убористаго текста. — **ПОЛНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ**

или богословскій «Энциклопедическій словарь», содержащій въ себѣ необходимыя для каждаго свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ богословскаго, философскаго, церковно-практическаго и историческаго знанія въ алфавитномъ порядкѣ.

КРОМѢ ТОГО БЕЗПЛАТНО, по выбору Г.г. подписчиковъ:

12 **КНИГЪ** свыше 2.500 ст. большого формата. — **=СВѢТОЧЪ=** ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОР. ЖУРНАЛЪ.

Въ „СвѢточѢ“ помѣщаются: историч. и идейно-бытовые повѣсти и разсказы; легенды, сказанія и преданія старины; историческіе и историко-археолог. очерки; разсказы изъ быта духовенства; записки и воспоминанія выдающихся русскихъ духовныхъ и историч. дѣятелей; повѣсти и разсказы, рисующіе вредъ пьянства; научныя новости и открытія и т. д. Видное мѣсто въ №№ „СвѢточа“, какъ равно и въ №№ „Русскаго Паломника“, будетъ удѣлено юбилейному событію—100-лѣтію Отечественной войны 1812 года.

ИЛИ

12 **ВЫПУСК.** роскошнаго настольнаго изданія — **ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА**

— Въ изящной литературѣ, поэзіи, живописи и скульптурѣ. —

Передъ взоромъ читателя пройдетъ, шагъ за шагомъ, вся жизнь Іисуса Христа въ изображеніи извѣстныхъ писателей и художниковъ. Все изданіе будетъ художественно отпечатано на веленевой бумагѣ съ массою иллюстрацій черныхъ и цвѣтныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ** съ приложен. безъ дост. въ СПБ. **5** РУБ. Съ дост. и перес. по Россіи **6** РУБ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

ЖЕЛАЮЩІЕ МОГУТЪ получать „СвѢточъ“ и „Земная Жизнь Іисуса Христа“, но за доплату 1 руб. 20 коп., уплачиваемыхъ при подпискѣ.

Главная контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

ТИП. П. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ, 12.